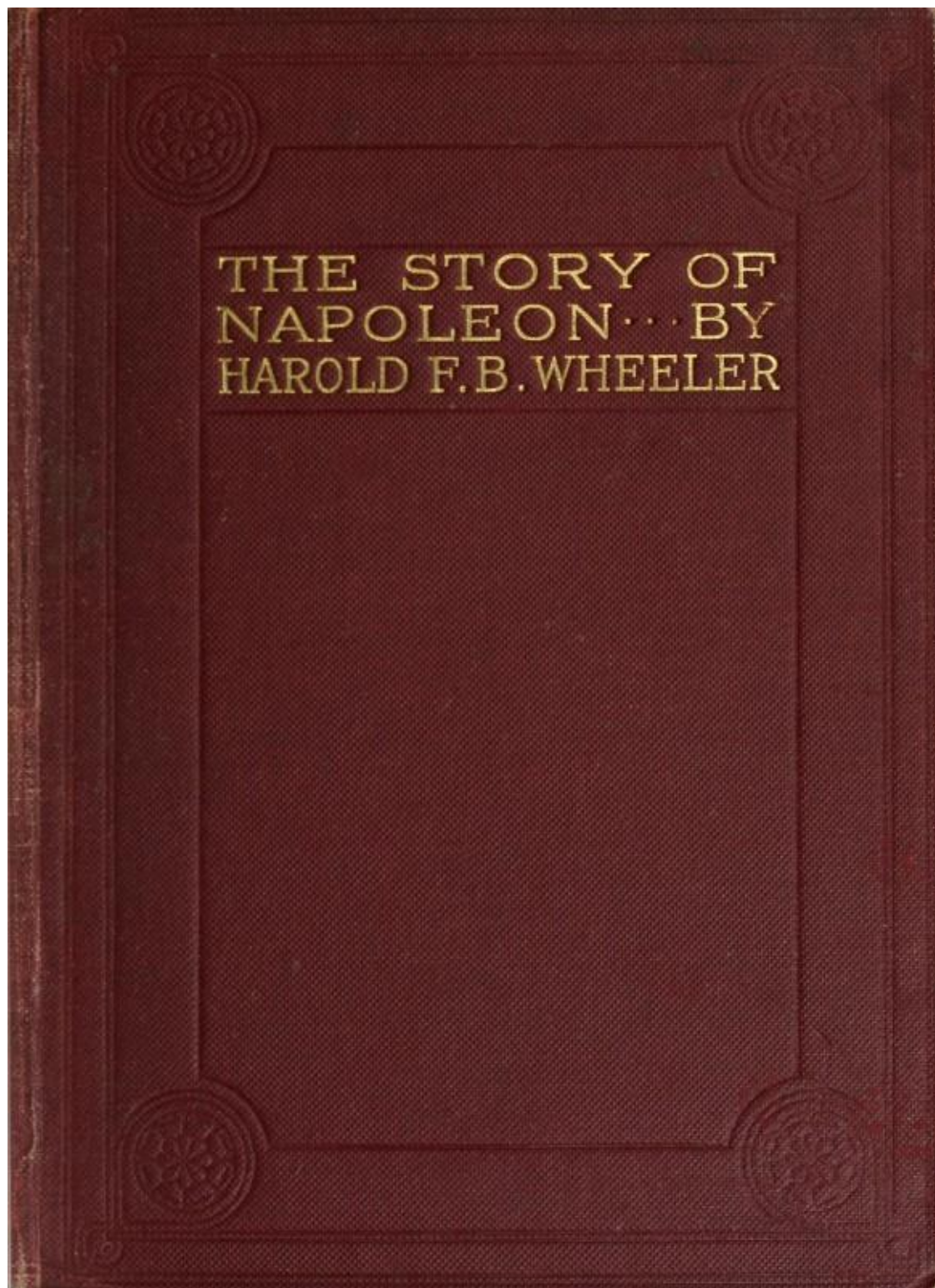

История Наполеона

Гарольд Уилер

Электронная книга проекта "Гутенберг", посвященная истории Наполеона

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История наполеона

Автор: Гарольд Уилер

Дата выхода: 13 января 2016 г. [Электронная книга № 50910]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чарли Ховардом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА " ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА" ***

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА

Однородный с этим Объемом

"ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА"

Гарольда Ф. Б. Уилера,
историка Ф.Р.

"ИСТОРИЯ НЕЛЬСОНА"

Гарольда Ф. Б. Уилера,
историка Ф.Р.

"ИСТОРИЯ ВЕЛЛИНГТОНА"

Гарольда Ф. Б. Уилера,
историка Ф.Р.

ЗНАМЕНИТЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ ВЕЛИКИХ ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЕЙ

Эрика Вуда.

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

Э. М. Уилмот-Бакстон, Ф.Р.Историк

РАССКАЗЫ О ШОТЛАНДСКОЙ ГРАНИЦЕ
мистера и миссис Уильям Платт.

ГЕРОИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
Э. М. Таппан, доктор философии

"ГЕРОИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ"
Элис Биркхед, бакалавр гуманитарных наук

ЗАВОЕВАТЕЛИ ПЕРУ
В пересказе Генри Гилберта из Прескотта.

"СЕВЕРЯНЕ В БРИТАНИИ"
Элеоноры Халл.

ИСТОРИИ ИЗ ИСТОРИИ НИДЕРЛАНДОВ
Артура Х. Доусона.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
Элис Биркхед, бакалавр наук

ЗАВОЕВАТЕЛИ МЕКСИКИ
В пересказе Генри Гилберта из Прескотта.

ИСТОРИИ ИЗ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ
Флоренс Астон.

"ИСТОРИЯ ЛОРДА РОБЕРТСА"
Гарольда Ф. Б. Уилера,
историка Ф.Р.

Наполеон I, император Франции

С картины Дэвида

FR.

ИСТОРИЯ НАПОЛЕОНА

АВТОР Гарольд Ф. Б. Уилер
F.R.Hist.S.

СОАВТОР КНИГ "НАПОЛЕОН И ВТОРЖЕНИЕ В АНГЛИЮ" И "ВОЙНА В УЭКСФОРДЕ"
АВТОР КНИГИ "РАЗУМ НАПОЛЕОНА" И ДР.

‘В этом человеке было что разглядеть, была душа, на которую можно было отважиться. Он естественным образом вырос и стал королем. Все люди видели, что он wastakimsuch.’
Карлайл

ЛОНДОН
Джордж Г. ХАРРАП И КОМПАНИЯ
ПОРТСМУТ - СТРИТ, КИНГСУЭЙ, 2 и 3, WC

ПОСВЯЩАЕТСЯ УИНИФРЕД И ДЖОАН

*Напечатано в Великобритании
издательством Turnbull & Spears, Эдинбург*

Предисловие

В истории человечества нет более удивительной истории, чем история Наполеона I., императора Франции. Его карьера - это долгая демонстрация реальности пословицы “Правда страннее вымысла”. Подробности жизни, в которой было предпринято и достигнуто так много, настолько увлекательны, что были опубликованы многие тысячи томов, посвященных различным этапам ее жизни. Спрос ни в коем случае не исчерпан, предложение продолжается, о чем свидетельствует настоящая работа. Занятые перья до сих пор заняты описанием почти сверхчеловеческих деяний некогда безвестного корсиканца, чей военный и завоевательный гений сверг многих с трона, обеспечил ему господство в Европе и, в конце концов, отправил его в островную тюрьму. Действительно, кажется маловероятным затишье в интересе, в то время как главным источником обучения и развлечения человеческой натуры является человечество — другими словами, само по себе. Большинство из нас довольны тем, что являются учениками школы опыта, желающими сидеть у ног такого мастера, как Наполеон, и усваивать уроки, которые он должен преподавать. Результат не может быть иным, как прибыльным.

Наполеон был мертв почти девяносто лет, но ослепительный блеск его подвигов оставил после себя яркий след, который позволяет нам составить о нем гораздо менее искаженное представление, чем о наших предках, которые были его современниками. Приглушенный свет полезнее, чем такой сильный, что почти ослепляет. С помощью первого мы можем более отчетливо видеть детали, замечать недостатки, если таковые имеются, получать более четкое представление об объекте во всех отношениях. В памяти живущих имя Наполеона, особенно в Великобритании, ассоциировалось со всем низким и подлым, теперь мы знаем, что он не был ни Борджиа среди своих врагов, ни архипатриотом среди своих друзей. Тем не менее незрячему человеку легче вдеть нитку в иголку, чем самому добросовестному историку прийти к абсолютно справедливому итогу дела. “Мемуары” тех, с кем император был близко знаком, редко бывают беспристрастными; большинство авторов либо определенно за, либо против него. Возьмем в качестве типичного примера мемуары барона Меневаля. Автор был одним из секретарей Наполеона, и каждая страница его работы - это защита своего хозяина. В деле о казни герцога Энгиенского, например, он заступает за дубинки от имени человека, ответственного за трагедию в Венсенне, смело заявляя, что “Приходится признать, что Наполеон выполнил тягостный долг как глава правительства, и что вместо того, чтобы обвинять его в преступлении, следует скорее пожалеть его за то, что он был поставлен перед необходимостью принять всю гнусность поступка, плачевные последствия которого в будущем его предвидение слишком ясно указало ему”.

Наполеон был далек от того, чтобы беспокоиться о возможных политических последствиях, он утверждал, что это преподаст бурбонам урок. С другой стороны, “Мемуары” Барраса, выдающейся фигуры Французской революции, могли бы оказать нам значительную услугу в сборе информации о начале карьеры Бонапарта, если бы не было неоспоримо доказано, что многое из того, что он нам рассказывает, является откровенной неправдой, и он повсюду стремится принизить достижения молодого солдата.

“Бонапарт 13-го Вандемского, - говорит он, - не выполнял никаких функций, кроме функций моего адъютанта. Я был верхом, он шел пешком; он не мог уследить за моими передвижениями. Единственным приказом, который он получил от меня, было отправиться в Пон-Руаяль и доложить мне о происходящем. Он не отдал и не должен был отдавать ни единого приказа, и его видели только в одном месте атаки, у Карусели. Оттуда он не двинулся с места; командовал Брюн.” Заявления Тибо, Мармона и многих других неоспоримо доказывают, что Наполеон, и только он, спас положение.

Поэтому книги, которые чрезмерно восхваляют или осуждают, следует читать с определенной долей сдержанности. Таких сторонников, как Юнг, много, и они, несомненно, выполняют полезную задачу при условии, что представителю другой стороны всегда предоставляется аналогичное слушание. Ланфри, чьи язвительные тома можно прочесть на английском языке, представляет школу мысли, которой нет места в эпоху, которая отказывается слушать или читать только о зле в человеке.

В настоящей работе особое внимание было уделено генезису карьеры Наполеона, поскольку именно в так называемый период становления мы закладываем семена будущего успеха. Сегодняшний и завтрашний дни неразрывно связаны, хотя мы так часто не в состоянии оценить то, что, несомненно, является одним из самых важных фактов жизни. Периоды времени являются не более реальными границами, чем периоды истории, которые являются всего лишь

воображаемыми разделениями для наглядности. Конечно, одно правление может быть более просвещенным, чем другое, один государственный деятель может принести своей стране больше пользы, чем его предшественник, но всегда есть предыдущий фундамент, на котором можно строить. Наполеон не создавал свою огромную Империю на пустом месте. Мозаичник, которому дают горку разноцветной мраморной крошки, чтобы украсить тротуар собора, не пренебрегает фрагментами, потому что они находятся в беспорядке и кажутся малоценными. С бесконечным терпением и мастерством он сортирует их по различным сортам, затем снова объединяет, но придает каждому надлежащий порядок в схеме. Вскоре из кажущегося хаоса он создает прекрасное произведение. Наполеон появился на сцене, когда гигантский переворот, известный как Французская революция, выбил из колеи всю нацию. Он объединил разрозненные массы, воссоздал правительство и армию, издал законы, восстановил религию — одним словом, вернул народ от анархии и дикости к цивилизации и порядку. Истинное место Наполеона в истории - как организатора. Он, несомненно, был завоевателем, и его чрезмерные амбиции в этом направлении стали причиной его падения. Если бы он решил единолично править Францией, все было бы хорошо; соседние страны не смогли бы выдвинуть законных возражений. Как бы то ни было, они в неоплатном долгу перед ним. Хотя в его планы не входило пробуждать дремлющие идеалы национальности и свободы, он невольно сделал это в архаичной Священной Римской империи, Италии, Испании и Тироле, не говоря уже о более важных. Столетие назад Европа ненавидела Человека Судьбы, и не без причины; сегодня у нее есть все основания если не чтить его память, то быть благодарной за то, что она почувствовала железную хватку Наполеона. Хирургические операции чрезвычайно болезненны, как для отдельного человека, так и для страны в целом.

Наполеона нельзя назвать “хорошим” человеком в общепринятом смысле этого широкого слова. Он был подстрекателем не одного политического преступления, но у него было сердце, способное сочувствовать страждущим; он говорил самые недобрые вещи о сэре Хадсоне Лоу, на попечение которого он был отдан на острове Святой Елены, и играл в медведей с маленькой Бетси Балькомб во время ее пребывания на том же острове. Столь сложная личность неизбежно должна в значительной степени бросать вызов установкам угольника и циркуля как панегириста, так и недоброжелателя. Не руководствуясь общепринятым моральным кодексом, он создал свой собственный, основанный на целесообразности. “Ни одно имя, - говорит лорд Роузбери, - не олицетворяет так полно и наглядно господство, великолепие и катастрофу. Он возвысился, используя сверхчеловеческие способности, и погубил себя, злоупотребляя ими. Он был сокрушен экстравагантностью собственного гения. Не меньшие силы, чем те, которые привели к его возвышению, могли бы привести к его падению”.

В книге, ограниченной определенным количеством страниц, многие этапы насыщенной жизни, такой как жизнь Наполеона, неизбежно должны быть освещены несколько скудно. Было сочтено невозможным полностью описать военные события, но были даны общие очертания различных кампаний и по возможности процитированы свидетельства источников из первых рук. Для общего чтения описание сражения, сделанное человеком, который присутствовал при нем, всегда предпочтительнее мельчайших подробностей самого кропотливого ученика.

Что касается авторитетных источников, следует особо обратиться к тому IX. из монументальной “Кембриджской современной истории”, справедливую и беспристрастную “Жизнь Наполеона I” доктора Дж. Холланда Роуза, несколько пренебрежительную “Краткую историю Наполеона Первого” сэра Джона Сили, виртуозные исследования мистера Ф. Лорейн Петре о польской,

прусской и австрийской кампаниях, “Историю Европы” сэра Арчибальда Элисона, которая ни в коем случае не утратила своей полезности, поскольку более современные исследования дополнили наши знания об эпохе, интересную книгу Оскара Браунинга “Отрочество и юность Наполеона, 1769-1793” и книгу мистера Херефорда Б. Джорджа “Наполеон”. “Вторжение в Россию”. Множество других томов, посвященных той же неисчерпаемой теме, которые стоят на полках моей переполненной библиотеки, также были использованы, я надеюсь, с благой целью.

Когда покойный адмирал Иден был старшим мичманом, его адмирал сказал ему, что он должен сопровождать его в поездке к павшему императору на остров Святой Елены. “Мы ждали Наполеона в соседней комнате, - рассказывал он впоследствии другу, - и вы должны себе представить, с каким нетерпением я ожидал его появления. Наконец дверь распахнулась, и он вошел. Он был низеньким и толстым, и в нем не было ничего привлекательного, кроме его глаз! Честное слово, сэр, я никогда не видел ничего подобного.

Поговорив с адмиралом, он повернулся ко мне, и тогда я впервые в жизни понял, что означает фраза ‘Прирожденный правитель людей’. Меня учили ненавидеть французов так же, как я ненавидел дьявола; но когда Наполеон посмотрел на меня, в его взгляде была такая сила и величие, что, если бы он приказал мне лечь, чтобы он мог переступить через меня, я бы сделал это немедленно, хотя и был англичанином. Выражение лица Наполеона было откровением человека и объяснением его силы. Он был рожден командовать”.

И вот вам часть секрета карьеры Наполеона.

ГАРОЛЬД Ф. Б. УИЛЕР

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Наполеон-Мальчик,	15
II. Школьные годы Наполеона	21
III. Наполеон как офицер и писатель	29
IV. Наполеон и корсиканские добровольцы	41
Против Канун правления террора	47
VI. Первая битва Наполеона с англичанами	57
VII. Наполеон - солдат удачи	65
VIII. “Искра великих амбиций”	74
IX. Итальянская кампания	82
X. Экспедиция в Египет	91
XI. Из Каира во Фрежюс	99
XII. Как Наполеон захватил бразды правления	106

XIII.	Переход через Альпы	111
XIV.	Благословения мира	124
XV.	Рассвет империи	131
XVI.	Угроза вторжения в Англию и его продолжение	138
XVII.	Война Третьей коалиции	146
XVIII.	Прусская кампания	155
XIX.	Польская кампания	168
XX.	Фридланд и Тильзит	174
XXI.	Торговая война Наполеона с Великобританией	181
XXII.	Генезис войны на полуострове	192
XXIII.	Слава при Эрфурте и унижение в Испании	206
XXIV.	Австрийская кампания	219
XXV.	Австрийская кампания— <i>Продолжение</i>	233
XXVI.	Война в Польше и Тироле	241
XXVII.	Разбитая дружба и что она принесла	253
XXVIII.	Русская кампания	265
XXIX.	Триумфальный въезд в Москву — и после	276
XXX.	Марш унижения	284
XXXI.	Начало конца — Лейпцигская кампания	291
XXXII.	Завоевание Завоевателя	302
	Индекс	315

Иллюстрации

Наполеон I, император Франции	Ж. Л. Давид	<i>Фронтиспис</i>
		Страница
Наполеона в Бриенне	<i>Реаль Дюма</i>	24
“Это император!”	<i>Х. де Т. Глейзбрук</i>	86
Назначение Наполеона первым консулом	<i>Л. Кудер</i>	108
Смерть генерала Десо	<i>А. Ле Дру</i>	118
На песках в Булони	<i>А. К. Гоу, Р.А.</i>	132
Наполеон дарит Орлов своей армии	<i>Л. Давид</i>	140
Наполеон Награждает своих солдат в Булони	<i>Ф. Г. Руссель</i>	146

В ночь перед Аустерлицем	<i>А. Давант</i>	152
Битва при Фридланде	<i>Гораций Верне</i>	176
Отступление из Москвы	<i>V. Верстчагин</i>	266
После Москвы: “Наступать или отступить?”	<i>В. Верстчагин</i>	280
Маршал Ней, защищающий арьергард 1814	<i>Адольфа Ивона</i>	288
	<i>Ж. Л. Э. Мейссонье</i>	302
Бегство с Ватерлоо	<i>А. К. Гоу, Королевская авиация</i>	308
Наполеон на борту “Беллерофонта”	<i>Сэр У. К. Орчардсон, Королевская авиация</i>	312

История Наполеона

ГЛАВА I Мальчик Наполеон (1769-1778)

Всякий раз, когда мы слышим упоминание имени Наполеона или видим его напечатанным в книге, обычно это связано с упорной победой на поле боя. Он, конечно, провел большую часть своей жизни в лагере и наслаждался обществом солдат больше, чем обществом придворных. Грохот орудий, атака кавалерии и блеск штыков, сверкающих на солнце, действовали на него почти с такой же силой, как музыка на обычных людей. Действительно, он сам говорит нам, что “крики умирающих, слезы отчаявшихся окружали мою колыбель с момента моего рождения”.

Мы склонны забывать, что у этого могущественного завоевателя, которого Карлайл называет “нашим последним великим человеком”, вообще было детство. Он родился почти полтора века назад, если быть точным, 15 августа 1769 года, в маленьком городке Аяччо, столице живописной Корсики. Этот миниатюрный остров возвышается смелой, поросшей деревьями скалой в голубых водах Средиземного моря, в пятидесяти милях к западу от побережья Италии. Он был продан Франции Генуэзской республикой годом ранее, но жители сражались за свою независимость с достойной похвалы решимостью. Затем разразилась гражданская война, и борьба окончательно закончилась за три месяца до рождения мальчика, которому предстояло стать правителем нации-завоевателя. Корсиканцы вовремя взяли реванш, хотя и совсем не таким образом, как они могли ожидать.

Летиция Бонапарт, мать Наполеона, была столь же красива, сколь и энергична, и ее знаменитый сын никогда никому не позволял говорить о ней плохо. “Моя превосходная мать, ” сказал он незадолго до своей смерти, “ женщина мужественная и очень талантливая ... она способна сделать для меня все”, - и он добавил, что высокое положение, которого он достиг, во многом было связано с тем, как тщательно она его воспитывала.

“Именно моей матери, ее добрым наставлениям и честному примеру я обязан своим успехом и всем великим свершениям, которых я достиг”, - заявил он, а одному генералу заметил: “Моя мать была превосходной женщиной, женщиной способностей и мужества”. По-настоящему великий человек всегда хорошо отзывается о своей матери.

Наполеон был четвертым ребенком Летиции, двое из которых умерли в младенчестве, в то время как Джозеф, оставшийся в живых сын, все еще не мог ходить, когда последнее пополнение в семье лежало в колыбели. Его отец был беспечным человеком хорошего происхождения, юристом по профессии, который после высадки французов сменил перо на шпагу. Он записался в армию, созданную Паскалем Паоли для защиты острова, поскольку корсиканцы в то время были очень воинственным народом и пользовались большим спросом как солдаты, и некоторые предполагают, что он исполнял обязанности секретаря Паоли. Несомненно, что патриот оказал ему заметную услугу, которая так и не была отплачена.

Когда Паоли и его верный отряд были вынуждены бежать к гостеприимным берегам Англии, Шарль Бонапарт безропотно принял помилование, предложенное тем, кто сложит оружие и признает Людовика XV Французского своим королем. Последующие события доказали мудрость его выбора, но вряд ли оправдали его поступок.

Дом, в котором жила семья Бонапарт в Аяччо, все еще стоит, но его так часто латали и ремонтировали, что, вероятно, мало что осталось от первоначальной ткани. Теперь он принадлежит бывшей императрице Евгении, супруге злополучного племянника Наполеона, известного в истории как Наполеон III. Вы бы не назвали это особняком, и все же в нем есть просторный балый зал, большая квадратная гостиная, кабинет Шарля Бонапарта, столовая, детская, несколько спален и гардеробная. Сохранилась кое-какая старая мебель, а именно диван Чиппендейл, на котором родился будущий император, спинет его матери и письменный стол его отца. Здесь также есть небольшая гравюра с изображением Наполеона верхом на лошади работы покойного принца Империи, а также одна или две статуэтки и портреты. В ратуше неподалеку висит фотография Летиции, которая свидетельствует о ее привлекательной внешности — ее называли “красавицей Аяччо”!

В детстве Наполеон был порывистым, самоуверенным и склонным к вспыльчивости. Если товарищ по играм делал что-то, что вызывало у него неудовольствие, виновник был вознагражден пинками, укусами и царапинами. Летиция делала все возможное, чтобы отучить его от этой дурной привычки, но безуспешно, поскольку он до конца своих дней возмущался вмешательством. Когда он был императором, он часто рассказывал анекдот из своей ранней жизни, который доказывает, что его мать делала нечто большее, чем просто ругала его, когда он проказничал.

В саду, пристроенном к его дому, росло несколько фиговых деревьев, и Наполеон очень любил лазать по ним. Летиция, опасаясь несчастного случая, запретила ему это делать. “Однако однажды, ” рассказывает он, “ когда я бездельничал и не знал, чем заняться, мне пришло в голову захотеть немного этого инжира. Они были спелыми; никто не видел меня и не мог ничего знать о случившемся. Я сбежал, подбежал к дереву и собрал все целиком. Утолив свой аппетит, я готовился к будущему, набивая карманы, когда в поле зрения появился незадачливый садовник. Я был полумертв от страха и неподвижно сидел на ветке дерева, где он застал меня врасплох. Он хотел схватить меня и отвести к моей матери. Отчаяние сделало меня красноречивой; я изобразила свою горе, пообещала в будущем держаться подальше от инжира,

и он, казалось, был доволен. Я поздравил себя с тем, что так удачно отделался, и вообразил, что об этом приключении никогда не узнают; но предатель рассказал все. На следующий день моя мать захотела пойти собрать немного инжира. Я ничего не оставил, ничего нельзя было найти: пришел садовник, последовали сильные упреки и разоблачение”. Результатом была взбучка!

Вероятно, занятая домохозяйка обучала Наполеона грамоте с помощью его дяди Джозефа Феша, который был всего на шесть лет старше его, в то время как от своего двоюродного дедушки, архидьякона Люсьена Бонапарта, он немного изучил библейскую историю. Монахини вдальбливали в него три буквы “P”, и поскольку заведение принимало как девочек, так и мальчиков, Наполеону понравилась одна из первых, тем самым навлекая на себя насмешки некоторых своих школьных товарищей. Они никогда не уставали насмехаться над ним, сочиняя специально для этого случая небольшой стишок о том, что “Наполеон, наполовину сняв чулки, занимается любовью с Джакометтой”. Перевод, конечно, звучит не так звеняще, как в корсиканском диалекте. Не следует делать вывод, что он был симпатичным мальчиком. Напротив, у него был желтоватый цвет лица, он был неизменно неопрятен и склонен к капризам.

Позже он перешел в более продвинутую школу, а оттуда в семинарию аббата Рекко. Если он и не был блестящим ученым, то определенно больше интересовался математикой, чем современный мальчик локомотивами, и это многое значит. Он также преуспел в географии. Оба занятия оказались полезными для *адъютантов*, когда Наполеон начал осваивать сложное искусство стратегии и тактики. Известно, что когда Наполеон был совсем маленьким, он поехал на резвом пони к соседней ветряной мельнице и, убедив мельника сказать ему, сколько кукурузы он молот за час, спокойно сел и подсчитал количество, израсходованное за день и неделю. Затем тиран вернулся к своей охваченной паникой матери, которая убедила себя, что мальчик, вероятно, упал со своего огненного скакуна и был затоптан насмерть.

При первой же возможности юный Наполеон нацарапал на стенах детской какие-то суммы и нарисовал грубые очертания солдат, марширующих в полковом порядке. Любовь к открытому воздуху проявлялась рано, и прилежный ученик мог часами оставаться на свежем воздухе, при условии, что ему позволяли заниматься своими любимыми делами, никому не мешая. Если бы его брат осмелился вмешаться, когда он работал в маленькой деревянной лачуге, которую по приказу заботливой матери построили для него, вспыльчивый нрав Наполеона взял бы верх, и незваный гость был бы вынужден поспешно ретироваться, возможно, под градом палок и камней.

“Мой брат Джозеф, - рассказывает он нам, - был тем, с кем у меня чаще всего возникали неприятности: его били, кусали, издевались. Я пошел жаловаться, прежде чем он успел оправиться от своего замешательства. Мне нужно было быть начеку; наша мать подавила бы мой воинственный настрой, она не стала бы мириться с моими капризами. Ее нежность сочеталась со строгостью: она наказывала и вознаграждала всех одинаково; хорошее, плохое - ничто не ускользало от нее. Мой отец, человек разумный, но слишком любящий удовольствия, чтобы уделять много внимания нашему младенчеству, иногда пытался оправдать наши проступки: ‘Оставь их в покое, - отвечала она, - это не твое дело, это я должна заботиться о них’. Она действительно присматривала за нами с беспримерной заботой. Всякое низкое чувство, всякая неблагодарная привязанность не поощрялись: она не терпела ничего, кроме хорошего и возвышенного, чтобы укорениться в нашем юношеском понимании. Она ненавидела ложь, была спровоцирована непослушанием: она не упускала ни одной из наших ошибок”.

Отцу Наполеона не составило труда решить, какую профессию выбрать для своего второго сына. Что касается Жозефа, он решил, что тот должен стать священником. Наполеон был уверен, что из его брата получился бы хороший епископ, и так и сказал.

В решении вопроса о деле жизни своих сыновей Шарлю Бонапарту помогал доброжелательный Марбуф, один из двух французских комиссаров, назначенных королем для управления Корсикой, который часто посещал дом на улице Сен-Шарль. Наполеону, которому было всего девять лет, предстояло вступить в большой мир, получить возможность более здраво оценить преимущества образования и ступить на землю страны, которая приняла его как скромного королевского пенсионера и двадцать пять лет спустя возвела на императорский трон.

ГЛАВА II

Школьные годы Наполеона (1779-1784)

Во Франции существовало двенадцать королевских военных училищ, в которые определенное количество сыновей бедной аристократии было принято бесплатно. Марбуфу удалось добиться этого пособия для Наполеона, хотя его отцу пришлось доказать властям, что у него не было состояния, и представить свидетельство о том, что его семья принадлежала к дворянству по крайней мере на протяжении четырех поколений. Сделав это, мальчик смог приступить к своим первым серьезным занятиям военным искусством. Поскольку корсиканцы говорили по-итальянски и почти ничего не знали о французском языке, было решено, что Наполеон должен остаться на некоторое время со своим братом Жозефом в колледже Отена, чтобы он мог приобрести некоторые знания языка, на котором отныне должны были говорить оба. До конца своих дней Наполеон так и не научился правильно писать по буквам, его произношение часто было странным, а почерк неизменно отвратительным.

Шарль Мари де Бонапарт в сопровождении Жозефа, Наполеона, дяди Феша и двоюродного брата по имени Аурелио Варезе отправился в страну их усыновления в середине декабря 1778 года. Добрая Летиция горько рыдала, расставаясь с двумя своими сыновьями, но теперь нужно было заботиться еще о нескольких детях, что, должно быть, в какой-то степени утешило ее. Путешественники проезжали через Тоскану, где прекрасный город Флоренция произвел впечатление на пластичный ум солдата-зародыша, и мимолетный вид великого герцога доставил ему огромное удовольствие. Это были отрывочные предчувствия грядущего, когда войска Наполеона захватят земли Медичи, а отпрыски королевских домов будут благодарны кивку или взгляду ныне неизвестного юноши, чьи глаза широко раскрылись от изумления при виде достопримечательностей дореволюционной Европы.

1 января 1779 года был достигнут Отен, и мальчики впервые узнали, что значит находиться за сотни миль от дома в стране, где суровая маленькая Корсика, если о ней вообще упоминали, вызывала насмешки, а ее жителей считали едва ли лучше дикарей. Еще одно расставание произошло в конце следующего апреля, когда Наполеон уехал в Бриенну, теперь неразрывно связанную с его именем и славой. Предание гласит, что Джозеф обильно плакал в момент

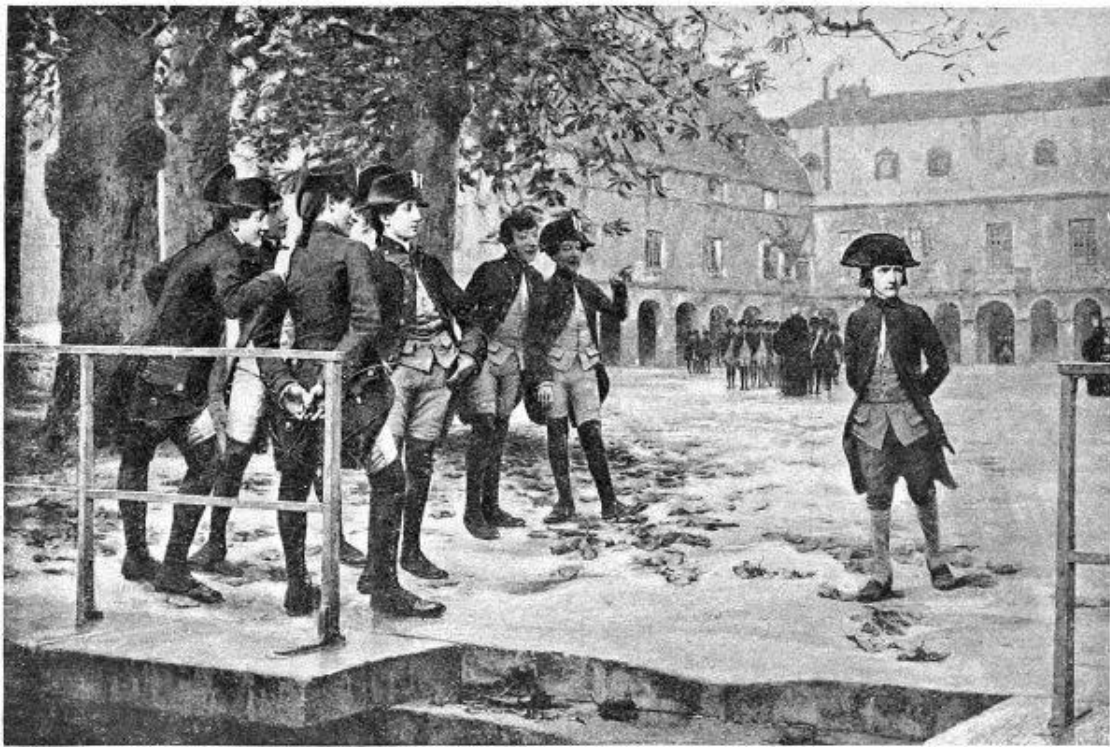
отъезда, но по щеке его брата скатилась одинокая слеза. По мнению аббата Симона, занимавшего важный пост заместителя директора колледжа, это было доказательством того, что Наполеон тем не менее остро переживал удар. Жозеф позволил своим эмоциям управлять им; Наполеон, как всегда, управлял своим сердцем усилием воли.

Может показаться странным, что Бриенна, как и другие военные училища, контролировалась монахами. На самом деле все было не так уж необычно, как могло показаться. Религия вплоть до Революции всегда играла важную роль в государстве, и этот великий эпохальный вулкан в тот период, с которым мы имеем дело, не производил ничего, кроме грохота. Настоятель был, конечно, главой заведения, у различных Отцов были особые предметы для преподавания, в которых они более или менее преуспевали. Иногда кто-нибудь из мирян помогал в качестве подчиненного. Пишегрю, которому суждено было прославиться в профессии, выбранной Наполеоном, преподавал в начальном классе в Бриенне.

Ученики жили в почти монашеском уединении. Им не разрешалось покидать территорию школы в течение всех шести лет, которые были отведены им на образование, а во время каникул они никогда не были полностью свободны от уроков. Однако то, что в некотором смысле кажется наиболее строгим режимом, было до некоторой степени нейтрализовано правилами, предусмотрительно забытыми.

Сен-Жермен, энергичный военный министр, посоветовавший королю основать военные училища, потратил много времени и раздумий на разработку сложных правил для своего правительства. Изучение включало географию, историю, грамматику, математику, латынь, французскую поэзию, немецкий язык, рисование, музыку и, наконец, английский. Особое внимание, что было вполне естественно, уделялось военному искусству, "ремеслу варваров", как однажды назвал его Наполеон в трудную минуту. Несмотря на большие перспективы, колледжи были далеки от высоких идеалов, которые возлагал на них Сен-Жермен, как и многие планы по улучшению существующего порядка вещей.

Несмотря на все, что было написано о угрюмом нраве Наполеона в студенческие годы, не следует забывать, что молодой кадет находился в явно невыгодном положении, заводя друзей. Один только вопрос языка был достаточным препятствием для интимного общения на этом этапе его схоластической карьеры, а его привычка к прилежной учебе плохо сочеталась с легкомысленной тратой времени, которой предавались столь многие королевские ученые. Наполеон был трудолюбивым, но только по предметам, которые ему больше всего нравились, таким как история, география и математика, которые оказали особое влияние на его будущую карьеру. Латынь он презирал как не имеющую практической ценности для солдата; переводы он положительно ненавидел. Он рано научился устранять несущественное и тривиальное, и легкое владение деталями стало для него почти второй натурой.

Наполеон в Бриенне

Реаль Дюма

Фотонейрдеин

Его патриотизм к собственной стране горел, как всепожирающий огонь. Рассказывают, что однажды Наполеон наткнулся на портрет Шуазеля, ненавистного министра иностранных дел при Людовике XV, который был главным зачинщиком захвата Корсики французами. Самые оскорбительные замечания были брошены в адрес нарисованного человека, которого он так ненавидел. В другом случае говорят, что он утверждал, что причинит французам столько вреда, сколько сможет. Если эта история не легендарна, то заявление, несомненно, было сделано в момент гнева; возможно, после того, как какой-нибудь легкомысленный сокурсник насмеялся над ним по поводу бедности его семьи или падения Паоли, корсиканского патриота, которым он так восхищался. Его горячая южная кровь вскипала от негодования, когда говорилось что-либо оскорбительное, и он едва ли, если вообще когда-либо, пытался обуздать свой вспыльчивый нрав. Он зашел так далеко, что вызвал кадета на дуэль. Только к Буррьену, парню своего возраста, он проявил заметную привязанность, и между ними установилась теплая дружба. Наполеон не забыл своего школьного товарища и в последующие годы, когда генерал назначил его на важную должность своего личного секретаря. В своих «Мемуарах» Буррьен дает нам несколько интимных намеков на неизвестного юношу, которому предстояло сделать Европу скамеечкой для ног. Он рассказывает нам, что Наполеон часто размышлял о завоевании своего родного острова; что недостойная роль, сыгранная его отцом, никогда не была прощена; что он проводил большую часть своего времени в одиночестве. Буррьен также признается, что в обмен на помощь в изучении латыни будущий император протянул бы ему руку помощи в математике, расчеты которой производились с необычайной четкостью и быстротой.

“В Бриенне, ” добавляет его школьный товарищ, “ Бонапарт отличался смуглым цветом лица, который впоследствии сильно изменился из-за климата Франции, а также своим проницательным и изучающим взглядом и стилем беседы как со своими хозяевами, так и с товарищами. Его разговор почти всегда наводил на мысль о плохом настроении, и он, конечно, был не очень общителен. Я думаю, это можно объяснить несчастьями его семьи в детстве и впечатлениями, которые произвело на него порабощение его страны”.

В эти трудные дни сдержанный характер Наполеона сослужил ему хорошую службу. Он предпочитал школьную библиотеку игровой площадке. Пока другие мальчики наслаждались игрой, Наполеон обычно углублялся в страницы Плутарха и черпал вдохновение в подвигах героев старины, которые фигурируют в “Жизнеописаниях прославленных людей”. Греческая поэзия привлекала его так, как не привлекала многих мальчиков его нежного возраста. “С моим мечом на боку, - пишет он своей матери, - и Гомером в кармане я надеюсь проложить себе путь по миру”. “Галльская война” Цезаря также была любимой. Хотя Наполеон ни в коем случае не пользовался всеобщей популярностью и, конечно, никогда не был склонен к добродушию, большинство студентов постепенно начали уважать его. Официально известно, что он никогда не был подлецом, предпочитая сам понести наказание, а не разглашать имя негодяя.

Любовь монахов к земле вошла в поговорку; возможно, именно по этой причине каждому студенту в Бриенне был выделен небольшой участок земли. Какие бы полезные упражнения Наполеон, как предполагалось, извлекал из своего сада, они были быстро отвергнуты. Он с лихорадочной активностью принялся за работу, превратил пустыню в оазис, посадил деревья и кустарники и окружил все частоколом на истинно военный манер. Сделав это, он больше не беспокоился о сельскохозяйственных занятиях, а довольствовался тем, что сидел в своей беседке и читал, почти не опасаясь, что его потревожат.

Зимой 1783-4 годов, аномально суровым временем года, у отшельника была возможность продемонстрировать свою военную мощь. Наполеон предложил ученикам построить снежный форт, продуманный до мелочей. Затем школа была разделена на две армии: Наполеон иногда руководил штурмом, а другие защищали укрепления. Это была грубая игра, и с кадетами произошло несколько серьезных несчастных случаев, которые прониклись духом игры с большей готовностью, чем того требовали миролюбивые монахи. День за днем продолжалась эта имитация войны, и Наполеон обычно был героем каждого столкновения.

Вы можете представить его стоящим там в своем живописном костюме: синем сюртуке с красной отделкой и белыми металлическими пуговицами, синих бриджах и жилете того же цвета с белой отделкой. Гораций Верне изобразил эту сцену на одной из своих многочисленных наполеоновских картин. Молодой командир, прямой и дерзкий, руководит штурмом форта кадетами, которые, по большей части, сняли мундиры, чтобы лучше прицелиться. Атакующая сторона взбирается на крепостные валы, некоторые подразделения добиваются успеха, другие терпят неудачу. Эта картина воспроизводилась много раз и является одной из немногих, посвященных раннему периоду карьеры Завоевателя.

Без сомнения, это были самые счастливые дни юности Наполеона. Он не был блестящим ученым, и нет никаких записей, свидетельствующих о том, что он отличился чем-то особенным, кроме того, что разделил первую премию по математике с Бурьеном, что доказывает, что последний извлек выгоду из преподавания своего приятеля. Однако Наполеон был назначен командиром роты кадетов, что, с его собственной точки зрения, с лихвой искупило всю

“пахоту”, которой он подвергся на экзаменах. Мнение месье де Кералио, одного из инспекторов военных училищ, относительно эффективности действий Наполеона таково:

“Бриеннская школа: Штат королевских учеников, имеющих право с возрастом поступить на службу или перейти в школу в Париже; а именно, мсье де Бонапарт (Наполеон), родившийся 15 августа 1769 года, рост 4 фута 10 дюймов 10 линий, закончил свой четвертый сезон; хорошего телосложения, отличное здоровье; характер покорный, честный и благодарный; поведение очень регулярное; всегда отличался прилежанием к математике; сносно понимает историю и географию; безразлично разбирается только в орнаментике и латыни, по которой он только закончил учебу. четвертый курс; из него вышел бы отличный моряк; заслуживает того, чтобы его перевели в школу в Париже”.

В свете последующих событий этот диагноз его характера необычен; можно добавить, что у него была глубоко укоренившаяся привязанность к тем, кто был дома, на далеком маленьком острове в Средиземном море. Он взял на себя бремя заботы о семье и дал им множество бесплатных советов, не лишенных мудрости.

За несколько месяцев до того, как Наполеон ступил на следующую ступеньку к славе и богатству, в Бриенне к нему присоединился его брат Люсьен, который был в Отене. В записке одному из своих дядей Наполеон выражает свое удовлетворение новоприбывшим “для начала”, но раздражается яростной обличительной речью против желания Жозефа отказаться от своей идеи стать священником и поступить в армию. На самом деле на пути было больше трудностей, чем те, о которых упоминал писатель, и в конце концов отец забрал старшего сына домой, на Корсику. Наполеону также не было суждено стать моряком. Другой инспектор по имени Рено де Мон посетил школу в 1784 году и решил, что многообещающий кадет должен поступить в Парижское военное училище, которое он покинул 30 октября. К свидетельству, которое было направлено, была добавлена краткая, но достаточно исчерпывающая пометка: “Характер властный, порывистый и своевольный”. Полное противоречие утверждению месье де Кералио.

Никто, увидев крошечную фигурку пятнадцатилетнего юноши, когда он проходил через вход в Военную школу, не стал бы пророчествовать, что через несколько лет королевский ученик будет восседать как император Франции на троне своего благодетеля. Время раскрывает свои собственные секреты.

ГЛАВА III

наполеон как офицер и писатель (1784-1791)

Не дожидаясь, чтобы узнать, понравятся ли ему школа и преподаватели в Париже, или придумав сотню и одно оправдание, которые обычно переполняют мозг школьника, прежде чем окончательно приняться за работу, Наполеон занялся различными предметами, необходимыми для поступления в артиллерию. Эта отрасль службы предоставляла больше всего возможностей с точки зрения одних только заслуг, и он сделал мудрый выбор. На экзамене, проведенном в

сентябре 1785 года, его имя значится сорок вторым в списке кандидатов, что не является ни особенно хорошим, ни особенно плохим и наводит на мысль, что определенная часть его времени была посвящена учебе за пределами официального курса.

Наполеону посчастливилось найти друга в лице Александра Десмази, который делил с ним комнату и стал администратором Королевских зданий во время консульства. Можно привести много других примеров доброты сердца Наполеона к тем, кто не был так успешен в жизненной гонке, как их благодетель. Это важный момент, упущенный из виду многими его биографами. У могучего корсиканца, безусловно, была лучшая сторона — он не состоял исключительно из крови и железа.

Очевидно, учеба приятелей в Военной школе была успешной, поскольку в октябре следующего года они были назначены Наполеоном в полк Ла Фер, расквартированный в Валансе, в звании младших лейтенантов. У двух новоиспеченных офицеров было так мало денег, что они были вынуждены пройти значительное расстояние пешком. Это было очень позорно и унижительно, но гордость лучше всего быстро проглотить и забыть, как синюю пилюлю. Теперь у Наполеона не было отца, и он очень остро ощущал свое ответственное положение. Хотя на самом деле он и не был главой семьи, номинально он им был, поскольку Джозеф намного уступал своему брату во всех материальных отношениях.

Помимо своих обычных военных обязанностей, Наполеону приходилось посещать лекции по многим предметам, связанным с его профессией, включая фортификацию, химию и математику. Кажется, он стер некоторые грубые черты своего характера. Мы находим его со многими друзьями, в том числе с одной или двумя представительницами прекрасного пола. В частности, с одной дамой, а именно с мадам. Грегуар де Коломбье произвел на нее самое благоприятное впечатление и получил множество приглашений в ее загородный дом в Бассо. Она польстила ему, но также дала многопрактических советов. Наполеон был слишком молод, чтобы влюбиться всерьез, но он провел много ярких часов с Каролиной, дочерью своей хозяйки, и между ними возникла теплая привязанность. Он ел с ней фрукты в саду, а потом заметил, что те дни были одними из самых счастливых в его триумфальной, но жалкой жизни. “Мы были самыми невинными созданиями, какие только можно вообразить, - говорит он, - мы устраивали вместе небольшие собрания; я хорошо помню одно, которое состоялось летним утром, как раз на рассвете. Трудно поверить, что все наше счастье состояло в том, чтобы вместе есть вишни”.

Бонапарт также посетил Пермонов; и мадам Жюно, впоследствии герцогиня Абрантес, оставила нам остроумный рисунок, запечатлевший его в полном обмундировании в возрасте шестнадцати лет.

“Была одна деталь его одежды, ” пишет она, “ которая имела очень забавный вид — это были его ботинки. Они были такими высокими и широкими, что его тонкие ножки, казалось, утопали в их амплитуде. Молодые люди всегда готовы заметить что-нибудь смешное, и как только мы с сестрой увидели, что Наполеон входит в гостиную, мы разразились громким приступом смеха. Бонапарте не мог получить удовольствия от шутки, и когда он обнаружил, что стал объектом веселья, он рассердился. Моя сестра, которая была на несколько лет старше меня, сказала ему, что, поскольку он носит шпагу, ему следует быть галантным с дамами и, вместо того чтобы сердиться, радоваться, что они подшучивают над ним. ‘ Ты всего лишь ребенок, маленькая школьница, ’ сказал Наполеон презрительным тоном. Сесиль, которой было двенадцать или тринадцать лет, была крайне возмущена тем, что ее называли ребенком, и она поспешно

загладила оскорбление, ответив Бонапарту: 'А ты всего лишь Кот в сапогах!' Это вызвало общий смех у всех присутствующих, за исключением Наполеона, чью ярость я не буду пытаться описать". Несколько дней спустя молодой офицер отправился в книжную лавку, купил изящное издание "Кота в сапогах" и подарил его преступнику. Это был его способ извиниться.

На какое-то время он ослабил свое пристальное внимание к учебе, не забывая при этом совсем о своих книгах, и стал автором. Во всех его литературных начинаниях в этот период присутствует пессимистическое напряжение, вызванное, без сомнения, тоской по дому, переутомлением и, возможно, нехваткой средств, поскольку его доход определенно никогда не превышал двадцати шиллингов в неделю. Он даже подумывал о самоубийстве, свидетельства которого можно найти в рукописи, датированной 3 мая 1786 года.

"Всегда один среди людей, " жалуется он, - я возвращаюсь в свои комнаты, чтобы помечтать наедине с самим собой и отдаться всей живости своей меланхолии. В какую сторону она повернута сегодня? В сторону смерти. На заре своих дней я все еще могу надеяться прожить долго, но я был вдали от своей страны около шести или семи лет. Какими удовольствиями я не буду наслаждаться, когда через четыре месяца снова увижу своих соотечественников и родственников? Из нежных ощущений, которыми сейчас наполняют меня воспоминания об удовольствиях моего детства, не могу ли я заключить, что мое счастье будет полным? Тогда какое безумие заставляет меня желать моей смерти? Несомненно, мысль: "Что еще можно сделать в этом мире?"

Это странное чтение, но оно показывает, что даже у величайших людей бывают периоды депрессии, как у обычных людей. Он продолжает в том же духе, выносит приговор Франции за унижение его любимой Корсики и говорит едва ли менее жестокие вещи о своих соотечественниках: "Они уже не те корсиканцы, которых герой вдохновлял своими добродетелями, враги тиранов, роскоши, деморализованных городов". Ближе к концу он проявляет оттенок энтузиазма; его боевой инстинкт берет верх над ним: "Хороший патриот должен умереть, когда его Отечество перестало существовать. Если бы спасение моих соотечественников зависело от смерти одного человека, я бы немедленно отправился и вонзил меч, который отомстит за мою страну и ее погрязшие законы, в грудь тиранов". Он снова впадает в меланхолию, завершая ее отвращением ко всему.

Младший лейтенант не сводил счеты с жизнью; вместо этого он переживал свои проблемы. Действительно, его любимым девизом, достойным внимания каждого читателя этой книги, было: "Самая истинная мудрость - это твердая решимость". В августе 1786 года просветление в облаках показало пресловутый луч надежды, и появился шанс немного развлечься, что было для него хлебом насущным. В Лионе вспыхнуло миниатюрное восстание, и было сочтено необходимым вызвать армию. Рота в Валансе, к которой принадлежал Наполеон, была направлена к очагу беспорядков. Еще до того, как оно прибыло, восстание утихло, тем самым разрушив надежду офицера отличиться.

Из Лиона он направился на север, в Дуэ, во Фландрии, где заразился малярийной лихорадкой, которая несколько лет после этого подтачивала его здоровье. Плохие новости доходили до него и с Корсики. Его мать умоляла его вернуться домой и воспользоваться его советом и помощью. Архидьякон Люсьен — двоюродный дед Наполеона, который до сих пор исполнял обязанности главы семьи, — с каждым днем становился все слабее: добрая Летиция опасалась худшего. Ее средства были удручающе малы, а семья непомерно велика для тех скудных ресурсов,

которыми она располагала. 1 сентября 1786 года он отправился на свой любимый остров. Проезжая через Экс, он был обрадован визитом к своему дяде Фешу и брату Люсьену, которые оба учились в семинарии с целью стать священниками. Ровно через две недели после этого Наполеон высадился в Аяччо с небольшим сундуком одежды и большим сундуком книг. Были представлены произведения Плутарха, Платона, Цицерона, Непота, Ливия, Тацита, Монтень, Монтескье, Рейналя, Корнеля, Расина, Вольтера и поэмы Оссиана.

Наполеон с присущим ему усердием занялся распутыванием запутанного клубка семейных неурядиц. Он считал это отнюдь не легким делом, особенно учитывая, что в нем участвовало французское правительство. Последниестремились внедрить шелковую промышленность в своей новой зависимости, и Шарль Бонапарт был одним из первых, кто ухватился за эту идею, потому что считал, что “в этом есть деньги”. В 1782 году он разбил плантацию молодых тутовых деревьев с целью разведения шелкопрядов, но вместо того, чтобы передать все деньги, о которых было договорено заранее, государству все еще оставалось выплатить 2700 ливров. На основании справки о плохом самочувствии отпуск Наполеона был продлен с конца марта 1787 года до начала декабря, а затем до 1 июня 1788 года. Он бродил по острову, навещая свои старые пристанища и товарищей, но чаще всего находил величайшее утешение в одиноком общении с Природой. Иногда он возвращался к своим литературным занятиям, добавляя несколько абзацев к “Истории Корсики”, которая занимала некоторые моменты его досуга. Он также написал рассказ об английской истории под названием “Граф Эссекс”. За ним последовал роман, действие которого происходит на Корсике, и еще одна попытка художественной литературы, которую он назвал “Пророк в маске”, возможно, лучшая из трех с точки зрения литературного стиля.

12 сентября 1787 года он уехал с Корсики в Париж, чтобы прояснить вопрос с тутовыми деревьями. Он счел невозможным взыскать деньги с обанкротившегося казначейства, и хотя он настаивал на иске, его усилия не увенчались успехом. Соответственно, Наполеон вернулся в Аяччо, где провел часть своего свободного времени, составляя планы обороны мест на побережье, и отложил свой отъезд до того дня, когда он должен был присоединиться к своему полку в Оксоне. Всегда расчетливый по натуре, молодой офицер справедливо предположил, что в те дни слабой дисциплины его отсутствие не будет замечено, а если и будет, то неповиновение пройдет мимо ушей.

В следующем августе (1788 г.) стало очевидно, что серьезная работа, которой он занимался, пока его товарищи бездельничали или растрачивали впустую свое время, начинала приносить должный эффект. Он стал членом комиссии, назначенной для расследования достоинств или недостатков определенных артиллерийских орудий, и одной из обязанностей — немалой, — выпавших на его долю, было составление отчета. Несчастья, однако, не совсем перестали оказывать ему нежелательное внимание, и по той или иной причине, вероятно, связанной с какими-то работами по фортификационным сооружениям, надзор за которыми он осуществлял, Наполеон был помещен на день под арест.

Его собственная система образования развивалась быстрыми темпами, о чем красноречиво свидетельствуют его рукописные тетради, которые сейчас хранятся в библиотеке Лоренцо Медичи во Флоренции. Одной из работ, выделенных им для внимания, был французский перевод книги Барроу “История Англии со времен Юлия Цезаря до мира 1762 года”. Его замечания показывают, что он испытывал особое восхищение такими людьми, как Хирвард

Уэйк, знакомый всем нам по страницам Кингсли или по недавно опубликованному историческому роману “История Хирварда” мистера Дугласа К. Стедмана; Симон де Монфор, которого Наполеон называет “одним из величайших англичан”; и граф Арундел, который был одним из величайших англичан. “умер мучеником за свободу своей страны”. Кромвель, по его словам, “в молодости был распутником. Религия овладела им, и он стал пророком. Смелый, умный, лживый, лицемерный, его ранние принципы республиканского возвышения поддались всепожирающему пламени честолюбия, и, вкусив сладость власти, он возжелал удовольствия править единолично. У него было крепкое телосложение и мужественные, но резкие манеры. От самых строгих религиозных обрядов он перешел к самым легкомысленным развлечениям и выставил себя на посмеище своим шутовством. От природы он был справедливым и уравновешенным”. Многие из этих замечаний могут быть не совсем уместны по отношению к самому Наполеону, и если он не совсем справедлив к Кромвелю, они показывают, что он очень хорошо понимал общий характер Протектора и что он читал, чтобы учиться, а не просто “убить время” или развлечься.

В апреле 1789 года был слышен отдаленный гул, возвестивший о Французской революции, прежде чем она разразилась во всех своих отвратительных проявлениях. В Серре произошли беспорядки, но, как и в случае с делом в Лионе, они были подавлены еще до того, как Наполеон или его коллеги вступили в дело. В бывшем городе было проведено два месяца вынужденного безделья, прежде чем рота была отправлена обратно в свою штаб-квартиру в Оксоне, не имея ни малейшего шанса отличиться. Когда это могло оказаться полезным, начался открытый мятеж. Это было в июле 1789 года, когда произошел бунт и солдаты присоединились к повстанцам.

К этому времени Наполеон закончил свою “Историю Корсики” и, узнав о немилости Марбефа, епископа Санского, которому он надеялся посвятить ее, решил попросить Паоли стать его покровителем. Он отправил ему свою драгоценную рукопись, уверенный, что она будет хорошо принята, но в ответ получил отповедь, изложенную в вежливых выражениях. Более того, оригинал был затерян Паоли, и это прискорбное происшествие впоследствии сильно поколебало веру автора в великого корсиканского лидера.

Теперь нам необходимо попытаться в какой-то мере понять цели и объекты масштабного беспорядка, известного истории как Французская революция. На протяжении многих поколений монархия и аристократия Франции отказывались прислушиваться к крикам угнетенного народа, которым они управляли. Государством управляли крайне неумело; деньги, которые должны были оставаться в карманах бедствующих людей, были взысканы с них и переданы недостойным придворным фаворитам, которые тратили их различными способами, которые не приносили пользы нации. Дворяне и титулованное духовенство не платили налогов, таким образом, бремя непомерной тяжести легло на средние классы — даже сейчас дойную корову государства — и крестьян, которые день и ночь трудились ради хлеба. Серьезные реформы всегда откладывались, хотя король Людовик XVI и пытался их провести. вяло и нерешительно.

Неизбежным следствием стала ожесточенная ненависть к людям, институтам и традициям, которые способствовали такому нежелательному положению вещей; как это часто бывает, те, кто желал исправить причиненное зло, зашли в своих мерах слишком далеко. “Свобода, равенство и братство” были паролями лидеров нового порядка, но очевидно, что идеал не мог

быть достигнут, когда почти все придерживались разных теорий относительно того, как следует исправлять злоупотребления. Труды таких философов, как Монтескье, Вольтер и Руссо, все они были прилежно изучены Наполеоном, многое сделали для того, чтобы раздуть тлеющие угли в пламя. Вскоре вся страна была охвачена пламенем, массовые убийства стали обычным явлением, король и королева поплатились за это своими головами, монархии Европы были потрясены до самого основания. И что же получили люди в обмен на этот гигантский переворот? Железный деспотизм одного человека, который продолжил Революцию в своем собственном лице; превратил Континент в одно огромное поле битвы; забрал у Франции ее лучшие человеческие качества и ее сокровища и оставил ее территорию меньше, чем когда он впервые ступил на ее землю.

В тот момент Наполеон не мог осознать истинного значения ужасных событий, которые приближались с такой неудержимой быстротой. Он предвидел конец старому положению дел и справедливо предположил, что они будут сметены и никогда не вернуться; но Корсика была центром его интересов, а не Франция. Раздираемый противоречивыми амбициями и гражданской войной, его родной остров еще может оторваться от ненавистных завоевателей. По крайней мере, так он говорил себе в минуты размышлений.

В сентябре 1789 года Бонапарт снова получил отпуск до 1 июня 1790 года. Его здоровье было далеко не лучшим, когда он сел на корабль в Марселе; в его полку произошел мятеж, и в целом его перспективы были такими же мрачными, как всегда. Однако свобода от надоедливых военных обязанностей и бодрящий эффект морского воздуха быстро оживили его упавшее настроение и угасающую энергию.

Эхо Революции было слышно на далекой Корсике; там происходили беспорядки, и казались вероятными серьезные неприятности, поскольку солдаты были в движении, намереваясь восстановить власть ненавистных роялистских властей. Наполеон созвал собрание патриотов, обратился к ним с речью и направил петицию в Национальное демократическое собрание с требованием восстановить независимость Корсики. Он начал организовывать Национальную гвардию, которая почти сразу же была распущена виконтом де Барреном, французским губернатором. После этого пылкий двадцатилетний юноша отправился в Бастию, официальную столицу острова, где между солдатами и народом состоялась передача оружия. Последние одержали победу, и Баррин был вынужден отдать приказ о вооружении Гражданской гвардии по их желанию.

Вскоре после этого поступило известие, что Национальное собрание решило, что Корсика должна стать частью Королевства Франция и пользоваться той же конституцией. Всякая мысль о независимости, кажется, мгновенно выветрилась из головы Наполеона. Он без лишних слов сложил дубинки, сказав, что Франция “открыла нам свое лоно, отныне у нас одни и те же интересы и заботы; нас разделяет только море”. Жозеф был избран членом муниципального совета, и семья Бонапартов смогла снова поднять голову. Наполеон снова запросил дальнейший отпуск по причине плохого состояния здоровья и получил его. На самом деле он принимал активное участие в делах и наслаждался этим, поскольку на Корсике царила более или менее анархия. В Аяччо он вступил в радикальный клуб под названием “Патриотическое общество” и написал и напечатал “Письмо” Буттафуоко, одному из самых ненавистных людей на Корсике, который после смерти отца Наполеона представлял дворянство острова в Версале. Она полна оскорблений, автор в своем страстном порыве заходит так далеко, что заявляет, что,

сожгв чучело Буттафуоко, большинство корсиканцев хотели бы сжечь его лично. Более того, Паоли возвращался, и он предвидел возможность послужить ему. Паоли был оказан великолепный прием в Бастии, когда он прибыл 17 июля. Однако время для оказания помощи генералу корсиканцев еще не пришло, и Наполеон снова отправился во Францию, достигнув Оксона, живописного маленького городка на реке Сона, в феврале 1791 года.

Несколько лет спустя, если быть точным, в 1803 году, когда он планировал вторжение в нашу собственную прекрасную страну, Наполеон так подытожил дни своей юности в разговоре с мадам де Ремюза: “Я получил образование в военном училище и не проявил способностей ни к чему, кроме точных наук. Все говорили обо мне: “Этот ребенок никогда не будет хорош ни в чем, кроме геометрии”. Я держался в стороне от своих школьных товарищей. Я выбрал маленький уголок на территории школы, где я мог спокойно посидеть и помечтать, потому что мне всегда нравились грезы. Когда мои товарищи попытались захватить этот уголок, я защищал его изо всех сил. Инстинктивно я уже знал, что моя воля должна преобладать над волей других, и что мне нравилось принадлежать мне. Меня не любили в школе. Чтобы понравиться, нужно время; и даже когда мне нечего было делать, я всегда смутно чувствовал, что нельзя терять времени.

“Я поступил на службу и вскоре устал от гарнизонной работы. Я начал читать романы, и они меня глубоко заинтересовали. Я даже пытался написать несколько. Это занятие отчасти пробудило мое воображение, которое смешалось с приобретенными мною положительными знаниями, и я часто позволял себе мечтать, чтобы впоследствии соизмерять свои мечты с компасом моего разума. Я погрузился в идеальный мир и попытался выяснить, в каких именно моментах он отличается от реального мира, в котором я жил. Мне всегда нравился анализ, и, если бы я был серьезно влюблен, я должен был бы анализировать свою любовь шаг за шагом. *Почему? и как?* являются ли вопросы настолько полезными, что их нельзя задавать слишком часто. Я скорее завоевывал, чем изучал историю; иными словами, я не стремился сохранить и не сохранял ничего, что не могло бы дать мне новой идеи; я презирал все бесполезное, но добился определенных результатов, которые мне понравились”.

Именно это искусное сочетание практического и творческого позволило Наполеону реализовать свои обширные планы реформирования Европы; именно устранение первого и замена его чрезмерной самоуверенностью лишили могущественного завоевателя “мирового трона”.

ГЛАВА IV

Наполеон и корсиканские добровольцы (1791-1792)

У Наполеона снова был спутник в его обратном путешествии во Францию в лице его брата Луи, смышленного малыша двенадцати с половиной лет. Если от последнего нельзя было ожидать какого-либо разумного интереса к многочисленным планам продвижения по службе, которые сейчас проносились в сверхактивном мозгу Наполеона, то он, по крайней мере, был живым связующим звеном с семьей в Аяччо. Политическим амбициям молодого лейтенанта,

получившим столь заметный стимул на Корсике, не позволили упасть до нуля, как это часто бывает, когда находишься вдали от водоворота их практического влияния. Скорее, они питались видами и сценами, которые наблюдал Наполеон, когда эти двое направлялись в Оксон после высадки. Тот факт, что он превысил свой отпуск, его нисколько не беспокоил, наказание в виде шести месяцев тюремного заключения, если его оправдание будет признано недействительным, было выброшено из головы как маловероятное продолжение. В кармане у него были справки из Директории округа Аяччо, в которых в ярких выражениях излагались услуги, оказанные Наполеоном Корсике, и указывалось, что это была вынужденная отлучка от службы из-за неблагоприятной погоды, не позволившей кораблю отплыть. Этих рекомендаций оказалось достаточно; он не потерял ни су из своего жалованья.

Наполеон быстро вернулся к своим старым привычкам к тяжелой работе, и его демократические взгляды с большей горячностью высказывались его сослуживцам-офицерам, многие из которых не могли согласиться с ним и не боялись сказать об этом. Вежливые дискуссии часто приводили к менее джентльменским спорам.

Комната, которую занимали двое Бонапартов, была обставлена почти так же бедно, как и чердак Чаттертона. Лицом к окну стоял стол, заваленный книгами, бумагами и письменными принадлежностями. На каждого было по стулу: если приходил посетитель, либо Наполеон, либо Луи должны были сидеть на краю кровати, младший брат устраивался на ночь на матрасе в соседней квартире, которая на самом деле была частью комнаты и едва ли больше шкафа. Если в более поздний период своей карьеры Наполеон и проявлял стремление к роскоши, то в Оксоне он, конечно, не мог предаваться роскоши. Он платил за все, что требовалось Луи, одевал его, давал образование и порол, когда тот проявлял непослушание или был особенно дотошен в вопросах уроков. Младший Бонапарт вскоре стал всеобщим любимцем, как в полку, так и за его пределами. Наполеон с определенной долей удовлетворения пишет, что “все женщины влюблены в него”. Его недостатки, кажется, суммируются во всеобъемлющей, но циничной фразе: “Все, что ему нужно, - это знания”.

В середине июня 1791 года Наполеон попрощался с Оксоном и отправился в Валанс, где находился гарнизон Четвертого полка, причем его произвели в чин первого лейтенанта первой роты второго батальона. Его брат сопровождал его, остановившись в другом месте, поскольку Людовику было неудобно оставаться в том же доме. В качестве развлечения он часто навещал мадам де Коломбье, но политика все больше и больше поглощала Наполеона. Он с большим рвением участвовал в деятельности Общества друзей Конституции, откровенно революционного и республиканского собрания, и вскоре стал настолько популярен среди его членов, что был избран секретарем и библиотекарем.

Лионская академия предложила солидный приз в размере около 50 фунтов стерлингов за лучшее эссе на тему “Какие истины и чувства наиболее важно внушать мужчинам для их счастья?” Наполеон нашел еще больший простор для своих литературных дарований. “Благодаря чувствам, ” уверяет он нас в своей конкурсной композиции, “ мы наслаждаемся самими собой, природой, нашей страной и людьми, которые нас окружают”, и в подтверждение этого утверждения он опирается на свой собственный опыт. “Вы возвращаетесь в свою страну, ” пишет он; “ после четырехлетнего отсутствия вы посещаете места, где играли в самом раннем возрасте, где вы впервые познали людей и пробудили страсти. В какой-то момент ты живешь жизнью своего детства, наслаждаешься ее радостями, ты горишь любовью к своей стране, у

тебя есть отец и нежная мать, сестры, все еще невинные, братья, которые похожи на друзей; слишком счастливый человек, беги, лети, не теряй ни минуты. Если смерть остановит вас на вашем пути, вы никогда не познаете прелестей жизни, сладкой благодарности, нежного уважения, искренней дружбы. Это настоящие радости жизни, и они еще больше, если у тебя есть жена и дети”. Он говорит суровые вещи о неумеренном честолюбии, о той самой болезни, которая привела к его гибели, и называет это “жестоким безотчетным безумием, которое прекращается только с жизнью — пожаром, раздуваемым безжалостным ветром, который не утихает, пока не поглотит все”. Мы задаемся вопросом, думал ли когда-нибудь о своем эссе император в часы самоанализа на острове Святой Елены, когда он доказывал истинность приведенного выше утверждения. Он не получил приза — имя Наполеона было предпоследним в списке участников конкурса.

Был запрошен и предоставлен еще один отпуск. Кажется почти невероятным, что, когда Франция была на грани срыва, солдатам должны были предоставить отпуск, но так оно и было. Наполеон и Луи увидели голубые горы Корсики и свою семью в сентябре 1791 года, за несколько недель до смерти архидьякона Люсьена. С точки зрения Наполеона, казалось, что Судьба неизменно преподносит ему неприятный сюрприз, когда он посещает Аяччо, но Летиция всегда рассматривала возвращение своего второго сына домой как акт Провидения. К счастью, его почтенный родственник оставил Бонапартам солидную сумму денег, некоторая сумма из которых была вложена Наполеоном в покупку дома в Аяччо и двух объектов недвижимости неподалеку.

Какое-то время казалось, что фортуна начинает поворачиваться в их пользу. Жозеф был избран членом Директории, исполнительного комитета острова, а 22 февраля 1792 года Наполеон был назначен майором-адъютантом корсиканских добровольцев в Аяччо. Примерно шесть недель спустя он был избран вторым подполковником, и эта должность позволила ему отлучиться из своего французского полка, но нажила ему врага в Поццо ди Борго, человека, который впоследствии прославился при русском дворе и в последующие годы во многом способствовал падению своего успешного соперника.

Вскоре у Наполеона появилась возможность действовать. Революционные принципы не придавали религии большого значения, и было решено, что монастыри в четырех самых важных городах Корсики должны быть ликвидированы. Добиться этого было нелегко, и поскольку раздоры и, возможно, кровопролитие считались весьма вероятными, было решено, что в Аяччо должно быть под рукой несколько добровольцев. В день Пасхи 1792 года на одной из улиц произошли беспорядки. Дюжина добровольцев вышла, чтобы положить им конец, но беспорядки только усилились. Наполеон счел своим долгом вмешаться, но был вынужден укрыться после того, как один из солдат был убит. Действия добровольцев были, конечно, незаконными, поскольку они действовали под свою ответственность. Наполеон защищал их и вместе с Кенцей, своим старшим по званию, пытался убедить полковника Майяра, коменданта крепости, передать ее в их руки. Полковник, однако, не хотел иметь с ними ничего общего, кроме как давать еду их людям.

Рано утром следующего дня другая группа добровольцев вошла в семинарию, открыла беспорядочный огонь и вызвала гнев жителей. Беспорядки усилились до такой степени, что день пошел на убыль, что стало необходимо объявить военное положение — другими словами, регулярным военным был предоставлен абсолютный контроль до тех пор, пока не будет

восстановлен порядок. В течение ночи последовали различные бесчинства со стороны добровольцев, в которых Наполеон отнюдь не был неповинен. Он безуспешно пытался развратить солдат регулярной армии и таким образом начал тот план лжи и заговоров, который ему предстояло осуществить даже после того, как он был избран императором Франции. Он был абсолютно беспринципен, когда, как всегда, должен был служить своим собственным целям. В рассматриваемом деле он обязался держать своих людей под стражей, а власти пообещали, что проследят за тем, чтобы люди не мешали волонтерам. Намерения Наполеона, возможно, и были благими, но его люди, безусловно, продолжали вести себя самым позорным образом. В конце концов порядок был восстановлен, и Наполеону был сделан выговор, когда его батальону было приказано отступить в Кorte.

Роль, которую он сыграл, не увеличила его популярности, и он счел за благо вернуться во французскую столицу через месяц после объявления войны Австрии. Как он сам сказал, “Начало революции было прекрасным временем для предприимчивого молодого человека!”

ГЛАВА V

Канун правления террора (1792-1793)

Париж был охвачен брожением. Короля пришлось охранять двойным кордоном солдат, настолько ожесточенной была вражда против королевской семьи и всего, что она олицетворяла. Со своей обычной проницательностью и способностью проникать в вероятности будущего Наполеон правильно предвидел события и писал своему брату Жозефу, что “все стремится к революции”. 20 июня 1792 года дикая процессия повстанцев в сопровождении пушек направилась к Тюильри и запугала гвардию. Последний открыл ворота внутреннего двора, и разношерстная толпа ворвалась в прекрасный дворец, открыто оскорбляя короля Людовика и королеву Марию-Антуанетту. Республиканское собрание было навязано монарху, который должным образом пожинал первые плоды жатвы. Буррьен дает наглядный отчет о том, что произошло и как это повлияло на пылкого политика двадцати трех лет. Высказывания Наполеона ясно показывают, что он не верил в устремления повстанцев, несмотря на свой собственный ярый республиканец. На протяжении всей своей жизни он всегда относился к каналу с глубоким презрением.

“Мы встретились, - рассказывает нам Буррьен, - по предварительной договоренности, у ресторатора на улице Сент-Оноре, недалеко от Пале-Рояля. Выйдя на улицу, мы увидели толпу, приближающуюся по направлению к рыночной площади, численность которой Бонапарт оценивал в пять-шесть тысяч человек. Это была шайка негодяев, вооруженных всевозможным оружием и выкрикивавших самые грубые оскорбления, пока они быстрым шагом направлялись к Тюильри. Эта толпа, по-видимому, состояла из самых гнусных и распутных представителей населения пригородов. ‘Давайте последуем за чернью’, - сказал Бонапарт. Мы опередили их и заняли свою позицию на террасе, окаймляющей реку. Именно там он стал очевидцем последовавших за этим скандальных сцен, и трудно было бы описать удивление и негодование, которые они вызвали в нем. ‘Такая слабость и снисходительность,’ сказал он, ‘не могут быть

оправданы'; но когда король появился у окна, выходящего в сад, в красной шапочке, которую кто-то из толпы только что надел ему на голову, он больше не мог сдерживать своего негодования: 'Что за безумие!' - громко воскликнул он. "Как они могли позволить этому сброду войти? Почему они не сметут четыреста или пятьсот из них пушками? и тогда остальные очень быстро уберутся восвояси.' Когда мы сели ужинать, он с большим здравым смыслом обсуждал причины и последствия этого неудержимого восстания. Он предвидел и проницательно развивал все, что за этим последует, и в этом он не ошибся".

В письме Жозефу, написанном 3 июля, Наполеон снова раскрывает себя как философ. "Каждый преследует свои собственные интересы, - говорит он, - и желает возвыситься с помощью лжи и клеветы; люди интригуют более презренно, чем когда-либо. Все это разрушает честолубие. Жалеешь тех, кому не повезло сыграть какую-то роль, особенно когда они могут обойтись без этого. Жить спокойно, наслаждаться любовью своей семьи — вот что, мой дорогой друг, если бы у тебя было 4000 или 5000 франков в год, было бы самым мудрым поступком. Человек также должен быть в возрасте от двадцати пяти до сорока лет, когда его воображение успокоилось и больше не доставляет хлопот. Я обнимаю вас и рекомендую вам умеренность во всем — во всем, вы понимаете?— если вы хотите жить счастливо".

Неделю спустя Наполеон получил приветственное письмо от военного министра, назначающего его капитаном 4-го артиллерийского полка, и ему также были отправлены долги по жалованью. Казалось, жизнь стоит того, чтобы прожить ее еще раз. Продвижение по службе - прекрасное противоядие от депрессии.

Вскоре стало очевидно, что ничто, кроме гражданской войны, не удовлетворит бунтовщиков, и 10 августа 1792 года долго сдерживаемый шторм разразился с ужасающей яростью. Король, королева и другие члены королевской семьи направились в Ассамблею, или парламент, где они сидели в ложе репортеров, слушая дебаты о том, следует ли низложить Людовика или временно отстранить от должности, и которые закончились единогласным голосованием за последний курс. Тем временем толпа быстро собиралась, была подтянута дюжина артиллерийских орудий, и повстанцы приняли угрожающий вид. Многие швейцарцы и национальные гвардейцы, в чьи обязанности входила защита Тюильри, сочли необходимым перед лицом такого подавляющего числа отступить во дворец. Началась стрельба, и на какое-то время роялисты восторжествовали. Вероятно, толпа поредела бы, если бы от Людовика не поступило дурацкое сообщение о том, что швейцарцам следует отступить в свои казармы. Пока это делалось, бунтовщики ворвались во дворец и в своем безумном исступлении перебили без разбора почти всех слуг мужского пола, которых удалось найти, яростно стреляя в телохранителей, когда те отступали. От короля поступил еще один приказ, согласно которому швейцарцы должны были сложить оружие. Это храбрые ребята и сделали, хотя знали, что может произойти. Те, кто не был убит толпой, были взяты в плен и помещены в церковь *Фейянов*, а на следующий день многие из них были безжалостно убиты. Те из моих читателей, кто бывал в Люцерне, несомненно, видели величественный памятник с барельефом умирающего льва, воздвигнутый в память о храбром швейцарце. Сам Наполеон спас одного из телохранителей и утверждал, что "если Людовик XVI. если бы он сел на коня, победа была бы за ним — так я сужу по настрою, который царил утром". Он всегда верил в смелость; действия короля были безошибочным признаком слабости.

Много лет спустя на острове Святой Елены Наполеон рассказал о событиях того рокового дня, наблюдая за ними из мебельного магазина, принадлежащего брату Бурьена, Фовле. "Перед

тем, как я пришел в "Карусель", - говорит он, - на улице Малых полей меня встретила группа отвратительных людей, несущих голову на конце пика. Увидев меня хорошо одетым и выглядящим как джентльмен, они подошли ко мне, чтобы заставить меня крикнуть: "*Да здравствует Нация!*", что я, как вы можете поверить, сделал без труда. Замок был атакован озверевшей толпой. У короля было для его защиты по меньшей мере столько же войск, сколько было у Конвента 13 Вандемьера, когда им пришлось сражаться с более дисциплинированным и более грозным врагом.¹ Большая часть Национальной гвардии была на стороне короля — надо отдать им справедливость. Когда дворец был подожжен, а король укрылся в недрах Собрании, я отважился проникнуть в сад. С тех пор ни одно из моих полей сражений не давало мне такого представления о смерти, какое тогда представило мне количество швейцарских трупов, то ли из-за малости пространства их количество казалось большим, то ли потому, что мне предстояло пережить это впервые.... Я посетил все кафе по соседству с Собранием; везде раздражение было крайним, ярость бушевала в каждом сердце, это отражалось на всех лицах, хотя присутствующие ни в коем случае не принадлежали к низшему классу, и все эти заведения, должно быть, ежедневно посещали одни и те же посетители, потому что, хотя в моей одежде не было ничего необычного — но, возможно, мое выражение лица было более спокойным, — было легко заметить, что я вызывал у многих враждебные взгляды как неизвестный и подозреваемый".

1 5 октября 1795 г. —См. *пост*, глава vii. стр. 71.

Август 1792 года действительно был месяцем событий, чреватых далеко идущими последствиями. Вышел указ о конфискации и продаже всех религиозных зданий. Вместе с похоронным звоном по королевской семье прозвучал похоронный звон по религии. Элиза, самая решительная из трех сестер Наполеона, училась тогда в колледже Сен-Сир, и он чувствовал, что для нее было бы небезопасно оставаться во Франции ни на минуту дольше, чем это было абсолютно необходимо. Он по-прежнему ставил семейные узы выше патриотизма; на самом деле каждое из них является неотъемлемой частью другого. Его положение было трудным, поскольку было бы глупо подвергать риску его капитанство, но он думал, что видит выход, и подал прошение о назначении, которое обеспечило бы ему поездку на Корсику, которое не было предоставлено. Петиция в Директорию Версальского округа с просьбой разрешить ему сопровождать Элизу встретила более благоприятный отклик. 1 сентября, за день до того, как революционная коммуна Парижа начала массовое убийство сотен горожан из-за того, что они не вполне сочувствовали Революции, Наполеон проводил свою сестру из Сен-Сира. В октябре они снова были в своем родном городе, и Наполеон приступил к своим обязанностям второго подполковника добровольцев.

Остров Сардиния, который отделен от Корсики проливом Бонифачо и теперь принадлежит Италии, лелеял мечты о провозглашении своей независимости. Поэтому было решено, что адмирал Трюге и ряд войск и добровольцев должны отплыть из Марселя, зайти в Аяччо за дополнительными людьми и под командованием Рафаэлле Касабьянки попытаться помочь восставшим островитянам. Почти сразу же после того, как они высадились на Корсике, между моряками и неуправляемыми добровольцами возникли разногласия, в результате трое из последних были повешены. Паоли, ныне президент администрации и главнокомандующий Национальной гвардией, считал, что это действительно была печальная прелюдия к экспедиции, в которой лояльное сотрудничество было абсолютно необходимо. Поэтому престарелый патриот мудро решил, что следует посылать только регулярные войска. Кальяри,

столица острова, считалась наиболее важным пунктом наступления; Сан-Стефано должен был быть занят второй дивизией под командованием полковника Чезари-Колонна, племянника Паоли, в сопровождении Наполеона. Первая попытка с треском провалилась из-за недостатка уверенности со стороны осаждающих, и войска в Сан-Стефано мало чего добились. Они, несомненно, произвели высадку, и в ночь на 23 февраля 1793 года Наполеон и его люди поспешно соорудили батарею, с которой с выгодной точки приступили к бомбардировке Маддалены. Однако следующим вечером войска показали, что у них не больше склонности к войне, чем у их соотечественников в Кальяри, и отступление стало абсолютно необходимым. За это Наполеона никоим образом нельзя винить. Существует нечто большее, чем подозрение в предательстве, и было высказано предположение, что либо Паоли, либо кто-то из его последователей подстроил провал экспедиции, чтобы смирить слишком предприимчивого и самоуверенного Бонапарта, который едва не остался позади в позорной борьбе за то, чтобы сесть в лодки.

Мечта Наполеона о свободной Корсике давно угасла; он был убежден, что без Франции она может стать добычей любой Державы или смелого морского авантюриста, который рискнет совершить на нее покушение. Отношения между ним и Паоли становились все более и более натянутыми. Вероятно, он сам считал, что дело диктатора безнадежно и, следовательно, не дает никаких преимуществ. Франция, с другой стороны, казалась всемогущей. Она, казалось, не останавливалась ни перед чем и была так же настроена “навести порядок в Европе” в своей манере, как и Питт в своей. Но что имело более непосредственное значение, так это поразительное и неожиданное сообщение о том, что Конвент приказал арестовать Паоли, а также Поццо, его правую руку. Автором этого жестокого обращения был не кто иной, как Люсьен Бонапарт, который в течение нескольких месяцев исполнял обязанности секретаря Паоли и теперь находился во Франции, занимая свои свободные минуты тем, что добивался свержения патриота, донося на него властям в Тулоне. Такое поведение можно охарактеризовать только как позорное и доказывает, что острое чувство морали не было характерной чертой семьи Бонапартов. Люсьен не посвятил брата в свои тайны, и никто не был поражен больше Наполеона, когда ему открылась истина. Конечным результатом стало еще большее втягивание острова в гражданскую войну, которая в течение некоторого времени велась бессистемно, вспыхивая то тут, то там и почти так же быстро затухая.

Теперь мы имеем представление о Наполеоне как о дипломате. Он направил в Конвент послание, изобилующее нескрываемой лестью и мольбой о том, чтобы “патриарх свободы и предшественник Французской Республики” был избавлен от этого последнего позора. Молодой офицер играл двойную роль. Вместе с Саличетти он планировал хитростью захватить цитадель Аяччо, но безуспешно. Затем он решил отправиться в Бастию, где французские комиссары изучали положение дел и готовились к сопротивлению островитянам. Здесь он надеялся встретить Джозефа, который также присоединился к делу Франции. Нельзя не восхищаться упрямой решимостью, которая побудила к такому поступку. Его заповедь о том, что “Любая цель может быть достигнута только настойчивостью”, не была простой моральной максимой, мимолетной мыслью, которую можно отбросить так же небрежно, как она пришла в голову.

Путешествие Наполеона по острову было довольно авантюрным. Сопровождаемый только бедным, но проникательным пастухом, он пересекал труднопроходимые ущелья и долины, каждое углубление которых было опасным и могло приютить банду паолистов. Проезжая через деревню Боконьяно, он попал в руки врага и был заперт в том, что считалось безопасным

местом. Но под покровом ночи и с помощью друзей ему удалось сбежать через окно, и весь следующий день он был вынужден прятаться в саду. Из этого несчастливого и ненадежного убежища он направился в дом двоюродного брата, но вечером третьего дня туда вошел бригадир-националист и потребовал обыскать помещение. Удача снова сопутствовала беглецу. Непрошеного посетителя убедили в том, что Наполеона, против которого теперь был издан приказ об аресте, в этом квартале никто не видел и о нем не слышали, и он не настаивал на своем требовании. Вскоре после того, как он покинул дом, за ним последовал беженец, который сидел в другой комнате со слугами, все из которых были достаточно хорошо вооружены, чтобы в случае необходимости оказать отчаянное сопротивление.

Корабль стоял на якоре в ожидании Наполеона, и, незаметно пробравшись к шлюпке на берегу, Наполеон быстро поднялся на борт. Это был случай "дотронься и уйди", поскольку националисты не позволили бы ему вырваться из их рук во второй раз.

В конце концов он добрался до Бастии и произвел на комиссаров такое хорошее впечатление, что была организована морская экспедиция против Аяччо и ему было поручено командование артиллерией. Неделью спустя маленький отряд примерно из четырехсот человек увидел гавань. Попытка заставить патриотически настроенных граждан сдаться потерпела полное фиаско, поскольку в то время как к Лакомбу Сен-Мишелю, Саличетти, Наполеону и Жозефу присоединились несколько десятков солдат и горожан, Паоли подкрепляли люди со всего острова. Солдаты высадились на берег, захватили крепость, известную как Торре-ди-Капителло, которую вскоре эвакуировали и вернулись обратно. В послужном списке Наполеона появилась еще одна неудача. Семья Бонапартов дорого заплатила за ту роль, которую они играли в то время. Их враги, а их было много, разрушили дом мадам Летиции. К счастью, ее находчивый сын предвидел такое событие и не только предупредил свою мать, но и организовал ее побег. Таким образом, она и ее дети смогли покинуть это место до того, как разъяренные паолисты приступили к своей разрушительной работе, и после долгого пути морем были доставлены в Кальви. Через восемь дней после их прибытия было зафрахтовано небольшое торговое судно для рейса в Тулон, и поздно вечером 11 июня 1793 года обездоленная семья, включая Наполеона, отплыла в направлении Франции и Фортуны.

ГЛАВА VI

Первое сражение Наполеона с англичанами (1793)

Первые шесть месяцев 1793 года были выдающимися во Франции. Королю повезло не больше, чем многим другим, кто не носил императорский пурпур, и он заплатил за свою некомпетентность головой. Louis XVI. был одним из тех слабых людей, которые желают добра, но не доводят свои благие намерения до практического результата. Его казнь 21 января принесла более важные и далекоидущие результаты, чем его тридцать восемь лет жизни. Республиканская Франция, провозглашенная 22 сентября 1792 года, была уже не просто мечтой энтузиастов, а реальностью, хотя фундаменты были ненадежными, а надстройки - тяжелыми.

Семя свободы было посажено, и все искренне надеялись, что оно даст рост, который расцветет в каждой стране.

В апреле прошлого года незадачливый Людовик был неохотно вынужден объявить войну Австрии, причем последняя получила поддержку Пруссии. Попытка полудисциплинированных французских войск под командованием генерала Дюмуре вторгнуться в Австрийские Нидерланды явно провалилась. Это неудачное начало было в полной мере восстановлено в Вальми и захватом Нидерландов после битвы при Жемаппе 6 ноября следующего года. Савойя и долина Рейна также были оккупированы, и всем странам, которые захотели поднять знамя восстания, была обещана помощь.

С казнью Людовика XVI. монархическая Европа приобрела более угрожающий вид. Конвент уже заявил, что его задача - изгнать "тиранов", занявших троны, и такое заявление было неприятным чтением для тех, кого оно больше всего касалось. Из-за "привязанности к коалиции коронованных особ" со стороны Георга III Франция объявила войну Англии 1 февраля 1793 года, и поскольку последняя вступила в союз с Голландией, эта страна также получила такой же нежелательный вызов. Вскоре после этого две державы объединили усилия с Россией, Испанией и Священной Римской империей с целью взаимной поддержки. У Франции было более чем достаточно дел, тем более что она находилась в нестабильном состоянии в пределах своих собственных границ. Кратковременные победы революционных войск длились недолго. Конвент без особого энтузиазма поддержал войну в Нидерландах и настолько разгневал Дюмуре, что он дезертировал в Австрию, а затем удалился в Англию, где провел свои оставшиеся дни. Правительство перешло в руки немногих избранных, известных как Комитет общественной безопасности. В Конвенте были две партии: жирондисты, или умеренные республиканцы, и Гора, чьи взгляды были значительно более развитыми и гораздо менее разумными. Они не могли управлять собой, не говоря уже о нации. Гора одержала верх, и дело жирондистов было с энтузиазмом подхвачено жителями Вандеи, департамента Бретани, которые не сочувствовали крайним мерам, за которые выступала Гора. Вместе с несколькими другими густонаселенными центрами восстал Марсель, и именно в этот город Бонапарты направились в сентябре 1793 года, после того как вели унылое существование на окраине Тулона. К этому времени ситуация снова успокоилась. Наполеон симпатизировал политике Горы. Получив повышение до должности *капитана-коменданта*, он присоединился к своему полку в Ницце в июне прошлого года. Он посылал своей семье все су, которые мог выделить из своего скудного жалованья, но этого было недостаточно, чтобы уберечь ее членов от реальной нужды, и гордая Летиция и ее дети были вынуждены питаться хлебом милосердия. Постепенно ситуация приобрела более радужный оттенок, и Джозеф, Люсьен и Джозеф Феш, который был членом этой партии, получили должности, которые, по-видимому, оставляли небольшой отрыв в пользу их тяжелобольных отношений. Казалось, госпожа Фортуна действительно улыбнулась, когда матери и каждому ребенку в возрасте до пятнадцати лет были назначены небольшие пенсии из фонда, за который проголосовали в пользу корсиканских беженцев.

Будучи не в состоянии получить назначение на действительную службу, к чему он страстно стремился, Наполеон искал утешения в литературе. Если бы он потерпел неудачу в армии, вовсе не исключено, что он стал бы литератором; хотя сомнительно, что его достижения в этой областисделали бы его имя знаменитым. На мгновение он вложил шпагу в ножны и взялся за перо, выпустив брошюру, написанную в форме диалога и озаглавленную "Ужин в Бокере". Протицируем мнение сэра Джона Сили: "Это в высшей степени характерно, полно острой и

саркастической проницательности и четких военных взглядов; но температура ума его автора, очевидно, внезапно упала; в нем нет теплоты, но поразительная циничная холодность”. Она была опубликована в Авиньоне в августе 1793 года. Как и его предыдущие публикации, она привлекла мало внимания или вообще не привлекла его в те дни, когда печатные станки тысячами выпускали брошюры, но, словно в противовес неудаче, у Наполеона вот-вот должна была появиться возможность проявить свои таланты в том направлении, в котором они медленно, но верно развивались.

Жители большого южного морского порта и тулонского арсенала, большинство из которых были роялистами до мозга костей, открыто взбунтовались. В отличие от жителей Марселя, которые собрали армию против Конвента, они зашли так далеко, что призвали на помощь врага. Английский и испанский флоты под командованием Худа и Лангары соответственно блокировали гавань; другими словами, предотвращали или пытались предотвратить вход и выход судов; и войска, которые были поспешно высажены, командовали городом. Вскоре стало очевидно, что Конвенции придется вновь занять это место силой.

Командующий артиллерией был ранен, и Наполеон, ныне *шеф батальона*, был призван занять его место. Армия, к которой он присоединился, состояла из наспех собранной разношерстной толпы. Подготовленные офицеры были в меньшинстве по той простой причине, что до падения Людовика XVI. никому, кроме знати, не было позволено командовать. Их преемники-плебеи пытались восполнить недостаток военного образования рвением, которое нередко проявлялось не в том месте и не в тот момент. Например, Карто, изначально художник, был назначен командующим армией, шедшей на Тулон и с треском провалившейся, его место занял Доппет, врач на пенсии, который преуспел не лучше. Только после того, как дилетантов судили и признали негодными, должность была предоставлена Дюгомье, ветерану, который прослужил под знаменами клуба полвека и которому в следующем году предстояло встретить свою смерть от испанской пули.

Современные власти с подозрением относятся к часто повторяющемуся утверждению о том, что Наполеон убедил Военный совет принять разработанный им план с целью захвата практически неприступного города. Нет сомнений, что он вел себя с непревзойденной храбростью на протяжении всей осады. Казалось, он инстинктивно знал, что делать в случае крайней необходимости. Примеров можно было бы привести множество, но одного должно быть достаточно. Солдат, обслуживавший большое орудие, был безжизненно убит, когда Наполеон стоял рядом. Без колебаний он занял место убитого и продолжал забивать боеприпасы, пока другой артиллерист не выступил вперед. Он не ожидал, что другие будут делать то, за что он боялся браться сам, и никогда не переставал ценить храбрость и находчивость в других.

Однажды он руководил строительством батареи, когда ему понадобилось продиктовать депешу. Он попросил кого-нибудь написать это за него, и молодой человек по имени Жюно предложил это сделать. Мощный выстрел обрушился на землю на таком небольшом расстоянии от них, что Жюно был буквально покрыт пылью. “Хорошо,” воскликнул он, “на этот раз нам не понадобится песок”, имея в виду, конечно, старый метод промокания влажных чернил. Наполеон никогда не забывал этот инцидент, и Жюно получил свою награду, когда Наполеон вступил в свои права. Виктор Перрен также попал в поле зрения Наполеона при осаде Тулона.

Он был дважды ранен, но держался за свое оружие, из которого стрелял с большим мастерством.

Приказав возвести батарею на открытой позиции в непосредственной близости от форта Малгрейв, одной из важнейших английских цитаделей, Наполеон назвал ее “батареей бесстрашных”. Его острое чувство драматизма подсказало ему, что отныне для него будет честью присутствовать там, живым или мертвым. Доппет говорит, что “всякий раз, когда он посещал армейские заставы, он всегда был уверен, что найдет коменданта артиллерии на его посту; он мало спал, и эту малость он брал на земле, завернувшись в свою мантию: он почти никогда не покидал своих батарей”. Наполеон проявил необычайную инициативу. Он послал за орудиями, которые не использовались итальянской армией, раздобыл лошадей по реквизиции, открыл ремонтную мастерскую, приказал ежедневно изготавливать в Марселе пять тысяч мешков с песком для использования в целях обороны и имел в своем распоряжении небольшую армию кузнецов, колесников и плотников. “Ничто не делалось иначе, как по приказу Бонапарта или под его влиянием; все было подчинено ему”, - уверяет нас Мармон. “Он составил таблицы того, что требовалось; указал, как это должно было быть получено; привел все в движение и за неделю добился господства над Комиссарами, которое почти невозможно было скрыть”.

Форт Малгрейв, прозванный осаждающими “маленьким Гибралтаром”, был ключом к позиции, поскольку он господствовал над внутренней гаванью. Перед рассветом утром 17 декабря три колонны солдат отправились сокращать его, предыдущая атака провалилась в основном из-за преждевременного объявления об отступлении. Дважды атакующая сторона почти добивалась успеха, и в качестве последнего ресурса были задействованы резервы под командованием Наполеона. Хотя его батальон был не первым, кто взобрался на стены, молодой Бонапарт и его люди проделали великолепную работу, и вскоре орудия, которые были направлены на французов, открыли огонь в направлении врага. В тот же день Триколор развевался еще над двумя фортами, которые были эвакуированы, поскольку враг считал Тулон неприступным, а сопротивление невозможным перед лицом противостоявших им 37 000 человек; английские, испанские, пьемонтские и неаполитанские силы насчитывали не более 17 200 человек. Наполеон начал бомбардировать теперь уже обреченный город и флот, который все еще стоял на рейде. В ту ночь Сидни Смит, доблестный молодой английский капитан, с небольшим отрядом таких же храбрых людей поджег дюжину французских кораблей в гавани. Вскоре военно-морские склады были полностью охвачены огнем, пламя распространялось с ошеломляющей быстротой, и испанцы взорвали два пороховых корабля. 19-го Лорд Худ на “*Виктори*” снялся с якоря, и британский флот покинул место катастрофы с более чем 14 000 охваченных ужасом жителей на борту и четыремя линейными кораблями, тремя фрегатами и несколькими небольшими судами в качестве трофеев.

Незадачливые тулонцы дорого заплатили за свое дезертирство. В течение нескольких часов город был отдан на разграбление, республиканские войска потеряли всякую сдержанность и отказались прислушаться к гуманным мольбам Дюгомье. И это было еще не все, поскольку около 1800 человек погибли от гильотины или были расстреляны. Царство террора не ограничивалось Парижем.

“Кто этот маленький офицер и где вы его подобрали?” - как сообщается, спросил кто-то Дюгомье. “Имя этого офицера, ” последовал ответ, “ Наполеон Бонапарт. Я подобрал его при

осаде Тулона, в успешное завершение которой он внес огромный вклад, и вы, вероятно, однажды увидите, что этот маленький офицер - более великий человек, чем любой из нас ”.

Несомненно, Дюгомье был очень доволен поведением своего способного лейтенанта, более того, он “упоминал его в донесениях”, - честь, к которой стремится каждый солдат. “Среди тех, кто отличился больше всего, “ пишет он, - и кто больше всего помог мне сплотить войска и продвинуть их вперед, - граждане Буона Парте, командующие артиллерией, Арена и Червони, генерал-адъютанты”. Генералы Дю Тейль и Саличетти также хорошо отзывались о корсиканце. “У меня нет слов, чтобы описать заслуги Бонапарта”, - говорит первый. “уму, хорошо знакомому с наукой, он придает большой интеллект и безграничное мужество. Таков слабый набросок качеств этого несравненного офицера”.

За оказанные таким образом услуги Наполеон получил еще одну ступеньку в звании, и 1 февраля 1794 года он стал бригадным генералом. В его обязанности входило инспектировать оборону южного побережья и руководить артиллерией и складами Итальянской армии под командованием генерала Шерера, штаб-квартира которого находилась в Ницце. Наполеон прибыл в этот город в марте следующего года, а месяц спустя был назначен генералом, командующим артиллерией.

ГЛАВА VII

Наполеон - солдат удачи (1794-1796)

Франция огласилась топотом вооруженных людей. Не менее пяти армий, в основном состоящих из добровольцев и насчитывающих, вероятно, около 700 000 человек, в дополнение к тем, что несли гарнизонную службу, столкнулись с врагами Республики. Там были Армии Севера, Мозеля, Рейна, Запада и Италии. Интересно отметить, что многие из тех, кто занимал важные посты в этих силах, были людьми, которые, подобно Карто и Доппету, до революции занимались другими профессиями. Приспосабливаясь к обстоятельствам, проявляя изобретательность, когда их слабые познания в тактике подводили их, и доказывая свои способности в полевых условиях, они достигли высокого положения во власти и влиянии. Журден служил в Армии Севера и был торговцем тканями; в армии Мозеля служили Гош и Моро, первый был сыном конюха, второй когда-то был юристом в прекрасной Бретани; Клебер из Армии Запада получил образование архитектора, в то время как Массена, служивший в Армии Италии, начал жизнь моряком. Обещание Революции каждому сыну Франции “Карьеры, открытой для таланта”, не было простым хвастовством, оно реализовывалось во многих случаях. Сам Наполеон старался внушить своим солдатам, что ни одно звание не стоит выше их чаяний. В каждом рюкзаке был маршальский жезл.

Хотя Наполеон получил назначение в итальянскую армию в двойном качестве генерала артиллерии и генерального инспектора, в этой кампании ему было отказано в возможности проявить свои ныне признанные способности исполнителя. Шанс представился с другой и неожиданной стороны, а именно с дипломатической. Нельзя сказать, что его дипломатические

попытки на Корсике были особенно блестящими; это, однако, не помешало Огюстену Робеспьеру, уполномоченному Конвента, с которым Наполеон завязал близкое знакомство, передать в его руки сложную проблему, требующую величайшего политического мастерства и такта для решения. Генуя, когда-то великая Морская держава, но сейчас, на пороге упадка, должна была сохранять нейтралитет, другими словами, не принимать сторону ни одной из воюющих наций. Но она позволила врагам Франции пройти по своей территории и тем самым навлекла на себя гнев могущественной Республики, несмотря на свое оправдание, что она недостаточно могущественна, чтобы помешать им.

В Геную, город роскошных зданий и великолепных церквей, Наполеон соответственно направился в июле 1794 года, и он так хорошо справился со своим делом, что его миссия увенчалась полным успехом. 28 числа того же месяца он вернулся в штаб Итальянской армии в полном ожидании широкого признания. Его надежды были разрушены ошеломляющим известием о том, что его друг и покровитель был казнен вместе со своим братом Максимилианом Робеспьером, жестоким главарем якобинцев.

Во время правления “Неподкупного”, как последнего называли его друзья и сторонники, улицы Парижа были залиты кровью. По его приказу и приказам его спутников десятки заключенных ежедневно вытаскивались из тюрьмы и предавались смерти. Цвет французской знати страдал вместе с низшими из низших, ибо гильотина не считалась с людьми.

Наполеон обнаружил, что его дипломатический триумф не помог предотвратить его арест из-за того, что считалось его подозрительным поведением в отношении Итальянской армии, его недавней миссии в Генуе и его близости с молодым Робеспьером, восхищение которым зашло так далеко, что побудило упомянуть Наполеона в депеше правительству как “человека исключительных достоинств”. Какое-то время его судьба висела на волоске. Если бы Саличетти, Альбитте и Лапорт, комиссары Конвента, изучавшие его документы, осудили его, генерала, по всей вероятности, постигла бы та же ужасная участь, что и его друга. Есть более чем подозрение, что Саличетти теперь относился к Наполеону с ревностью, но, по словам Мармона, он использовал свое влияние, чтобы добиться его освобождения. Трудно прийти к истине в таком вопросе, как этот, когда современные рассказчики не согласны. В истории не следует принимать слишком многое как должное, и, возможно, разумным выводом будет предположить, что Саличетти не был в неведении о потенциальных способностях своего соотечественника и что он понимал, что осуждением такого человека ничего хорошего не добьешься, в то время как сам мог бы извлечь большую выгоду, если бы поддержал его.

Тем временем предприимчивый генерал был лишен своего звания. Вместо того чтобы оплакивать свою судьбу, Наполеон написал энергичное письмо своим судьям, в котором защищал свое дело на основании своего патриотизма, своей ненависти ко всем тиранам и своих общественных заслуг. 20 августа был издан встречный приказ, в котором упоминались “преимущества, которые могут быть получены от его военной информации и знания местности на службе Республике”, и рекомендовалось, чтобы гражданин Бонапарт был “временно возвращен на свободу и чтобы он оставался в штаб-квартире до получения дальнейших инструкций от Комитета общественной безопасности”.

Наполеон провел четырнадцать дней в напряжении в форте Карре, недалеко от Антиба, но ему милостиво предоставили запас книг и карт, которые помогли скоротать время. В последний

день его заключения в два часа ночи пришел офицер и сообщил приятную новость о том, что был отдан приказ о его освобождении.

“Что? Ты еще не в постели? - воскликнул он от изумления, войдя в камеру и увидев Наполеона, склонившегося над грудой бумаг на маленьком столике.

“В постели!” последовал презрительный ответ. - Я выспался и уже встал.

“Что, так рано?” - ответил офицер, безмерно удивленный столь необычным заявлением.

“Да, ” продолжал арестованный, “так рано. Любому человеку достаточно двух-трех часов сна”.

Используя знакомое и выразительное сравнение, Наполеон теперь “прыгнул со сковородки в огонь”. Хотя ему вернули прежнее звание, он не был отправлен обратно в армию, а некоторое время оставался безработным, живя со своей семьей в Марселе. Там он влюбился в мадемуазель Дезире Клари, дочь богатого торговца мылом, чья сестра Жюли вышла замуж за Жозефа Бонапарта. Восхищенный влюбленный зашел так далеко, что договорился о свадьбе, которая должна была состояться следующей осенью. “Возможно, я обречен сиять, как метеор, - сказал он объекту своей привязанности, - но я обеспечу тебе блестящее существование”. Юная мечта Лав вскоре была разбита тревожащим духом честолубия, и, поклявшись в вечной верности, Наполеон покинул свою убитую горем возлюбленную и тут же забыл о своем обещании. Было решено предпринять экспедицию против Корсики, перешедшей в руки англичан. Вместе со своим братом Луи, ныне младшим лейтенантом артиллерии, он отправился в плавание 3 марта 1795 года и был близок к тому, чтобы попасть в плен: два корабля с солдатами стали добычей “хищных морских волков”, как Наполеон называл английских моряков. Поражение, понесенное по этому поводу, добавило еще одно к его длинному списку бедствий, связанных с корсиканскими делами.

В начале мая он отправился в Париж, чтобы предвидеть будущие события. Теперь он возобновил дружбу с Буррьеном, который был в Германии. Ему предложили назначение бригадным генералом пехоты в Армию Запада, которая в то время участвовала в подавлении гражданской войны в Вандее, но он отказался, сославшись на свое обычное состояние здоровья. На самом деле он считал ниже своего достоинства принимать командование. Центральный комитет в отместку вычеркнул его имя из списка действующих.

Этому неудовольствию не суждено было продлиться долго. Наполеон обратил свое внимание на составление определенной схемы кампании для итальянской армии, которая теперь встречала отпор со стороны австрийцев. Документы были отправлены в Комитет общественной безопасности в июле и помогли ему получить штатное назначение в топографический отдел Военного министерства, где он работал над планами и операциями в интересах различных французских армий на местах. Попутно он завел знакомство с разными людьми, которые могли быть ему полезны в продвижении его карьеры, и возобновил его с Баррасом, которого он впервые встретил в Тулоне.

Тем временем Париж, удачно названный Городом Веселья, приобрел что-то от своего прежнего облика. Начались браки и выдача замуж, театры и другие увеселительные заведения открылись заново, и безошибочный барометр бизнеса начал расти. Почти везде полуобученные армии одерживали победы. Очевидно, начались “лучшие времена”. Изменение политической погоды, хотя и прояснилось, было не столь заметно. Конечно, конституция была разработана

Национальным собранием и была дарована миру 22 сентября 1795 года, но она не принесла всеобщего удовлетворения, на которое надеялись более восторженные ее сторонники. В некоторых незначительных отношениях Законодательный орган, по которому они приняли решение, мало чем отличался от нашего собственного парламента, поскольку состоял из двух палат, причем нижняя палата называлась Советом Пятисот, а верхняя - Советом древних. Первые разрабатывали законы, вторые принимали, корректировали или отклоняли их. Из двух Советов должна была быть выбрана Директория из пяти человек, наделенных исполнительной властью, один из которых должен был ежегодно уходить в отставку для переизбрания.

Постановив, что одна треть членов обоих Советов также должна уйти в отставку таким же образом, либо быть переизбранной, либо уступить свои места другим, Конвент разворошил осиное гнездо для себя, решив, что две трети его членов должны быть сохранены в новом Законодательном органе, тогда как первоначально он собрался с целью разработки конституции, а не для управления. Жирондисты и сторонники Горы одинаково цепко цеплялись за свои посты, стремясь сохранить трофеи победы. Члены Конвента вскоре обнаружили, что общественное мнение было против них. “Эта мера, - говорит барон де Френильи, - вызвала всеобщее негодование, ибо никто, кроме ее сообщников, не желал, чтобы она обладала ни властью, ни безнаказанностью”.

В Париже снова началось брожение, столь же серьезное, сколь и неожиданное. Старый боевой клич “Долой аристократов!” сменился криком “Долой две трети!”. Было создано конкурирующее правительство под названием Центральный комитет, которое почти так же быстро было подавлено регулярными войсками, действовавшими на основании полномочий Конвента. Они столкнулись с еще большими трудностями при попытке разогнать восставших парижских курфюрстов, на стороне которых было 30 000 национальных гвардейцев. Генерал Мену, командующий войсками, был взят в плен только для того, чтобы быть арестованным после его освобождения стороной, которую он пытался защищать. Затем командование было передано Полю Баррасу, который среди прочих выбрал Наполеона лейтенантом. Он не мог выбрать лучшего человека, как показали последующие события. Баррас заказал пушки в лагере Саблон, и наметанный глаз его коллеги позволил ему разместить их на наилучших позициях, чтобы контролировать различные магистрали и мосты, которые вели к Тюильри, зданию, против которого маршировали Национальная гвардия и горожане. В распоряжении Наполеона, конечно, было не более 7000 вооруженных людей, но его войска одержали победу в приснопамятную 13-ю Вандею (5 октября 1795 года), и “запах виноградной дробы”, как он это назвал, существенно помог проложить путь к трону. В настоящее время его мастерство было вознаграждено званием заместителя командующего Внутренней армией, а позже, когда его друг Баррас освободил руководящий пост, это назначение получил Наполеон.

Национальный конвент мог позволить себе проявить щедрость по отношению к безбородому молодому генералу, который спас ситуацию. Сразу же было решено избрать пять директоров, а именно Ла Ревельер-Лепо, Летурнера, Ребелла, Карно и Барраса.

Теперь Наполеон начал проявлять интерес к Обществу. Он часто посещал *Салоны*, где остроумие и красота собирались для взаимного восхищения и интеллектуальных развлечений. Сомнительно, чтобы он заботился о ком-либо из них в какой-либо значительной степени. Конечно, у него не было напускной скромности, и, более чем когда-либо осознавая ценность общения с теми, кто мог бы быть ему полезен, он рассматривал драгоценные часы, очевидно

потраченные впустую, как будущий актив. Он предпочитал *Салон* Барраса любому другому. Это привело к его знакомству со своей будущей первой женой, очаровательной Жозефиной де Богарне, чьего придворного мужа постигла та же участь, что и Робеспьера во времена правления террора. Эддисон, известный эссеист, говорит нам, что “брак по любви приятен; брак по интересам — легок; а брак, в котором встречаются оба, — счастлив”. Матримониальное предприятие Наполеона можно рассматривать как разумное сочетание того и другого, и в определенной степени оно было счастливым. Брак, который не был благословлен Церковью, поскольку это был гражданский договор, состоялся 9 марта 1796 года. Жениху было двадцать шесть лет, его невесте - тридцать четыре.

За десять дней до этого Наполеон получил командование Итальянской армией по наущению Карно. Баррас в своих Мемуарах намекает, что его влияние привело Директорию к этому решению. На самом деле генерал в значительной степени выиграл свое собственное дело. Его перо не утратило своего коварства, и дальнейшие планы, которые он выдвинул для решающей кампании ныне умирающей армии Италии, привлекли значительное внимание, хотя, когда они были отправлены Шереру, сменившему Келлермана в командовании, они встретили отпор со стороны этого достойного человека. Как прямое следствие, он был заменен солдатом, который осмелился вмешаться.

Во время своего изгнания, когда очарование его второго брака с дочерью цезарей прошло и воспоминания о лучших временах были горько-сладким утешением для его беспокойного ума, Наполеон часто размышлял о своей привязанности к жизнерадостной женщине, разделившей его первые триумфы и его трон. “Жозефина была предана мне”, - говорит он Монтолону, одному из небольшой группы верных последователей, которые отказались покинуть его в час неудачи. “Она нежно любила меня; в ее сердце никто никогда не отдавал мне предпочтения. Я занимал в этом первое место, ее дети - второе; и она была права, так любя меня; ибо она - существо, которое я любил больше всего, и воспоминание о ней все еще всемогуще в моем сознании ”.

ГЛАВА VIII

“Искра великих амбиций” (1796)

“ Солдаты! вы плохо питаетесь и почти голые; правительство вам многим обязано, но ничего не может для вас сделать. Ваше терпение, ваше мужество делают вам честь, но не приносят вам ни пользы, ни славы. Я собираюсь повести вас на самые плодородные равнины мира. Богатые провинции, великие города будут в вашей власти. Там вы найдете честь, и славу, и богатство. Солдаты Итальянской армии, неужели вам недостает храбрости?”

Таким образом, Наполеон обратился к полуголодным и удрученным легионам, которые в течение двух лет сражались в Приморских Альпах против австрийцев и сардинцев в явно безуспешной попытке закрепиться в Северной Италии. Армия представляла собой немногим больше, чем толпу недовольных, у которых не было даже предметов первой необходимости. Сорок тысяч изгоев, если хотите, недисциплинированных, многие из них без сапог, еще больше

в лохмотьях, у всех у них едва ли есть луч надежды; солдаты скорее по названию, чем на самом деле. Храбрецы и герои были, порядка и субординации не было. Ввести сплоченность и дисциплину в эти неуправляемые войска было почти сверхчеловеческой задачей, которую взял на себя Наполеон.

Он прибыл в Ниццу, штаб-квартиру армии Италии, 26 марта 1796 года; в тот же день он начал изучать условия своей проблемы, отдав вышеупомянутые Общие приказы двадцать четыре часа спустя. Его союзниками были горы, отделявшие его от врагов; Средиземное море, стоявшее перед ним, было главной дорогой английской эскадры. Согласованные усилия со стороны сухопутных и морских сил, несомненно, поймали бы его, как крысу в ловушку. К счастью, австрийцы и сардинцы относились друг к другу с подозрением, их диспозиция была ошибочной и не всегда согласованной, а их силы были разбросаны по длинной территории, защищая перевалы через горы. Офицеры отнеслись к выбору Директорией командира с подозрением. Если Шерер, ветеран старше семидесяти лет, не смог привести их к победе, чего можно было ожидать от этого новичка? Они считали без своего ведущего. Гений не знает возраста и не считает дни рождения. Поразительная изобретательность Наполеона, его поразительная энергия и полное владение ситуацией постепенно преодолели их противодействие, независимо от того, признавалось оно или только ощущалось. Массена, Ожеро, Серюрье, Червони, Ла Гарп и Рампон, не говоря уже о некоторых наиболее важных, объединили свои усилия с избранными людьми Наполеона, Мюратом, Бертье, Дюроком, Мармоном и бесстрашным Жюно. Мы обнаружим, что многие из этих имен встречаются снова и снова по мере развития истории и расширения карьеры Главного генерала. Немногие, если вообще есть, люди добиваются успеха без посторонней помощи, и меньше всего солдаты и государственные деятели. Наполеон рано осознал, что так называемый человек, сделавший себя сам, очень редко имеет право на кредит, подразумеваемый в этом названии. Он поощрял амбиции своих коллег, но следил за тем, чтобы они больше всего выигрывали от него.

После того, как командующий, насколько это было возможно, позаботился о бытовых удобствах солдат и поднял их упавший дух своим энтузиазмом и обещанием грядущих благ, он приготовился нанести быстрый и решительный удар по своим врагам. Армии короля Сардинии и Пьемонта и императора Священной Римской империи не были объединены в одно большое войско, их разделяло более тридцати миль. Центральная идея этого соглашения заключалась в том, что в случае необходимости каждый мог отступить к столице страны, которую они защищали, австрийцы - к Милану, а сардинцы - к Турину. Более разумным способом, как указывает виконт Уолсли, было бы сконцентрироваться в месте, господствующем над обоими городами, например, в долине Восточной Бормиды. Наполеон понял всю глупость этого плана и решил пробиться между двумя армиями и сражаться с ними по отдельности. "Объединенные, - как он сказал, " эти две силы превосходили бы французскую армию: разделенные, они были потеряны". Наполеон торопил войска по изрытой колеями дороге к Вольтри, в нескольких шагах от Генуи, чтобы создать впечатление, что последнее место вот-вот подвергнется нападению. Однако тем временем он и основные силы разбили лагерь у подножия гор, выше Савоны. После сильного укрепления перевала Монтенотте австрийцы, занимавшие горный хребет над одноименной деревней, приготовились к атаке и 12 апреля застали противника врасплох. Наступление было смертельным, результат предрешен. Массена принял на себя основную тяжесть сражения, командир довольствовался чрезвычайно важной обязанностью не допустить врага к своим сардинским союзникам. Империалисты были изгнаны с поля боя с потерей 700 человек убитыми и ранеными. "Мой дворянский титул, " сказал Наполеон, -

восходит к битве при Монтенотте”. На следующий день произошло еще одно поражение австрийцев при Миллезимо, и они также были вытеснены из деревни Дего, к которой они отступили 14-го.

Рано утром 15-го австрийская дивизия, не подозревавшая о катастрофе, постигшей их товарищей, захватила Дего. Если бы Наполеон не действовал с большой быстротой, они, возможно, восстановили бы поражение предыдущего дня. В то время как Массена и Ла Гарп храбро отстаивали позиции, Наполеон подтянул подкрепление с энергией, которая одна спасла положение. Разгромив эту армию, главнокомандующий обратил свое внимание на сардинцев в Севе, под командованием Колли, и поначалу встретил отпор. Надеясь поймать Наполеона в ловушку, вражеский лагерь был поспешно разбит, и армия двинулась маршем, чтобы занять то, что, как наивно полагал генерал, было более укрепленными позициями. Однако их ожидало поражение от рук Серюрье и Доммартина, которые догнали сардинцев и вынудили их бежать в направлении Турина, их базы снабжения. Город Мондови перешел к французам, Мармон захватил Чераско. В результате этих операций Савойя и Ницца были переданы Франции, и Австро-сардинскому союзу внезапно пришел конец. Важные крепости Кони, Тортон и Алессандрия были сданы французам, а другие были разрушены. Эти стратегические позиции были названы “ключами от Альп” и были необходимы для успеха следующих операций Наполеона. Комиссары, представлявшие Сардинию, не согласились бы добровольно удовлетворить требования, которые они считали грабительскими и которые оставили расчлененному государству лишь два укрепленных места, достойных рассмотрения. Наполеон сказал им, что это его дело - выдвигать условия. “Слушайте законы, которые я навязываю вам от имени правительства моей страны,” добавил он, “или завтра мои батареи будут возведены, и Турин будет объят пламенем”. Аргументы, которые могут быть подкреплены делами, неопровержимы. Парма, также проигравшая сторона, также подала в суд на мир, договоренность заключалась в том, что она должна поставлять деньги и припасы для французской армии. Наполеон в ходе своих переговоров употребил поразительную фразу, которая объясняет еще один секрет его успеха. “Может случиться, что я проиграю битву, - заметил он, - но никто никогда не увидит, чтобы я терял минуты из-за чрезмерной самоуверенности или лени”.

Завершив свои дипломатические действия, генерал теперь был готов обратить свое внимание на своего оставшегося врага. Прежде чем сделать это, он счел за благо еще раз воззвать к патриотическим инстинктам своих солдат. Торжествующие, как никогда прежде, они, тем не менее, начинали уставать от непрерывных маршей и сражений:

“ Солдаты! вы одержали за пятнадцать дней шесть побед, взяли двадцать одно знамя, пятьдесят пять пушек, много укрепленных пунктов и завоевали богатейшую часть Пьемонта. Вы взяли пятнадцать тысяч человек в плен и убили или ранили десять тысяч человек. До сих пор вы сражались на голых скалах, прославившись, несомненно, своим мужеством, но без толку для вашей страны. Теперь вы соперничаете своими услугами с армиями Голландии и Рейна. Вы были совершенно обездолены; вы удовлетворяли все свои потребности. Вы выигрывали сражения без пушек, переходили реки без мостов, совершали форсированные марши без обуви, разбивали биваки без хлеба! Фаланги Республики — солдаты свободы - единственные были способны на такие жертвы. Но, солдаты, вы ничего не достигли, в то время как еще многое предстоит сделать. Ни Турин, ни Милан не в ваших руках; прах завоевателя Тарквиния все еще топчут ассасины Бассевиля! Мне сказали, что среди вас есть такие, чье мужество иссякает, кто

предпочел бы вернуться на вершины Альп и Аппенин. Нет— я не могу в это поверить. Завоеватели Монтенотта, Миллезимо, Дего, Мондови горят желанием еще больше прославить французское имя! Но прежде чем я поведу вас к победе, есть одно условие, которое вы должны пообещать выполнить; это защищать людей, которых вы освобождаете, и пресекать все акты незаконного насилия. Без этого вы были бы не освободителями, а бедствием народов. Облеченный национальной властью, сильный в справедливости и законе, я без колебаний приведу в исполнение требования человечности и чести. Я не позволю грабителям запятнать ваши лавры. Грабители будут расстреляны без пощады.

“Народ Италии! Французская армия наступает, чтобы разбить ваши цепи. Французский народ - друзья всех наций. Им вы можете доверять. Ваша собственность, ваша религия, ваши обычаи должны уважаться. Мы будем воевать только как великодушные враги. Наша единственная ссора - с тиранами, которые поработают вас!”

Не теряя лишнего времени, Наполеон вступил в Пьяченцу, переправился через реку По по наспех сооруженному лодочному мосту перед лицом вражеских сил и приготовился захватить деревню Фомбио. Здесь около 5000 австрийских пехотинцев и кавалеристов были готовы дать отпор. Это место буквально ошетинилось артиллерией, даже церкви были укреплены; но французы разбили врага, и империалисты были вынуждены отступить.

За быстро текущей Адд был выставлен сильный арьергард, и 10 мая Наполеон появился у Лоди, на противоположном берегу. Узкий мост, около 200 ярдов в длину и тридцать футов в ширину, был единственным средством пересечь бурный поток. Сначала австрийцы пытались удержать сооружение, затем попытались разрушить его, но непрерывный огонь французов помешал им сделать это. Переправа на противоположный берег была абсолютно необходима для решительных действий, и Наполеон отдал приказ отправить колонну отборных людей для захвата моста. Ему сказали, что такая попытка вряд ли увенчается успехом. “Невозможно!” - как утверждает, воскликнул он. “Это слово не французское!” Он начал колонку. Для многих это означало верную смерть, но на войне люди - просто боевые машины, управляемые человеком-динамо-машиной во главе. Войска продвигались вперед. Те, кто был впереди, падали, как осенние листья, когда выстрелы с противоположного берега прорезали их ряды. Некоторые из самых смелых добрались до середины моста только для того, чтобы безжизненной кучей упасть под смертоносным градом. Отступление казалось неизбежным, самые храбрые дрогнули.

Наполеон, быстро замечавший малейшие признаки слабости, снова погнал свои войска вперед. Ланн, Массена и Бертье бросились в гущу боя, и вскоре после этого мост был захвачен. Остальное далось сравнительно легко. Австрийские пушки были взяты, прикрывавшая их пехота была вынуждена уступить, и империалисты снова отступили, оставив 300 убитых и раненых. Это было поистине тяжелое сражение, поскольку победители потеряли большее количество людей. Если бы они смогли последовать за отступающей армией, триумф был бы полным. Наполеон заявил, что “только после ужасного перехода по мосту Лоди в моей голове мелькнула мысль, что я мог бы стать решающим действующим лицом на политической арене. Тогда впервые загорелась искра великого честолюбия”. Именно после этой битвы солдаты прозвали Наполеона “маленьким капралом”. Зеботтендорф, командовавший разбитыми войсками, направился к Мантуе, куда также направлялся Боле, его старший офицер.

ГЛАВА IX

Итальянская кампания (1796-1797)

15 мая 1796 года завоеватель и его войска вошли в Милан, австрийцы отступили за берега Минчо, реки, неразрывно связанной с историей Римской империи. Он подбодрил солдат, сказав им, что они сокрушили и рассеялись, что мешало их продвижению, что Республика распорядилась устроить *праздники* в честь побед, и что по возвращении домой “сограждане скажут о каждом из вас мимоходом: ‘Он был солдатом Итальянской армии!’” Однако он не стал преуменьшать стоящую перед ними задачу и прямо заявил, что многое еще предстоит сделать. “Восстановить Капитолий (в Риме); заменить там статуи героев, которые сделали его бессмертным; освободить римлян от многовекового рабства — таковы будут плоды наших побед: они составят целую эпоху в истории; вам будет принадлежать слава за то, что вы изменили облик самой красивой части Европы”. Такое воззвание было хорошо рассчитано, чтобы вдохновить жителей идеями свободы, а также ободрить солдат, все еще воодушевленных победой. Удовлетворение народа от этих благородных слов, однако, сменилось ужасом, когда за границей распространилась новость о том, что 20 000 000 франков были ценой мира, не говоря уже о бесплатном снабжении войск. Тщетная попытка сопротивления была оказана некоторыми наиболее патриотичными жителями Ломбардии, которые подкрепили свое мнение силой и вступили в драку с мнимыми “освободителями” в Милане и Павии. Возмездие, которое последовало быстро, не побудило другие города восстать; итальянский национальный дух был тогда весьма слаб. Деревня Брешиа, хотя и находилась на венецианской и, следовательно, нейтральной территории, была стерта с лица земли пожаром. Сам Наполеон двинулся на Павию, которая была взята штурмом и разграблена. Болье снова попытался остановить Наполеона, но с таким же успехом он мог попытаться помешать восходу солнца. Австрийцы потерпели поражение при Валеджо, Массена вступил в Верону, а Наполеон приготовился осадить хорошо укрепленный город Мантую, ключ к Австрии и Италии. Для этой цели было выделено пятнадцать тысяч военнослужащих в дополнение к тем, кто должен был охранять их коммуникации. Вынудив повстанцев в Милане сдаться, он вошел в Модену и Болонью и отправил Мюрата в Ливорно, нарушив тем самым нейтральную территорию Тосканы.

Но Наполеону не суждено было добиться всего по-своему. Австрийцы, воспрянувшие духом, были полны решимости оказать последнее отчаянное сопротивление, и какое-то время казалось, что их усилиям сопутствует успех. Они не раз приводили французов в замешательство, но вместо того, чтобы сконцентрироваться, допустили роковую ошибку, распределив свои силы на большой территории, и таким образом были лишены возможности наносить решающие удары и развивать свои победы. Наполеон, столь же решительный и гораздо более осторожный, решился на смелый удар. Чтобы обеспечить как можно большее количество войск, он снял блокаду Мантуи, в крепость которой Вюрмзер, преемник Болье, вступил 1 августа. Одержав победу при Лонато, Наполеон едва избежал плена. Он и гарнизон численностью около 1200 человек были вынуждены сдаться корпусом из 4000 австрийцев. Посланника, несущего флаг перемирия, привели к Наполеону с завязанными глазами, как это принято. Когда повязку сняли, командир хладнокровно спросил его: “Что означает эта дерзость?” - и добавил, что он находится в центре французской армии! Посланник был так

напуган, что рассказал своему вышестоящему офицеру больше вымысла, чем фактов. Он заверил его, что Лонато занят французскими войсками, и если корпус не сложит оружие в течение десяти минут, они будут расстреляны. Они предпочли менее неприятный способ. Их чувства, когда они обнаружили хитроумную шутку, которую с ними сыграли, можно лучше представить, чем описать. В тот же день Ожеро после значительных трудностей и упорных боев овладел важной стратегической позицией Кастильоне.

5 августа 1796 года Вюрмсер и Наполеон участвовали в битве при Медоле. После этой акции за отступлением империалистов последовало затишье, обе стороны использовали это время для восстановления или попыток залечить полученные ими повреждения. Наполеон двинулся к Вероне, и Мантуя была освобождена Вюрмсером. Давидович, коллега австрийского командующего, потерпел поражение под Каллиано, и таким образом Наполеон получил возможность войти в Трент, столицу итальянского Тироля. Вскоре после этого сам Вюрмсер потерпел поражение от Массены близ Бассано, и Наполеону снова едва удалось избежать плена, когда австрийцы отступали к Мантуе.

Империалисты теперь были усилены и насчитывали около 60 000 военнослужащих. Силы, имевшиеся в распоряжении Наполеона, не превышали 42 000 человек, включая 8000 человек, занятых наблюдением за Мантуей, которые, следовательно, были недоступны для более активного сотрудничества на фронте. 8 октября 1796 года он доверительно сообщил Директории, что ситуация критическая, что в Италии все идет наперекосяк, и призвал к добавлению солдат и более умелым дипломатическим мерам. Серьезность его положения стала особенно очевидной в следующем месяце, когда Наполеон был вынужден отступить из-за поражения Вобуа в Тироле. Он без утайки сказал солдатам, что недоволен ими, и даже зашел так далеко, что заявил, что хотел бы, чтобы штандарты двух их полков были украшены словами: “Они больше не принадлежат к армии Италии”. В Арколе 15 ноября империалистические и республиканские силы сражались с лихорадочной и поразительной энергией, и, как и при Лоди, Наполеон вел себя с заметной храбростью. Он пронес штандарт до половины моста, и только несколько гренадеров помешали ему пройти дальше под градом выстрелов. Опасаясь за его жизнь, они вынудили его вернуться на более безопасную позицию. Как бы то ни было, храбрые ребята и их командир были отеснены в болото отрядом противника, который, воспользовавшись замешательством, переправлялся с австрийской стороны. Наполеона вытащили из болота его брат Луи и Мармон.

Когда над армиями опустилась ночь, победа осталась за австрийцами. Однако на следующий день сражение возобновилось, а на третий перевес переломился в пользу Наполеона. Отпор лишил его некоторых радостей победы, но его измотанные солдаты знали, что вновь обрели доверие своего командира, и спали довольным сном, лежа вокруг своих бивуачных костров.

Существует часто рассказываемая история об этом периоде, которая иллюстрирует бдительность Наполеона и показывает, как он мог иногда делать скидку на человеческую природу. Один из французских часовых был обнаружен Наполеоном крепко спящим на своем посту. Беднягу изводили частые дежурства, и, к счастью, Наполеон был настроен сочувственно. Он взял мушкет солдата и терпеливо стоял рядом, не сводя с него неутомимых глаз, пока тот не проснулся. Можно представить ужас этого человека, когда он увидел, кто нес вахту вместо него. Он приготовился к худшему, но, к его огромному облегчению, Наполеон простил его.

- Это император! - воскликнул я.

Х. де Т. Глейзбрук

С разрешения господ. Гупиль и Компания.

На два месяца дела зашли в тупик. Переговоры начались и закончились ожесточенной словесной войной, которая ничего не решила. Тем временем к обеим армиям присоединились свежие войска, и когда Наполеону стало известно, что австрийцы сосредоточены недалеко от Риволи, он был готов бросить на них всю мощь своей армии, хотя она была слабее почти на 10 000 человек. 14 января 1797 года произошла ужасная битва при Риволи. Вначале некоторые французские полки дрогнули под натиском австрийцев, Массена вышел из себя настолько, что ударил нескольких офицеров плашмя своей саблей. В то время как судьба дня все еще висела на волоске, была подтянута дивизия его войск, и противник оказался в очень решительном бою. Но как французы ни старались свергнуть беломундирников, им это не удалось. В конце концов положение стало настолько отчаянным, что Наполеон прибегнул к военной хитрости, которая одна спасла его армию от катастрофы. Он был практически окружен империалистами, когда, притворившись, что из резиденции правительства только что прибыли важные депеши со ссылкой на предлагаемые переговоры между конфликтующими сторонами, Наполеон послал флаг перемирия генералу Альвинци. Пока Жюно разговаривал с австрийским командующим, Наполеон незаметно перегруппировал свои силы. Совещание, как и предполагал Наполеон, закончилось безрезультатно, и вскоре сражающиеся снова вступили в бой. День закончился триумфом французов.

Многое еще предстоит сделать. Под командованием Наполеона многие усталые солдаты были вынуждены двинуться в сторону Мантуи, в направлении которой Провера спешил снять осаду. Проницательный взгляд сержанта, который был занят домашним занятием - рубкой дров в Форт-Джордже, спас эту французскую крепость ранним утром 15 января 1797 года. Полк вражеских гусар, одетый немного по-французски, ввел гарнизон форта Джордж в заблуждение, заставив его поверить, что они друзья, пришедшие к ним на помощь. Ветеран поднял тревогу

еще до того, как австрийские гусары смогли беспрепятственно проникнуть в город, подъемный мост был поднят, и враг сдерживался, пока приближалось подкрепление. На следующий день Наполеон приблизился к Мантуе и при Ла Фаворите ввел австрийцев в сражение. Благодаря великолепной отваге Виктора, чьи достижения в Тулоне были замечены ранее, он вынудил Проверу и около 6000 человек сложить оружие. Это было одно из самых блестящих достижений во всей этой ужасной кампании и достойное завершение осады Мантуи, которая капитулировала 2 февраля. В течение многих долгих дней полк, которым командовал Виктор, был известен как “Грозный”, и это название он вполне заслужил.

Наполеон, которому помогали Жубер и Массена, быстро шел по пятам за остатками разбитой армии и не давал ей покоя. Папа Пий VI, сделав себя неугодным, разжигая междоусобицу, главнокомандующий повернул к Флоренции, готовясь к походу на Рим. Последнее, однако, стало ненужным, поскольку 19 февраля 1797 года в Толентино был подписан унижительный мир, по условиям которого папа был вынужден выплатить 30 000 000 франков и уступить значительную часть территории и различные ценные произведения искусства. Более того, французы получили определенные военные и морские преимущества.

Борьба с Австрией продолжала занимать французов, империалисты теперь находились под командованием эрцгерцога Карла, брата императора. Оказавшись в неловком положении, Наполеон согласился на приостановку военных действий, и 18 апреля 1797 года в Леобене были подписаны предварительные условия мира, подготовительные к Кампо-Формийскому мирному договору 17 октября. Доктор Дж. Холланд Роуз так резюмирует условия последнего: “Австрия уступила Французской Республике свои бельгийские провинции. Из некогда обширных венецианских владений Франция получила Ионические острова, в то время как Австрия приобрела Истрию, Далмацию, районы в устье реки Каттаро, город Венецию и материковую часть Венеции вплоть до озера Гарда, Адидже и нижней части реки По. Габсбурги признали независимость ныне расширенной Цизальпинской республики.... Император уступил лишенному собственности герцогу Моденскому территорию Брайсгау к востоку от Рейна”.

Так успешно сыграв роли завоевателя и дипломата, Наполеон отправился в Раштатт. Можно было бы вообразить, что это путешествие было триумфальным шествием императора. Приветствуемый горожанами и подбадриваемый крестьянами на ходу, выраженный энтузиазм вполне мог бы вскружить ему голову, если бы Наполеон не усвоил свои уроки в суровой школе опыта. Бурьен заметил по поводу проявленного восхищения, что, должно быть, приятно, когда тебя так приветствуют. “Бах!” Наполеон с отвращением ответил: “Та же самая бездумная толпа, при незначительном изменении обстоятельств, с такой же готовностью последовала бы за мной на эшафот”. Правление террора и его близость с молодым Робеспьером были слишком недавними, чтобы их мораль была забыта. Из Раштатта он отправился в Париж.

К счастью, современник, видевший Наполеона в это время, записал свои наблюдения на бумаге. “Я с глубоким интересом и чрезвычайным вниманием наблюдал за этим выдающимся человеком,” пишет он, “который совершил такие великие подвиги и в котором есть что-то, что, по-видимому, указывает на то, что его карьера еще не закончена. Я нашел его очень похожим на свои портреты: маленького роста, худощавый, бледный, с усталым видом, но не страдающий, как уже сообщалось, плохим здоровьем. Мне показалось, что он слушал скорее рассеянно, чем с интересом, как будто был занят скорее тем, о чем думал, чем тем, что ему говорили. В его лице читается большой интеллект, наряду с выражением привычной медитации, которое ничего не

выдает из того, что происходит внутри. В этой думающей голове, в этом смелом уме невозможно не предположить, что зарождаются некие замыслы, которые окажут свое влияние на судьбы Европы”.

Великолепный прием, оказанный Наполеону Директорией в Люксембурге 10 декабря 1797 года, превзошел все остальные. Мадам де Сталь, остроумная женщина, которую Наполеон ненавидел из-за ее вмешательства в политику, рассказывает нам, что “прибыл Бонапарт, одетый очень просто, за ним следовали его адъютанты, все выше его ростом, но почти согнувшиеся от уважения, которое они ему оказывали. Господин де Талейран, представляя Бонапарта Директории, назвал его ‘Освободителем Италии и Умиротворителем Континента’. Он заверил их, что ‘генерал Бонапарт ненавидел роскошь и великолепие, жалкие амбиции вульгарных душ, и особенно он любил поэмы Оссиана, потому что они отрывают нас от земли’. ” Наполеон, обладавший острым чувством драматизма, очень хорошо знал, что чем попроще он оденется по такому случаю, тем заметнее будет выделяться в такой великолепной толпе. Одна фраза из его короткой, но выразительной речи заслуживает внимания: “С мира, который вы только что заключили, ” начинается эпоха представительных правительств”. В определенном смысле это было правдой, несмотря на то, что его собственному деспотизму было суждено пережить свое время.

Теперь Наполеону было поручено командование так называемой армией Англии, правительство которой наивно надеялось водрузить свои знамена на берегах Темзы. Генерал вскоре развеял это заблуждение. Еще не пришло время для его грандиозных приготовлений к покорению “вероломного Альбиона”. Очарование Востока манило его. “Вся великая слава исходит оттуда”, - сказал он Бурьену. Экспедиция в Египет и восстановление французского господства в Индии были ему больше по душе в данный момент и предлагали больше возможностей для усиления славы. Не замедлив заметить знамения времени и зная, что Директора ревниво относятся к его репутации, Наполеон почувствовал, что отсутствие во Франции могло бы возыметь желаемый эффект, показав, насколько он полезен Республике.

ГЛАВА X

Экспедиция в Египет (1798)

Нет более романтического этапа в карьере Наполеона, чем его экспедиция в солнечную страну фараонов. Он сам сказал нам, что “Миром правит воображение”, и хотя по натуре он был практичным человеком, который неизменно разрабатывал свои планы почти до мельчайших деталей, когда это было практически осуществимо, его пылкий южный темперамент с готовностью откликнулся на сияние и очарование Востока. Там творилась история, там истории предстояло свершиться. Он видел огромные возможности на дремлющем Востоке, возможно, пробуждение к потрясающей деятельности под властью военного диктатора с либеральными идеями. Он мог бы возродить Азию, как он возродил некоторые умирающие государства изношенной Европы. Вкратце его целью было завоевать Египет, вытеснить британцев из Индии, где их правление отнюдь не было прочным, и по возвращении сокрушить власть султана.

Казалось, все благоприятствовало ему в разработке механизма этого грандиозного проекта. Ученые Франции с жадностью взялись за эту схему, и ученые сотрудники Института, в который он был принят вместо Карно, предоставили ему возможность воспользоваться результатами своих исследований.

Идея экспедиции не была внезапным вдохновением, возникшим под влиянием момента. Еще 10 августа 1797 года, когда дела в Италии были далеки от урегулирования, Наполеон упомянул об этом в Директории, а месяц спустя сопроводил это пространное письмо. Теперь он обдумывал это, читал книги о путешествиях, изучал карты, расспрашивал людей, обладающих точными знаниями, размышлял над этим в уединении кабинета и мысленно взвешивал шансы на успех и неудачу. Чаша весов склонилась в его пользу, и Наполеон решил соперничать с деяниями Александра.

Вскоре в Тулоне, Генуе, Аяччо и Чивита-Веккья быстрыми темпами шли обширные приготовления. Было крайне необходимо, чтобы Великобритания, которая все еще находилась в состоянии войны с Францией и господствовала на море с тех пор, как флот Тюдоров сокрушил гигантскую мощь Испании, была введена в заблуждение относительно назначения флотов. В качестве уловки так называемая армия Англии торжественно проводила парады, марши и контрмарши. Те, кто не был посвящен в тайну, думали, что солдаты ждали сигнала отправиться в Англию, но со временем стало очевидно, что наступательные операции против англичан не планировались, и некоторые из самых боеспособных батальонов постепенно были призваны в недавно сформированную армию Египта. Все делалось с максимально возможной секретностью и оперативностью; заседания Директории, на которых обсуждался проект, проходили при закрытых дверях. Примечательно, что расходы в значительной степени покрывались за счет грабежей и принудительных взносов многострадальных швейцарцев.

В Тулоне был снаряжен великолепный флот, и когда все конвои в различных уже упомянутых портах были сосредоточены, он достиг в общей сложности тринадцати линейных кораблей, четырнадцати фрегатов, семидесяти двух корветов и почти четырехсот судов поменьше, в основном торговых. Даже при таком огромном вооружении существовала перенаселенность, поскольку требовалось найти помещения не менее чем для 35 000 военнослужащих. Кроме того, там было более ста членов Комиссии искусств и наук, все они были щедро снабжены инструментами и книгами, которые могли бы пригодиться в борьбе с невежеством и интеллектуальным завоеванием Востока. Командующим адмиралом был Брюи, который выдерживал битвы и ветер в течение многих долгих лет, генералы были отборными бойцами Французской армии, отважными защитниками Республики и надежными сторонниками верховного командования Наполеона; Клебер, Десо, Бертье, Мюрат, Мену, Ланн, Андреосси, и это лишь некоторые из наиболее выдающихся.

С самого начала экспедиции сопутствовала удача, и было сочтено добрым предзнаменованием то, что разведывательная эскадра Нельсона была вынуждена отступить из-за шторма и направиться в Сардинию, а утро отплытия было солнечным и безоблачным. Судьба, несомненно, была на стороне французов! К добру или ко злу, армада покинула Тулон 19 мая 1798 года, забрав суда, стоявшие в других портах, по мере продвижения на восток. Наполеон в сопровождении ученых отплыл на *"Ориенте"*, считавшемся лучшим трехпалубным судном на плаву. Мальта была первым объектом завоевания или, скорее, агрессии. Рыцари Святого Иоанна, которым принадлежал остров, сдались спокойно и без сопротивления. Нашелся Иуда,

готовый продать некогда великий Орден, который сражался с неверными и турками в Святой Земле еще до того, как Наполеон ступил на берег. Разместив гарнизон на острове, спланировав невероятное количество реформ в течение недели и пополнив свою казну, Наполеон отдал приказ поднять якоря. Монотонное плавание продолжалось; монотонное потому, что жажда завоеваний текла по венам как командира, так и солдат, и им не терпелось вступить в бой, если только это не были действия против Нельсона, которых следовало избегать любой ценой.

Наполеон не был хорошим моряком и большую часть времени проводил в своей каюте за чтением, одним из произведений в его походной библиотеке были “Путешествия Кука”. Иногда он обсуждал морские дела с Брюи или трудноразрешимые темы с кем-нибудь из ученых. В одну прекрасную ночь на палубе он указал на звезды и сказал: “Вы можете говорить сколько угодно, джентльмены, но кто все это сделал?” Он не терял времени даром, пользовался любой возможностью пополнить свои и без того обширные знания Востока и был так же энергичен умственно, как спортсмен физически.

1 июля показался песчаный берег Александрии, и вечером началась высадка. Это была долгая и изнурительная задача - вытащить лошадей из трюмов и высадить тяжелую артиллерию, фурунги с боеприпасами, припасы и тысячу и одно препятствие ведения войны, но к следующему утру задача была выполнена. Наполеон уже призывал своих солдат к умеренности, призывая их уважать мусульманскую религию и тех, кто ее представляет, а также национальные обычаи. Завоевание, которое они собирались предпринять, должно было “оказать неисчислимоe влияние на торговлю и цивилизацию мира”. Захватив город после короткого боя, в котором мусульмане вели себя с традиционной отвагой, Наполеон обратился к народу с воззванием о том, что он пришел восстановить их права и религию и наказать узурпаторов, а именно мамлюков. Он говорил резкие вещи о диких ордах, которые держали страну в страхе, угрожая ужасными последствиями тем, кто присоединится к их мародерствующим силам против французов. “Для них не будет надежды, они погибнут!”

Он вдохнул новую жизнь в сонные гражданские институты Александрии, отдал приказы о ремонте ветхих укреплений и возведении новых батарей, а также о строительстве заводов и школ. Менее чем через неделю он был готов выступить в направлении Каира, оставив 3000 человек в Александрии под командованием Клебера, который был ранен в предварительной схватке с мамлюками.

Марш-бросок по шестидесяти милям раскаленного песка был лишь началом трудностей, которые предстояло пережить этим испытанным солдатам удачи на земле, где не было ни воды, ни молока с медом. Это больше походило на мерзость запустения. Измученные, со стертими ногами, подавленные, солдаты и офицеры с завистью сравнивали бесплодные пустыни Египта с плодородными равнинами Ломбардии. Жребий был брошен; ничего не оставалось, как следовать за лидером, который часто шел во главе колонн, с веселой стойкостью переносил одни и те же неудобства. Нападения банд мамлюков иногда отвлекали внимание и редели ряды. Облако пыли вдалеке заставляло армию переходить к обороне. Вскоре появлялись маленькие точки, которые в конечном итоге превращались в лошадей и всадников. Короткая, острая схватка, и снова дикие воины летели по песку на своих быстрых арабских скакунах. Войска вскоре привыкли к этому виду ведения войны и научились встречать ее, выстраиваясь в каре, которое местная кавалерия, каким бы стремительным ни был ее натиск, не могла пробить. Когда армия достигла берегов Нила, весь облик страны изменился, и солдаты обрели новое мужество.

Наконец сквозь дымку забрезжили минареты Каира. Город мог похвастаться многотысячным населением, и их надсмотрщики были готовы дорого продать свои жизни за его защиту. Возле пирамид, этих памятников древнего величия, армия остановилась. “Солдаты!” - Воскликнул Наполеон, - “С этих вершин сорок веков созерцают ваши действия”. Более содержательной фразы придумать невозможно; она подействовала на солдат как стимулятор. Это была трудная работа, поскольку город был укреплен и защищался артиллерией, мушкетерами и кавалерией под командованием Мурад-бея, одного из вождей мамлюков.

Флотилия с припасами уже встречалась с французами ранее, так что о нехватке боеприпасов не могло быть и речи, но противник, вероятно, насчитывавший 18 000 человек, выглядел так, как будто они будут храбро сражаться. Они не скрывали своего появления. Мамелюки атаковали плотные ряды с поразительным безрассудством, но были отброшены. Вскоре Наполеон отдал приказ, его войска ринулись вперед, и француз и араб сошлись в смертельной схватке в окопах. Те из врагов, кому удалось спастись бегством, сделали это, другие были скошены при попытке к бегству. Некоторые испустили дух на гонимом ветром песке, другие погибли во взбаламученных водах Нила. Так закончилась битва при пирамидах. С наступлением темноты египетский лагерь представлял собой зрелище, совершенно отличное от того, каким он был утром. Солдаты обыскивали едва остывшие тела тех, кто пал при разгроме, обыскивая лагерь в поисках добычи, драгоценностей, серебряных и золотых украшений. Никогда еще не было такой богатой добычи. Наполеон, ныне хозяин Каира, устроил свою штаб-квартиру во дворце, который ранее занимал побежденный Мурад. Как и на Мальте, Наполеон сразу же приступил к осуществлению своего плана реформ, только в обязательно большем масштабе. Был учрежден всеобщий конгресс для правительства страны. Был основан научный институт, главной целью которого был сбор фактов и цифр, которые могут быть полезны для развития Египта. Были представлены многие незаменимые принадлежности современной цивилизации, от ветряных мельниц до печатных станков. Романтические фантазии становились реальностью, когда Наполеон услышал о невосполнимой потере своего флота, новость, которая обрушилась на него с почти ошеломляющей силой. Задумайтесь на мгновение, что означала эта катастрофа. Флот был его единственным средством связи с Францией. Брюэйс явно пренебрег приказом своего капитана либо войти в Александрийскую гавань, либо вернуться на Корфу, и тем самым предоставил Нельсону возможность, которую он так долго искал и которая снова и снова ускользала от него. Некоторое оправдание Брейсу дает его плохое самочувствие, и несомненно, что он обнаружил, что контролировать свои непокорные команды практически невозможно. 1 августа 1798 года маленький одноглазый и однорукий британский моряк не только разгромил французский флот, значительно превосходящий его по силе, но и нанес сокрушительный удар по превосходству Республики в Египте, хотя в полной мере последствия можно было ощутить не сразу. Французам, сражавшимся с заметной храбростью, помогали батареи, которые они возвели на берегу, в то время как британцам оставалось полагаться только на свое морское вооружение. За короткое время пять французских кораблей были выведены из строя; когда сражение закончилось, но два военных корабля Наполеона и два фрегата остались, чтобы совершить побег. Великолепный *"Ориент"* загорелся, и “при ярком свете этого пожара”, “ рассказывает нам Саути в своей “Жизни Нельсона”, - “теперь можно было разглядеть положение двух флотов, цвета обоих были ясно различимы. Около десяти часов корабль взорвался, причем толчок ощущался до самого днища каждого судна. Многие офицеры и матросы прыгнули за борт, одни цеплялись за рангоуты и обломки кораблекрушений, которыми было усеяно море, другие плыли, спасаясь от разрушения, которого они на мгновение испугались. Некоторых подобрала

наши лодки; а некоторых, даже в пылу и ярости боя, британские моряки затащили в нижние порты ближайшего британского судна. Большая часть экипажа, однако, до последнего сопротивлялась опасности и продолжала вести огонь с нижней палубы. За этим оглушительным взрывом последовала не менее ужасная тишина. Стрельба немедленно прекратилась с обеих сторон; и первым звуком, нарушившим тишину, был грохот обломков мачт и рей корабля, падающих в воду с огромной высоты, на которую они были взорваны.... Около семидесяти человек из *экипажа* "Ориента" были спасены английскими лодками. Среди многих сотен погибших были коммодор Каса-Бьянка и его сын, храбрый мальчик, которому было всего десять лет. Их видели плавающими на обломке мачты, когда взорвался корабль”.

Брюэйс заплатил за свою беспечность жизнью, а его победоносный противник был тяжело ранен. Французский адмирал сражался с великолепной отвагой, и его предсмертные слова: “Сражайтесь до последнего!”, произнесенные им на шканцах, когда он испытывал самую мучительную агонию, являются подходящей параллелью словам Нельсона, когда он был повержен. “Я займу свою очередь вместе с моими храбрыми товарищами”, - сказал он, когда хирурги подошли, чтобы заняться его ранами. Они оба были достойными сынами своих стран, и если боги отказали Брюйсу в гении, которым они так щедро наградили Нельсона, то он доказал, что до мозга костей мужчина.

ГЛАВА XI

Из Каира во Фрежюс (1798-1799)

Наполеон был не из тех людей, которые встречают неприятности на полпути и спокойно принимают то, что некоторые могут счесть неизбежным. Он определенно верил или делал вид, что верит, в свою звезду, которая была всего лишь другим словом, обозначающим Судьбу, с упорством, достойным астролога. В начале своей карьеры это не помешало ему принять все возможные меры предосторожности, чтобы его судьба не была решена из-за недостатка энергии или предусмотрительности с его стороны. Такая политика ни в коем случае не является парадоксом, каким может показаться. Солдат должен вытащить меч из ножен, если он хочет принести пользу; вера должна подкрепляться делами. Поэтому, хотя генерал осознавал серьезность своего положения в Египте, он был не менее полон решимости сражаться до конца.

Поскольку Мурад-бей все еще находился на свободе, Дезэ был отправлен с отрядом в Верхний Египет, где, как было известно, он находился, а Наполеон отправился в Суэц, чтобы воочию убедиться, осуществимо ли прокладка канала. Пока он был занят этой мирной оккупацией, Европа, воодушевленная победой Нельсона, готовилась оказать ему сопротивление на поле боя. Англия, Россия и Турция были полны решимости свергнуть французское влияние в Египте. На Родосе 20 000 турок были готовы отплыть к месту боевых действий, в Сирии собралась вторая армия, чтобы помочь другой, в то время как третья армия готовилась в Индии высадиться на берегах Красного моря и напасть на французов у них в тылу. Действительно, существовала вероятность, что Наполеон может оказаться зажатым между верхним и нижним жерновом.

С искусством азиата Мурад бей, побежденный, но не сокрушенный, все еще строил заговоры и планировал избавить Египет от ее завоевателей. По его наущению Каир восстал, но был преподан суровым уроком Наполеоном; с другими заговорами расправлялись таким же суровым образом. Вскоре поступило ошеломляющее известие о том, что авангард сирийской армии не только вышел на поле боя, но и фактически захватил Эль-Ариш. Одним из тех стремительных движений, которые неразрывно связаны с его военной наукой, Наполеон выступил с 10 000 солдат в пятидневный марш через коварную пустыню, солнце палило прямо на людей, обжигая их лица, обжигая ноги и иссушая языки. Наконец унылый марш подошел к концу, и в полночь французы обстреляли Эль-Ариш и захватили город. Но усталым войскам не суждено было отдохнуть; они возобновили свой марш в Газу, где была разбита еще одна дивизия турецкой армии. 4 марта 1799 года была взята Яффа. Последовавшая за этим резня была скорее резней, чем сражением, и турки были вынуждены в беспорядке отступить перед железным градом, который опустошил их ряды.

После этого сражения Наполеон приказал расстрелять многих пленных. Война никогда не была детской забавой, и следует помнить, что Наполеон не мог позволить, чтобы забота о пленниках мешала его армии. В то же время трудно смягчить этот акт, хотя некоторые жертвы уже попадали в плен раньше и нарушили свое обещание больше не воевать.

Следующим пунктом французской военной программы было взятие Акко, где была собрана сильная армия. Туркам повезло, что им оказал помощь такой способный офицер, как коммодор сэр Сидни Смит, который командовал небольшим флотом, с которым он захватил французскую флотилию, перевозившую большое количество орудий и боеприпасов для Наполеона из Дамьетты. Задача по захвату Акко вскоре стала казаться такой же сложной, как задача при Мантуе в прошлой кампании. Французскому генералу также пришлось сражаться с невидимым врагом во время эпидемии чумы, которая вспыхнула в армии и привела к серьезной смертности. В довершение всего было получено известие о приближении примерно 30 000 турок и мамлюков. Клебер с авангардом в 3000 человек был выдвинут вперед в направлении противника, за ним последовал Наполеон с таким же количеством. Две тысячи человек были оставлены в Акко, чтобы поддерживать осаду, насколько это было возможно. “Судьба Востока зависит от захвата Акко”, - сказал он Буррьену. “Это ключ к Константинополю или к Индии”. Он рассчитывал, что сможет поднять и вооружить все население Сирии после падения города. “Мои вооруженные массы проникнут в Константинополь, и мусульманское владычество будет свергнуто. Я основаю на Востоке новую и могущественную империю, которая укрепит мое положение в глазах потомков”. Тщеславная мечта, но, возможно, не такая тщеславная и пустая, как может предположить случайный читатель.

16 апреля Клебер столкнулся с противником у горы Табор и, несмотря на численное превосходство, несколько часов держался против турецкого войска. Наполеон и его войска прибыли на место происшествия ни минутой раньше; еще полчаса, по всей вероятности, решили бы вопрос в пользу турок. Новые отряды помогли остановить волну, но мусульмане продолжали свои отважные атаки на французские площади. Никогда еще безупречное мужество Мюрата не проявлялось с большей пользой. Очевидно, отбросив благоразумие, он бросился со своими войсками в ряды противника, невзирая на последствия. Возможно, это было безрассудно, но, безусловно, драматично и склонило чашу весов в пользу французов. Итогом битвы при горе Фавор стало скорее уничтожение, чем победа.

К 19-му Наполеон вернулся к своей работе в Акко. Три французских фрегата доставили ему шесть пушек крупного калибра и разведданные о быстро приближающемся турецком флоте, два судна из которых им посчастливилось захватить.

Теперь обе стороны испробовали почти все мыслимые способы прекращения осады, и местность была буквально утыкана минами. Когда показался авангард турецкого флота, Наполеон понял, что если ему суждено одержать победу, то это должно произойти сейчас или никогда. Располагая дополнительными силами, как морскими, так и военными, противник превосходил бы его численностью в угрожающей пропорции, в то время как его собственные ряды сокращались ежечасно. В атаку были брошены три колонны; одна была отброшена, другие захватили башню, занимавшую важное стратегическое положение. На следующий день стало очевидно, что без помощи защитники будут вынуждены сдаться. Сэр Сидни Смит высадил отряд моряков и морской пехоты, а затем к нему присоединилось подкрепление с турецких кораблей. Хитрая уловка побудила французов сделать ложный шаг, который привел их в дворцовый сад, где они были буквально скошены. В течение десяти дней после этого Наполеон боролся с неизбежным, а затем, в ночь на 20 мая, он начал свое первое отступление к Каиру через Яффу и Эль-Ариш, на расстояние около 300 миль, по пути подвергаясь многочисленным острым стычкам с противником.

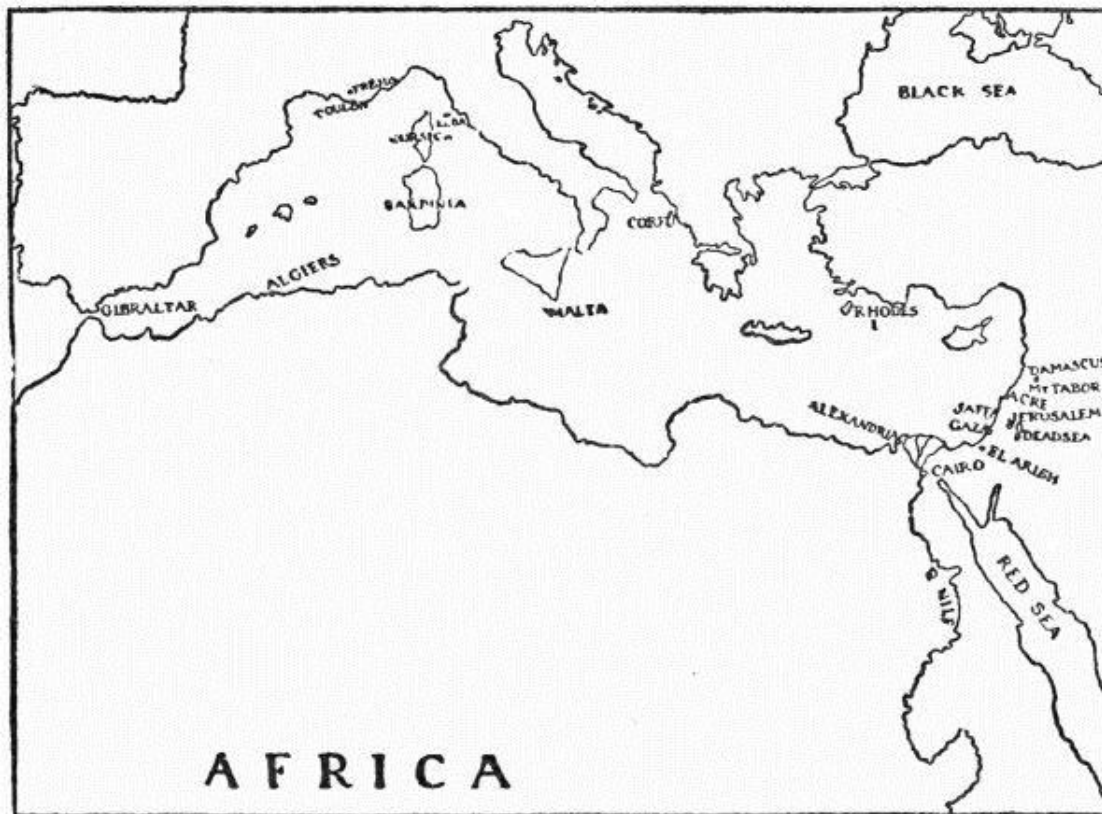
После победы над Мурад-беем и восстановления какого-то порядка в Верхнем Египте Наполеон считал необходимым приказать Дезэ эвакуировать провинцию, поскольку немедленная концентрация войск стала обязательной из-за подхода еще одного турецкого флота к Александрии и высадки 10 000 турок в Абукире. В течение нескольких часов в Александрии произошли два сражения, и многие из врагов были буквально сброшены в море, но это было на волосок от поражения, и Наполеон был близок к тому, чтобы проиграть второе сражение. Из 10 000 мусульман, высадившихся, чтобы уничтожить французов и восстановить турецкое владычество в Египте, осталось только 2000 пленных, которые могли рассказать эту историю. Это было одно из самых замечательных достижений Наполеона в этой стране.

Договариваясь об обмене пленными, сэр Сидней Смит воспользовался возможностью, чтобы отправить французскому командующему небольшую пачку газет, содержащих жизненно важные новости. Он читал о поражениях Франции, о появлении огромных армий Второй коалиции против Республики, об отчаянии и недовольстве в официальных и общественных кругах. Действительно, Директория зашла так далеко, что вела переговоры о возвращении Наполеона, настолько неразрешимой была неразбериха, в которую они попали, но генерал узнал об этом только позже. Он определился с политикой, которая обсуждалась историками время от времени на протяжении более столетия; он хотел вернуться во Францию. Современные философы хотели бы заставить нас поверить, что его решение было “совершенно оправданным по политическим соображениям”, но многие французы в то время думали иначе. Им это казалось вопиющей несправедливостью по отношению к армии, которой он командовал. “Бонапарт бежал из Египта, как он бежал из России и от Ватерлоо”, - говорит барон де Френильи. “Генерал не бежит — он отступает. Но Бонапарт всегда был баловнем Судьбы, и каждый раз, когда она бросала его, он убегал, как солдат, оставляя остальных выпутываться из затруднительного положения, как только они могли. Итак, этот человек ночью выбрался из Египта, проскользнул между английскими фрегатами и проник в Париж. Там ему пришлось нагнуться и взять то, что он хотел. Франция — после восьмилетнего перехода от анархии

революционеров к анархии политических комедиантов — жаждала деспотизма одного человека”.

В иронии барона много правды. Для Наполеона Восток утратил большую часть своего очарования; его политический горизонт снова был ограничен западом исключительно потому, что он видел в этом главный шанс. На более поздних этапах его карьеры его мысли часто возвращались к востоку, и временами притягательность становилась почти непреодолимой, настолько полностью это очарование околдовало его. Однако на какое-то время она утратила свою силу.

В ночь на 22 августа 1799 года Наполеон покинул негостеприимную землю фараонов, чтобы никогда не возвращаться. Со стороны войск раздавались недовольные возгласы и дезертирство, которые туманные обещания помощи из Франции мало что компенсировали. Клебер остался командовать. На борту двух фрегатов, единственных, имевшихся в распоряжении Наполеона, он нашел жилье для многих лучших офицеров, включая Ланна, Бертье, Мюрата, Мармона и Дюрока - полезных людей, которых можно было иметь в любое время. Немногие корабли когда-либо имели более выдающийся список пассажиров. Может быть, Бог и на стороне самых больших батальонов, как сказал Наполеон, но, несомненно, Провидение было на стороне маленького отряда, отправившегося в столь рискованное путешествие той тихой летней ночью. Предприятие было сопряжено с опасностями, поскольку было замечено много британских кораблей, но, еще раз взглянув на свой любимый Аяччо, где его встретили со всеми знаками уважения и восхищения, Наполеон благополучно высадился в Сен-Рафаэле, недалеко от Фрежюса, 9 октября 1799 года, после почти пятнадцатимесячного отсутствия во Франции. Он не достиг всего, что намеревался сделать, но он значительно повысил свой военный престиж, и это было все в том положении, в котором *теперь находилась "Прекрасная Франция"*.

Африка

ГЛАВА XII

Как Наполеон захватил бразды правления (1799)

“Мы на всех парусах возвращались в пучину Ужаса, без малейшего проблеска утешения или надежды. Слава нашего оружия была запятнана, наши завоевания утрачены, нашей территории угрожало вторжение..... Все усилия, предпринятые честными государственными деятелями для обеспечения законного осуществления своих прав, были подавлены насилием. Казалось, нам ничего не оставалось, как вернуться к кровавой анархии, продолжительность которой было так же невозможно предвидеть, как и найти какое-либо средство правовой защиты”.

Так пишет герцог де Бройль об этом периоде, и его картина не слишком мрачна для реальности. Попытка установить Конституционную республику провалилась; директора доказали свою неспособность удержать бразды правления или остановить катастрофу, которая, по мнению почти всех, неизбежно должна была наступить. Только один солнечный луч озарил горизонт обанкротившейся нации, а именно известие о высадке Наполеона. С точки зрения широкой публики это стоило больше, чем победа Массены в Цюрихе над австрийцами и русскими в предыдущем месяце, которая одна спасла несчастную страну от вторжения.

Очевидно, что Республике нужен был сильный человек во главе государства, и в Наполеоне она вскоре признала своего повелителя. Он прибыл в Париж 16 октября 1799 года, и, как и по случаю его возвращения из Италии, его ждал пир. Он снова проявил ту же молчаливость и кажущееся отсутствие интереса. Возможно, смягчиться означало бы разоблачить самого себя; за надменным поведением часто скрывается трепещущее сердце. Он жил тихо, надевая скромную одежду Национального института, и, казалось, получал больше удовольствия от общества философов, чем от политиков. На самом деле он ждал поворота событий, взвешивая свои шансы захватить бразды правления и тщательно обдумывая возможную политику Моро и Бернадотта, генералов-соперников, разделявших с ним симпатии общественности. Любая из двух великих партий в правительстве, умеренные и демократы, первые под руководством директора Сийеса, вторые под руководством директора Барраса, были бы рады, если бы Наполеон связал свою судьбу с ними; действительно, народный энтузиазм был настолько велик, что его слава, отраженная в его брате Люсьене, привела к избранию последнего президентом Пятисот. Без излишней поспешности Наполеон принял решение в пользу менее агрессивной и полумонархической политики, представленной Сийесом и поддерживаемой большинством древних. Вдвоем они решили свергнуть Директорию, их непосредственными сообщниками были Люсьен Бонапарт, Талейран и Редерер. Позже заговорщики получили поддержку многих ведущих генералов, включая Ланна, Лефевра, Мюрата, Бертье и Мармона, а также многих влиятельных законодателей.

Тем временем сообщники из Совета старейшин умело поработали и убедили своих коллег принять решение перенести заседания двух законодательных органов из слишком доступного Тюильри в менее посещаемый Сен-Клу, якобы из-за якобинского заговора, на самом деле, чтобы парижская чернь не вмешивалась, поскольку надеялись, что грядущий *государственный переворот*, или “государственный переворот государства”, пройдет с как можно меньшими беспорядками. Ренье де ла Мерт, пользовавшийся доверием генерала, предложил призвать Наполеона проследить за исполнением указов о смещении, что было должным образом выполнено, и, таким образом, под его командование было передано большое количество войск для этой цели, что было именно тем, что ему требовалось для полного успеха заговора. Прибыв в Тюильри 18 Брюмера (9 ноября), Наполеон обратился к собравшимся древним с короткой лестной речью, заверив их, что они представляют собой собранную мудрость нации, и предложив поддержку своих генералов и себя самого. Когда Совет Пятисот услышал указ, по которому их перевели в Сен-Клу, там разыгрались дикие сцены, которые, как они вскоре обнаружили, не могли служить никакой полезной цели. Военные под командованием Ланна, Мюрата, Мюро, Серрюрье и других были настроены так, чтобы быть готовыми к любой чрезвычайной ситуации как внутри здания, так и за его пределами, и никакие доводы не могли заставить Наполеона отказаться от своей цели. Если директора фактически не были свергнуты, их практически вынудили уйти в отставку; Гойе и Мулен, оказавшие сопротивление, были арестованы.

Вступление Наполеона в должность первого консула, 25 декабря 1799 г.

Л. Кудер

С разрешения Braun, Clément & Co., Дорнах (Эльзас)

На следующий день Наполеон предстал перед старейшинами в Сен-Клу и произнес короткую речь, затем проследовал в помещение, известное как Оранжерея, в котором заседали Пятьсот человек. Само здание было окружено войсками, и в сопровождении охраны он вошел внутрь, при этом солдаты оставались в пределах досягаемости на случай, если потребуются их присутствие. Немедленно с разных концов зала раздались крики: “Долой тирана! Нет Кромвелю! Долой диктатора! Объявите его вне закона!” Были предприняты попытки насильственного захвата генерала, который был удален в полуобморочном состоянии двумя гренадерами, действовавшими по приказу его сторонника Лефевра. Люсьен Бонапарт пытался сделать так, чтобы его услышали, но безуспешно; царил полнейший беспорядок. Генерал Ожеро попытался поставить вопрос о признании вне закона на голосование, после чего первый отказался от должности президента, сбросил официальную мантию, покинул здание и присоединился к своему брату. Он обратился к войскам с зажигательной речью, заявив, что большинство членов Совета Пятисот “порабощено фракцией, вооруженной кинжалами, которая осаждает трибуну и запрещает всякую свободу обсуждения. Генерал, и вы, солдаты, и вы, граждане, вы больше не можете признавать законодателями никого, кроме тех, кто меня окружает. Пусть силой изгонят тех, кто остался в Оранжерее; они не представители народа, а представители кинжала” и так далее. “Солдаты,” воскликнул Наполеон, “могу ли я положиться на вас?” Последовало некоторое колебание, и Люсьен поклялся вонзить шпагу в грудь своего брата, если тот покусится на свободу Франции. Это вывело войска из состояния апатии, и они сразу же связали свою судьбу с Наполеоном. Были примкнуты штыки и отдан приказ идти в

оранжерею. Немало политиков в тревоге выпрыгнули из окон. Затем Люсьен сообщил Древним, что их коллеги—политики использовали кинжалы — вероятно, плод его воображения, - и Совет Пятисот распался. Примерно за час до полуночи небольшая группа законодателей, вставших на сторону Наполеона, приняла декрет, упраздняющий Директорию, приостанавливающий заседания Советов на три месяца и назначающий Наполеона, Сийеса и Дюко временными консулами.

“18 Брюмера, - снова цитирую герцога де Бройля, - стало спасением Франции, а четыре года, последовавшие за ним, были чередой триумфов, как над нашими внешними врагами, так и над принципами катастрофы и анархии внутри страны. Эти четыре года, вместе с десятью годами правления Генриха IV, являются самым благородным периодом французской истории”.

“Маленький капрал” одержал победу. Отныне и до своего падения он должен был править Францией.

ГЛАВА XIII

Переход через Альпы (1799-1801)

Следует признать, что Наполеон ознаменовал этот этап своей карьеры мерами, которые сулили исключительно хорошие результаты в будущем. Он показал бархатную перчатку, но было очевидно, что он, и только он, был управляющей силой во Франции. В республике царил хаос; его первой задачей было распутать запутанный клубок. Под заботливым присмотром Годена, впоследствии герцога Гаэты, при поддержке энергии Наполеона была обеспечена некоторая стабильность бизнеса. Требования религии были признаны и восстановлены; ужасный закон о заложниках, который возлагал предполагаемые грехи отцов на головы их детей и возлагал на последних ответственность за действия первых, был отменен; таким выдающимся изгнанникам, как Лафайет и Латур-Мобур, было разрешено вернуться. Гражданская война была почти, если не полностью, подавлена введением жестких мер, и несколько наиболее непривлекательных лидеров были расстреляны.

При Бертье, который стал военным министром, армия была быстро обновлена. Сийес разработал новую конституцию, надо сказать, не слишком практичную. Очевидно, это было сделано для того, чтобы максимально ограничить власть Наполеона, поскольку фактические бразды правления находились в руках двух его коллег. Сийес рассчитывал на своего хозяина, который не был готов играть вторую скрипку при ком бы то ни было, и вскоре Наполеон взял все в свои руки. В конце концов, правительство, согласно Конституции VIII года, республиканский календарь был установлен следующим образом: после консулов и министров существовал Государственный совет, состоящий не более чем из сорока членов, все из которых назначались Первым консулом. Они были разделены на пять разделов — Законодательство, Внутренние дела, Война, Морская пехота и колонии, Финансы. Консулы или семь их государственных министров представляли все предложенные законопроекты на рассмотрение секции, к которой они принадлежали, которая докладывала о них Совету в целом. Если они считались

достойными, они передавались Трибунату, который обсуждал их, и Законодательному корпусу, который принимал или отклонял их, Совет выполнял те из них, которые были приняты. Затем был Консервативный сенат, члены которого занимали свои должности пожизненно. Они обсуждали и решали, являются ли акты или законы, представленные им правительством или трибуналом, конституционными или нет. Должен был быть сформирован список национальной известности, из которого Консервативный сенат должен был выбрать консулов, членов трибунала и Законодательного корпуса, а также различных других должностных лиц.

Суверенитет народа был обречен; его власть была строго ограничена. Что касается собственных целей Наполеона в то время, возможно, сэр Вальтер Скотт недалек от истины, когда предполагает, что “его мотивами были смесь патриотизма и желания саморазвития”.

Вскоре Сийес и Дюко подали в отставку. Их места заняли Камбасерес, юрист, бывший членом Конвента, и Лебрен, симпатизировавший роялистам, — люди, в высшей степени подходящие для должностей Второго и Третьего консулов соответственно. Ни один из них не был ни слишком умен, ни слишком туп, чтобы пользоваться строго ограниченной властью, которой они пользовались, оба были умеренны в своих взглядах и обладали изрядным запасом здравого смысла. Из других людей, которых Наполеон привязал к себе и своим стремительно увеличивающимся перспективам, нам нужно упомянуть только Талейрана, который сочетал мудрость змеи с ее коварством и был восстановлен на посту министра иностранных дел, и Фуше, обладавшего еще более спокойной совестью, который стал министром полиции - ведомства, с которым он также был знаком ранее.

Наполеон, теперь официально именовавшийся первым консулом и получавший жалованье в полмиллиона франков в год, быстро перебрался в великолепный дворец Тюильри, где у него был Двор, достойный правящего монарха. Процесс выравнивания революции уступил место соблюдению формальных правил и самым величественным церемониям. Наполеон был монархом во всем, кроме названия, которое должно было наступить.

Вот и все о внутренних делах; перспективы за границей были не столь радужными. Вторая коалиция была сформирована Россией, Австрией, Англией, Турцией, Неаполем и Португалией против Франции во время отсутствия Наполеона в Египте, и Республика все еще находилась в состоянии войны с Великобританией и Австрией. Чтобы создать впечатление, что он был искренен в своем стремлении к миру, Наполеон написал личные письма главам воюющих государств. Крайне маловероятно, что он имел в виду то, что сказал. Ни средства, с помощью которых он добился власти, ни его предыдущая карьера не были рассчитаны на то, чтобы вселить уверенность в его искренности. Из этих попыток ничего практического не вышло. Австрия и Россия победили таких испытанных генералов, как Шерер, Моро, Макдональд и Жубер, и поскольку “ничто так не преуспевает, как успех”, император Франциск был необычайно оптимистичен. В Северной Италии только Генуя оставалась за французами, и хотя республиканцы одержали блестящие победы в Голландии и Швейцарии, Австрия была полна решимости довести войну до самых дверей Франции. Чтобы прояснить последующие операции, передвижения различных армий будут описаны отдельно.

Французская армия Италии на Ривьере и в Генуе, находившаяся в самом плачевном состоянии, находилась под командованием Массены, а их противниками командовал Мелас, фактическая боевая мощь которого более чем вдвое превышала численность республиканцев. Империалистам удалось разделить французскую армию, в результате чего Суше оказался

отрезанным от основных сил, но он защищался с заметной энергией. Массена отступил к Генуе, британцы под командованием лорда Кейта препятствовали выходу и проникновению войск с моря, австрийцы осаждали город. Французский генерал продержался до 4 июня, когда союзники разрешили ему эвакуироваться.

Рейнская республиканская армия под командованием Моро была распределена между Страсбургом и Констанцей, а также имела меньшую численность, чем австрийские войска под командованием Крея, общая численность которых достигала 150 000 человек, что примерно на 40 000 больше, чем у французов. Империалисты имели также дополнительное преимущество, заняв великолепную стратегическую позицию в Донауэшингене. Моро переправился через Рейн, провел несколько победоносных сражений и помешал врагу поддерживать связь с Меласом. Наполеон хотел, чтобы он нанес решающий удар при Донауэшингене, но более осторожный Моро, не обладавший военным гением первого консула, считал столь решительную операцию чрезвычайно опасной и подвергающей его войска уничтожению. Однако ему удалось выманить австрийского генерала с его командного поста, и последующие действия Крея были настолько катастрофическими, что он был вынужден укрыться в Ульме, городе, настолько сильно укрепленном, что стал почти неприступным.

Было много ожесточенных боев, прежде чем город капитулировал. Впоследствии был взят Мюнхен, и казалось, что ничто не может остановить продвижение Моро, кроме как недостаток веры в себя, ибо даже храбрый солдат не всегда осознает свою собственную силу. Парсдорфское перемирие, подписанное 15 июля 1800 года, на короткий период приостановило военные действия в Германии.

Тем временем Наполеон с резервной армией численностью от 40 000 до 50 000 человек решил перейти Альпы и совершить такой маневр, чтобы "белые мундиры" оказались между войсками Массены и его собственными. Кроме того, он был полон решимости, чтобы Австрия отказалась от того, что он, несомненно, считал ее завоеваниями, добытыми нечестным путем, а именно от тех частей Италии, которые французы потеряли. Это был смелый план, поскольку хребты действительно были "горами труднопроходимости". Соблюдалась величайшая секретность: в Дижоне был собран корпус для обмана противника, войска, предназначенные для экспедиции, были незаметно сосредоточены в Женеве и Лозанне. Это был глубоко продуманный сюжет, и сработал он на удивление хорошо. В то время как Австрия высмеивала в карикатурах и печатных изданиях невзрачные войска, которые можно было увидеть бездельничающими или марширующими по улицам старой столицы Бургундии, Наполеон и Бертье, последний из которых был назначен главнокомандующим, работали весь день и часто далеко за полночь, совершенствуя приготовления к большому сюрпризу. Средства транспортировки одной только тяжелой артиллерии представляли значительные трудности, и это было лишь одной из многих трудностей, неизвестных в предыдущих кампаниях. В конце концов было решено, что пушку следует разместить в выдолбленных стволах деревьев, распиленных пополам на манер примитивных лодок. В походе их должны были тащить банды крестьян или солдат, поскольку вскоре выяснилось, что достаточного количества мулов не достать.

В мае 1800 года Наполеон находился в Женеве. После консультаций с инженерами было решено, что основная армия должна пересечь Ломбардию по Великому Сен-Бернару, а более мелкие подразделения двинуться по маршрутам Сен-Готард, Маунт-Сенис и Малый Сен-Бернар, чтобы лучше ввести противника в заблуждение. Старт был дан 15-го числа. Колонна за

колонной начали усталый путь по пустынным, занесенным снегом тропам, нащупывая путь по узким уступам над пропастями, снова и снова воодушевляясь видом Первого консула, который, закутанный в серое пальто и восседающий на муле, ведомом проводником, пересекал труднопроходимый маршрут Великого Сенбернара. Двадцать миль солдаты преодолели менее чем за неделю, и, учитывая коварный характер марша, или, скорее, схватки, очень немногие погибли.

Пост Бард на берегу Аосты в долине с тем же названием, где находился австрийский гарнизон, был безуспешно атакован авангардом под командованием Ланна. Это было самое серьезное сопротивление, с которым они когда-либо сталкивались, и пройти пришлось почти под прицелом пушек. Мармон придумал удачный прием, который оказался полностью успешным. Ночью улицы деревни были щедро усыпаны французскими солдатами соломой и другой жнивью. Затем колеса лафетов были тщательно прикрыты, чтобы не дребезжали, и проход был успешно пройден, хотя была поднята тревога и велась беспорядочная стрельба.

2 июня Наполеон, двигаясь с предельной быстротой, вступил в Милан. Неделю спустя, и почти в то же самое время, когда первый консул выводил свои войска из старого города для дальнейших наступательных операций, Ланн с авангардом одержал важную победу при Монтебелло. Характер сражения был таков, что французский генерал сказал, что он слышал, как в его дивизии ломаются кости, словно град, падающий на стеклянную крышу. Кремона, Пьяченца и другие места пали, но 14-го числа, в особенно неподходящее время, поскольку Наполеон счел необходимым разделить свои силы из-за своей неуверенности относительно точного местонахождения противника, Мелас и 31 000 австрийцев появились на равнине Бормида. Мастерство Ланна и Виктора оказалось бесполезным; подкрепления, которые привел Первый консул, не смогли поколебать решимости империалистов. Раненый австрийский командир, не предвидя дальнейшего сражения и радуясь своему успеху, покинул поле боя. В этом он совершил непоправимую ошибку. Дезэ, недавно вернувшийся из Египта, командовал 6000 человек в нескольких милях отсюда и, услышав глухой грохот пушек, поспешил на помощь Наполеону. Он прибыл ближе к вечеру и, как говорят, заверил Первого консула, что “битва проиграна, но еще есть время выиграть другую”.

Отступления со стороны французов быть не должно. К такому решению пришли после короткого военного совета. Были составлены новые диспозиции; Дезэ должен был остановить австрийские колонны, главные силы должны были обрушиться на фланг противника. Тьер рассказывает нам, что произошло во время второй битвы при Маренго.

Генерал Мармон внезапно снял маску с батареи из двенадцати орудий; густой град картечи обрушился на голову застигнутой врасплох австрийской колонны, не ожидавшей нового сопротивления, поскольку они полностью поверили, что французы решительно отступают. Он едва успел оправиться от этого внезапного потрясения, когда Десо разгромил Девятый полк легкой пехоты. ‘Пойди скажи первому консулу,’ сказал он своему адъютанту Савари, ‘что я иду в атаку и хочу, чтобы меня поддержала кавалерия’. Дезэ верхом на лошади возглавил эту полубригаду. Во главе ее он поднялся на пологую возвышенность, скрывавшую его от австрийцев, и внезапно открылся им ружейным залпом из своей передовой колонны, произведенным в упор. Австрийцы ответили на это, и Дезэ упал, пораженный пулей в грудь. “Скройте мою смерть, - сказал он генералу Буде, который был его начальником дивизии. - Это может обескуражить войска”.

Смерть генерала Десо

А. Ле Дрю

Фотонейрдеин

“Бесполезная предосторожность этого героя! Они видели, как он пал, и его солдаты, подобно солдатам Тюренна, с ужасающим криком настаивали на том, чтобы отомстить за своего предводителя. Девятый полк легкой пехоты, который в тот день заслужил звание ‘Несравненный’, название, которое он носил до конца нашей войны, открыв огонь, построился в колонну и обрушился на плотную массу австрийцев. При виде этого два первых полка, возглавлявших маршевую линию, захваченные врасплох, в беспорядке отступили ко второй линии и исчезли в ее рядах. Колонна гренадеров Латтермана тогда оказалась одна во главе и выдержала эту атаку, как войска, приученные к бою. Она выстояла стойко. Конфликт продолжался по обе стороны дороги; Девятую поддерживали справа сплоченные войска Виктора, слева - Тридцатая и Пятьдесят девятая сводные бригады дивизии Буде, которые следовали за движением. Гренадеры Латтермана с трудом защищались, как вдруг на них обрушился неожиданный шторм. Генерал Келлерман, который по просьбе Дезэ получил приказ атаковать, поскакал вперед и, миновав Ланна и Дезэ, разместил часть своих эскадронов, чтобы напасть на австрийскую кавалерию, которую он видел перед собой, затем с оставшимися силами атаковал фланг колонны гренадеров, уже атакованной спереди пехотой Будэ. Эта атака, выполненная в блестящем стиле, разделила колонну надвое. Драгуны Келлермана рубили австрийцев саблями направо и налево, пока, теснимые со всех сторон, несчастные гренадеры не сложили оружие. Две тысячи сдавшихся военнопленных. Возглавлявший их генерал Зак сам был вынужден сдаться”.

Бой продолжался, Келлерман атаковал снова и снова, в то время как Ланн и Сен-Сир показали, что они не утратили ни капли своей доблести. Австрийская кавалерия была отброшена Бессьером и Эженом Богарне. “Замешательство на мостах через Бормиду, - добавляет Тьер, - с каждой минутой становилось все более непоправимым. Пехота, кавалерия и артиллерия столпились в беспорядке, мосты не могли обеспечить проход для всей армии, поэтому в *массовом порядке*; множество людей бросилось в Бормиду с целью перейти ее вброд. Артиллерист попытался пересечь ее со своим орудием, и ему это удалось. Затем вся артиллерия последовала его примеру, но безуспешно, поскольку несколько лафетов прочно застряли в русле реки. Французы, теперь яростно преследующие противника, захватили людей, лошадей, ружья и багаж. Несчастный барон Мелас, который всего два часа назад оставил свою армию одерживать победу, прискакал, услышав об этом несчастье, и едва мог поверить в то, что увидел; он впал в отчаяние”.

“Передайте первому консулу, - выдохнул умирающий Дезэ, - что я сожалею о смерти только потому, что погиб, не успев сделать достаточно, чтобы жить в памяти потомков”. Однако его слава всегда будет отмечаться в связи с битвой при Маренго. “Славный день”, - сказал Наполеон. “Если бы только я мог обнять Дезэ на поле боя! Я бы сделал его военным министром и к тому же принцем, если бы это было в моей власти. Во время своего утомительного изгнания Наполеон также с любовью отзывался о павшем генерале, как и о Клебере, который погиб в тот же день в Египте от кинжала наемного убийцы.

“Из всех генералов, которыми я когда-либо командовал, - сказал павший император, “ Десо и Клебер обладали величайшим талантом — Десо в высшей степени, поскольку Клебер любил славу только как средство приобретения богатства и удовольствий. Десо любил славу саму по себе и презирал все остальные соображения. Для него богатство и удовольствия не имели никакой ценности, и он никогда ни на минуту не задумывался о них. Это был маленький, черноволосый человечек, примерно на дюйм ниже меня ростом, всегда плохо одетый, иногда даже в лохмотьях, и одинаково презиравший комфорт и уют. Завернувшись в плащ, Дезэ бросался под ружье и спал так спокойно, словно отдыхал во дворце. Роскошь не имела для него никакого очарования. Открытый и честный во всех своих действиях, арабы называли его ‘Султан Справедливый’. Природа предназначила ему роль непревзойденного полководца. Клебер и Десо были невосполнимой потерей для Франции”.

Мелас, сломленный духом и раненый, запросил перемирия. После значительных проволочек со стороны Венского двора и безжалостной решимости добиться своего в отношении Наполеона, военные действия были возобновлены в ноябре 1800 года.

Первый консул теперь вернулся в Париж, и интерес кампании сосредоточился вокруг армий, возглавляемых Моро и Брюном, сменившими Массену. Следует помнить, что первый согласился на перемирие в июле прошлого года, и когда меч снова был обнажен по причинам, кратко упомянутым в предыдущем абзаце, его противником был уже не Крэй, а эрцгерцог Иоанн, брат императора. Сначала эрцгерцог наслаждался временным триумфом, но Моро совершил страшную месть в битве при Гогенлиндене, произошедшей 2 декабря. Не менее 20 000 австрийцев были взяты в плен или оставлены мертвыми или ранеными на заснеженной равнине и в зарослях леса.

Поэт Кэмпбелл нарисовал яркую картину этой трагической сцены:

На Линдене, когда солнце стояло низко,
Бескровно лежал нетронутый снег;
И темным, как зима, был поток
Быстро катящейся воды.

Но Линден увидела другое зрелище,
Когда глубокой ночью забил барабан,
Приказывая кострам смерти осветить
темноту ее пейзажа.

При свете факелов и трубы, быстро выстроившись,
Каждый воин обнажил свой боевой клинок,
И каждый разъяренный боец заржал,
Присоединяясь к ужасному веселью.

Тогда сотрясли холмы раскаты грома;
Тогда помчался конь, ведомый в битву,
И громче, чем небесные молнии,
Далеко засверкала красная артиллерия.

Но еще краснее этот свет будет гореть
На холмах Линдена, покрытых пятнистым снегом;
И еще кровавее будет стремительный поток
Изера.

Уже утро, но едва ли вон то ровное солнце
Может пробиться сквозь тучи войны, клубящиеся бурым,
Где яростный Фрэнк и пламенный Гунн
Кричат под своим сернистым пологом.

Битва усиливается. Вперед, вы, храбрецы,
Которые спешат к славе или в могилу!
Маши, Мюнхен! Развеваются все твои знамена!
И атакуй со всем своим рыцарством!

Немногие, немногие расстанутся там, где встречаются многие!
Снег будет их покровом,
И каждый дерн под их ногами
Будет могилой солдата.

Моро не давал врагу времени оправиться от катастрофы и снова и снова вводил его в действие с самыми благоприятными результатами. Действительно, он был недалеко от самой Вены, когда согласился подписать перемирие в Штайере на Рождество 1800 года, условия которого были особенно выгодны для его собственной страны.

Макдональд поспешил на помощь Брюну. Он пересек Сплуген из Швейцарии в Италию, столкнувшись с колоссальными трудностями, гораздо большими, чем те, когда Наполеон переходил Альпы. Проход был проделан зимой, снег бил в лица солдатам, некоторые из которых были сметены лавиной и уничтожены. В конце концов соединение было достигнуто, Брюн храбро пробился к Макдональду, преодолевая сопротивление империалистов всякий раз, когда у него была такая возможность. Обнаружив, что он не может добиться прогресса, австрийский командующий Бельгард предложил перемирие, и Тревизское перемирие было подписано 16 января 1801 года.

Мир, можно сказать, “мир любой ценой”, был обеспечен подписанием Люневильского мирного договора 9 февраля 1801 года, которым Франция значительно усилила свое величие, а Наполеон - свою славу как в Республике, так и за ее пределами. Однако иностранное восхищение гением Первого консула было смешано с отвращением к строгому характеру его требований. Бельгия и левый берег Рейна снова стали французской территорией; были признаны Батавская (голландская), гельветическая (швейцарская), Лигурийская и Цизальпийская республики, а в Тоскане и других местах произошли различные изменения. Река Адидже стала границей Австрии с Италией, и она сохранила за собой Венецию.

Следует кратко упомянуть о союзе, организованном царем и Первым консулом, который почти наверняка имел бы далеко идущие результаты, если бы не убийство первого и британская морская победа у Копенгагена, в которой Нельсон сыграл столь заметную роль. Александр I, сменивший своего отца, отказался играть на руку Наполеону, и дружеские отношения между его двором и двором Сент-Джеймса были определенно восстановлены Санкт-Петербургским мирным договором от 17 июня 1801 года. Морская конфедерация была распущена, примеру царя последовали Швеция и Дания.

Первый консул очень остро переживал смерть Павла, но скорее с политической, чем дружеской точки зрения. “Действуя заодно с царем, - сказал он Бурьену, - я был уверен, что нанесу смертельный удар английской власти в Индии. Дворцовый переворот перечеркнул все мои планы”. Можно себе представить, насколько досада, вызванная полным отказом от такой схемы, усилилась из-за осознания того, что Великобритания продолжала удерживать господство на море.

ГЛАВА XIV

Благословения мира (1801-1803)

Теперь стало в высшей степени желательно, чтобы Наполеон уделил некоторое внимание внутренним делам Франции и стран, в которых она находится под властью. Он решил вложить

немного своей собственной неиссякаемой энергии в государственные департаменты и восстановить общественное доверие в целом. То, что необходимо было достичь какого-то взаимопонимания с Державами, которые не были у него под каблуком, было первоочередной необходимостью. Дела на Континенте отнюдь не были лишены возможности представлять опасность для Республики. Россия и Великобритания стали союзниками, чаша весов нейтральной до сих пор Пруссии могла в любой момент склониться в сторону последней, а Австрия так и не смирилась с потерей своих территорий.

Когда Англия выдвинула предложения о прекращении военных действий, которые продолжались с 1793 года, Наполеон усердно готовил флотилию для вторжения на этот остров, проекту которого он уделил немало внимания. Хотя он и не выдавал своего рвения, он определенно чувствовал, что не может быть большего благословения, чем период мира, который позволил бы ему провести различные реформы, а также укрепить свои собственные интересы. Переговоры, наконец, приняли определенную форму в результате заключения недолговечного Амьенского мирного договора. Британскому правительству под руководством Аддингтона не хватало гениальности и дальновидности Питта, следовательно, баланс прибыли от Договора был на стороне Франции. Египетский вопрос должен был быть решен путем возвращения этой страны султану; Мальта должна была быть возвращена рыцарям Святого Иоанна, ее бывшим владельцам; Великобритания должна была сохранить только Цейлон и Тринидад из своих колониальных завоеваний во время войны. Таковы были основные пункты Договора, предварительные условия которого были подписаны в Лондоне 1 октября 1801 года. Франция жила в мире со всем миром.

Наполеон, срок полномочий которого в качестве первого консула был продлен на десять лет (позже он был назначен пожизненным консулом), теперь направил все свои полномочия на внутреннее управление Францией. Не боясь ни Бога, ни людей лично, он рано понял, что религия имеет глубокое политическое значение. Франция пыталась искоренить христианство, но в результате ее усилий старые формы богослужения просто уступили место смутным спекуляциям и импровизациям. Христианская вера была восстановлена Конкордатом, "мирным договором с Римско-католической церковью", как выразился выдающийся современный ученый, первый консул подал хороший пример, посетив мессу в Соборе Парижской Богоматери. За этим последовало вступление в силу Гражданского кодекса, корректировка законов, включающая в себя самые тщательные исследования со стороны тех, кто разбирается в тонкостях юриспруденции.

Торговля получила новый импульс, были проведены общественные работы, и общественная жизнь возродилась. Уверенность англичан была настолько велика, что они снова начали совершать "большое турне" по континенту, которое тогда считалось необходимой частью образования представителей высших классов. Дневник Роберта Сима, клерка герба его Величества, дает нам интересное представление о Наполеоне того времени. Он пишет в своей необычной манере следующим образом: —

"В 'Квинце Термидора' (вторник, 3 августа 1802 г.) мы видели, как Бонапарт проводил смотр во Дворе Тюильри тем, кто, несомненно, был цветком его армии, поскольку они сильно отличались от тех, кого мы видели на дороге и в Кале. Мы никогда не видели более прекрасного отряда людей, чем эти, ни более прекрасных лошадей и доспехов, и все они были одеты и экипированы самым совершенным образом. Егерский корпус и, в частности, жандармерия были очень

хорошими людьми. Корпус проводников тоже, казалось, был полностью подобран. Этими последними командовал молодой Богарне, сын жены Бонапарта....

“Около двенадцати часов Бонапарт спустился по большой лестнице Тюильри, и один из наших спутников, случайно оказавшийся прямо напротив крыльца, сказал нам, что он садился на лошадь по деревянным ступенькам. Затем он выехал вперед в сопровождении примерно пятнадцати или двадцати генералов и мамелюка из Египта. Вся его свита была одета и напудрена самым эффектным образом, но сам Бонапарт был одет в простой зеленый сюртук с узкой белой тканевой окантовкой по швам, какие иногда носят слуги в этой стране, и треуголку без всяких кружев. Его волосы очень черные и подстрижены очень близко к голове и шее, так что уши полностью обнажены. Они спадают на лоб. У него смуглый цвет лица, удлиненное, с тонким носом, глаза очень темные, а брови сильно нависают над глазами. У него высокие скулы, а щеки проваливаются между костями лица и подбородком, что придает ему изможденный, чахоточный вид. Его верхняя губа выступает посередине рта, значительно превышая нижнюю, а подбородок острый и выступающий. На вид он не выше пяти футов шести дюймов и очень худой. Ему тридцать три года. Мне показалось, что на его лице отразилась тревога или, скорее, ужас. Он был верхом на прекрасном арабском сером коне, одном из самых совершенных животных, которых я когда-либо видел. Его седло, или, скорее, покров, на котором он сидел, был из пурпурного бархата, богато расшитого золотом, с множеством сеток и попоны.... По этому случаю Бонапарт почти полтора часа был верхом. За все это время он ни разу не разжал губ и не повернул головы ни вправо, ни влево. Он смотрел прямо поверх ушей своей лошади. Никто не заговаривал с ним, и никто не подбадривал его, ни когда он входил во Двор, ни когда уходил”.

Завоевания Республики в Италии, Голландии, Бельгии, на левом берегу Рейна и в Швейцарии возложили значительную ответственность на французов, и потребовалась реорганизация нескольких правительств. Они были обременены традициями, к которым Наполеон испытывал мало симпатии или вообще не испытывал ее. Что касается независимости, на которую жители имели все основания рассчитывать по условиям Люневильского мира, то первый консул был богат обещаниями и плох в исполнении. Умеренность была качеством, которого явно не хватало наполеоновской государственной мудрости. Сама мысль о национальном духе была кошмаром для человека, который теперь был настроен на построение огромной Империи Запада. Он полностью подчинил себе Северную Италию; Пьемонт, долгое время являвшийся футбольным центром Австрии и Франции, был присоединен к Республике, Парма и Пiacентия были оккупированы. Цизальпинская республика быстро превратилась в Итальянскую республику - громкое название, рассчитанное на то, чтобы понравиться, с Наполеоном в качестве президента и французской оккупационной армией. В определенных пределах юрисдикция Первого консула была полезной, даже несмотря на то, что он правил на деспотических принципах.

Голландии, ныне Батавской республике, он даровал конституцию, но многие из его мер были слишком произвольными для флегматичных голландцев; их жалобам, как воображаемым, так и реальным, не было конца. Вероятно, провинции на левом берегу Рейна, которые были включены в состав Франции, получили более длительные преимущества хотя бы потому, что в них меньше вмешивались. Дела на противоположном берегу реки привлекали больше внимания; в Германии было ради чего играть. С согласия царя Наполеон приступил к реорганизации различных немецких государств. Это он сделал к своему нынешнему удовлетворению,

Франциск II. громоздкой Священной Римской империи, частью которой были эти территории, безропотно соглашаясь, как и подобает монарху, у которого нет иного выбора, кроме как ухмыляться и переносить неизбежные несчастья. Более двухсот независимых государств, ранее принадлежавших епископам, настоятелям и мелким монархам, в конечном итоге были присоединены к своим более крупным соседям, идея которых заключалась в том, чтобы заручиться доброй волей и дружбой более важных правителей.

Со Швейцарией, нейтральным государством согласно Люневильскому мирному договору, но не признанной таковой Первым консулом, было сложнее договориться. После того, как несколько систем правления были опробованы и потерпели неудачу, Наполеон лично разработал Конституцию Мальмезона. Он заставил страну принять ее в мае 1801 года, но в следующем году в нее были внесены поправки. После вывода французской оккупационной армии среди патриотически настроенных швейцарцев вспыхнула гражданская война, однако Ней быстро подавил ее с помощью внушительных сил. Гельветийская республика была слишком важна с военной точки зрения, чтобы позволить разорвать оковы, связывавшие ее с Францией.

Можно было бы подумать, что европейские дела были достаточно утомительными, чтобы исключить колониальные проекты. Но, используя очевидный парадокс, у Наполеона никогда не было свободного времени больше, чем в те моменты, когда он был наиболее занят. Он получал удовольствие от смены работы, закрывая один ящик в своем сознании, чтобы открыть другой, используя его собственное сравнение. Досуга и непринужденности у него было немного; для времяпрепровождения ему хватало посещения театра, изредка охоты, часовой беседы с Жозефиной и дамами консульского двора, во время которой он рассказывал им самые жуткие истории о привидениях, и игры в карты, в которой он жульничал. Во время работы он делал зарядку, беспокойно расхаживая по кабинету и диктуя поток слов по гражданским, военным и военно-морским вопросам, или гулял в саду, обсуждая дела с государственным министром.

В этот период интеллект Наполеона и его способность к полной концентрации были на высоте, и характерно для его удивительной энергии то, что он мог найти время, чтобы посвятить его владениям Республики за границей. Он решил попытаться вернуть Сан-Доминго в Вест-Индии, которым тогда правил знаменитый негритянский президент Туссен Лувертьюр, герой одного из величайших сонетов Вордсворта: "Туссен, ты несчастнейший из людей". Франция практически утратила свое господство на этом важном острове Вест-Индии из-за восстания негров, и казалось вероятным, что Туссен провозгласит свою независимость.

Первый консул отправил 21 000 солдат под командованием генерала Леклерка, который женился на Полин, самой красивой из сестер Бонапарт, и чернокожие в конце концов были разбиты. Несколько месяцев спустя, когда желтая лихорадка свалила многих французских солдат, а Англия и Республика снова оказались в состоянии войны, за дело негров взялись британцы, в результате чего независимость Сан-Доминго была окончательно установлена. Только пятая часть экспедиционной армии вернулась во Францию.

В дневнике, который вел секретарь контр-адмирала сэра Джорджа Кокберна во время путешествия Наполеона на *"Нортумберленде"* к острову Святой Елены, записан разговор, в котором бывший император особо упоминал Вест-Индию. Он сказал, что "если бы он продолжал оставаться во главе французского правительства, он никогда бы не предпринял попытки повторной оккупации Сан-Доминго; что самое большее, что он установил бы в отношении этого острова, это оставление фрегатов и шлюпов вокруг него, чтобы заставить

чернокожих получать все, что они хотят, и экспортировать всю свою продукцию исключительно во Францию; поскольку, добавил он, он считает, что независимость чернокожих там, скорее всего, окажется пагубной для Англии, чем для Франции. ". Это последнее замечание является повторением его чувств по отношению к Англии, поскольку во всех подсчетах, которые он делает, доля зла, которое может выпасть на долю нашей нации, кажется, учитывается в его сознании в первую очередь ".

В первые дни 1803 года внимание первого консула было отвлечено событиями, происходящими ближе к дому, и у него не было иного выбора, кроме как отказаться от своих мечтаний о Колониальной империи. Если, как он впоследствии заявил, "дело Сан-Доминго" было "величайшей ошибкой во всем моем правительстве, которую я когда-либо совершал", он смог получить Луизиану от Испании в обмен на расширение территории в Италии, а также обезопасить Гвиану.

ГЛАВА XV

Рассвет империи (1803-1804)

Хотя ни одна из сторон строго не придерживалась условий Амьенского мира, агрессивная политика Наполеона была такова, что вызывала беспокойство других держав, а также Великобритании. Никто не знал, кто мог стать объектом его нежелательного внимания. Границы, казалось, внезапно утратили свое значение и полезность, договоры стали иметь меньшую ценность, чем пергамент, на котором они были написаны. Великобритания жаловалась на то, что, хотя Люневильский мирный договор гарантировал независимость Батавской республики, французские войска были размещены в пределах ее границ, а также в границах Швейцарии. Наполеон ответил, сказав, что Великобритания все еще удерживает Мальту. В конце концов, Англия объявила войну 18 мая 1803 года, и это должна была быть дуэль не на жизнь, а на смерть.

Наполеон, обычно такой бодрый, был застигнут врасплох. Он не ожидал столь быстрого решения со стороны администрации Аддингтона. Он отомстил совершенно бессмысленным и жестоким образом, приказав арестовать и заключить в тюрьму каждого британского подданного на территории Франции. Неудивительно, что английские газеты поносили Первого консула как корсиканского людоеда, что перья Гиллрея, Крукшенка, Вудворда и множества художников помельче карикатурировали на него почти до неузнаваемости; что поэты изливали брань второстепенными стихами и что Скотт и Вордсворт писали боевые кличи. Мало кто в Англии испытывал такую симпатию и восхищение правителем Франции, какие проявлял доктор Парр. "Сэр, - однажды заметил он, - я бы не считал, что выполнил свой долг, если бы ложился спать ночью, не помолившись за успех Наполеона Бонапарта".

Нанести смертельный удар в самое сердце Британской империи и разрушить ее торговлю на Континенте теперь стало главной целью честолюбивых замыслов Наполеона. Он пересечет Ла-Манш, двинется на Лондон, подчинит себе Соединенное Королевство и, пока ведутся приготовления к этому смелому шагу, закроет от нее порты Европы. "Они хотят заставить нас

перепрыгнуть канаву, и мы перепрыгнем ее”, - процитируем выражение, которое он употребил на аудиенции у послов 1 мая 1803 года. Французы радостно предвкушали триумф человека с таким смелым честолюбием; англичане с таким же рвением вооружались, чтобы защитить очаг и родину. Быстро возникла Территориальная армия, которой потомки вполне могут гордиться. В марте 1805 года не менее 810 000 военнослужащих - ополченцев, добровольцев и фехтовальщиков — были готовы бросить вызов Наполеону. Политик и трактирщик, пахарь и сквайр взялись за руки в общем деле, как будто не существовало классовой разницы. Георг III. объявил о своем намерении лично возглавить войска, если потребуется. Питт был исполняющим обязанности полковника полка, а Чарльз Джеймс Фокс стал скромным рядовым.

На песках в Булони

Автор: А. К. Гой, Р.А.

С разрешения Берлинской фотографической компании, Лондон, W.

К счастью, у Великобритании был военно-морской флот, в то время как Наполеону пришлось практически создавать его. Многие из его лучших кораблей стояли далеко в Вест-Индии, а голландский флот был невелик и не имел большого значения. Англия не теряла времени на морские приготовления: она была готова; Наполеон хотел выиграть каждую минуту, какую только мог. В то время как стук молота корабельного мастера разносился над побережьями Франции, белые паруса Старой Англии несли вахту, предотвращая любой вход или выход из ее гаваней. Самое важное командование - Средиземноморьем - было передано Нельсону. Корнуоллис дислоцировался у Бреста, большого западного арсенала Франции, в то время как Кит патрулировал Северное море и Дуврский пролив. Кроме того, в районе крейсировали различные эскадрильи меньшего размера, готовые к немедленным действиям.

Трехпалубные корабли были заложены во многих важнейших морских портах Франции, города соперничали друг с другом, предлагая правительству деньги на содержание военных кораблей. Более мелкие центры вносили свой вклад пропорционально своим средствам; военно-морские склады, артиллерия и боеприпасы также поставлялись за государственный счет. В Булони была

собрана флотилия небольших судов различных типов, некоторые из которых были оснащены артиллерией, другие - для перевозки лошадей. На берегах реки были построены гребные лодки для перевозки войск. Были куплены рыболовецкие суда, переоборудованные в миниатюрные военные корабли; на действия контрабандистов не обращали внимания при условии, что они приносили информацию об английском побережье, которая могла оказаться полезной. Если когда-либо человек был серьезен, то это, безусловно, был Наполеон во времена Большого террора. Он разбил обширный лагерь в Булони, выделил батальоны солдат для строительства гигантского бассейна для размещения части флотилии, а другие - для строительства фортов и обучения гребле. Он часто показывался, вдохновляя людей своими краткими фразами ободрения и консультируясь с адмиралом Брюйксом и другими, кто отвечал за подготовку, по самым незначительным деталям. Он испытывал пушки, совершал короткие плавания на различных типах судов и целыми днями жил в маленьком замке на вершине утеса.

На ранних этапах войны Наполеон думал, что можно будет переправлять свои войска на небольших судах, не используя собственно военно-морской флот. Он надеялся, что темной или туманной ночью удастся ускользнуть от бдительности британских крейсеров и высадиться на южном побережье Англии прежде, чем противник узнает о его намерении. Позже он осознал, что успешная переправа невозможна без защиты военных кораблей, и необходимость в этом значительно увеличила его многочисленные трудности.

Наполеон не довольствовался исключительно подготовкой к кампании в Англии. Он послал Мортье захватить Ганновер, наследственную территорию Георга III, захватить важные торговые города Бремен и Гамбург и перекрыть реки Эльба и Везер для британской торговли. В Италии порты Тарент и Ливорно, с которыми британские купцы вели значительную торговлю, также были заняты. Не удовлетворившись этими радикальными мерами, Наполеон издал указ, согласно которому любое судно, которое хотя бы зайдет в британский порт, может быть захвачено. По счастливой случайности большинство судов из Сан-Доминго в конце концов добрались до портов приписки, но несколько зашли в гавани Коруньи и Кадиса. Испания, к несчастью для себя, как выяснилось впоследствии, разрешила отправлять припасы на корабли, находящиеся в блокаде. Испания, действительно, помогала Франции другими способами, включая выплату ежегодной субсидии. Португалия также согласилась выделять 640 000 фунтов стерлингов в год.

Несмотря на то, что Наполеон был любим большинством нации, у него были враги. Было предпринято несколько попыток лишить его жизни. В одном из таких случаев он чудом избежал того, что его разорвала на куски адская машина на улице Сен-Никез, заговор которой продвигали роялисты Вандеи. Наполеон проявил свою мстительную натуру, воспользовавшись случаем преподать урок якобинцам, которые вообще не имели никакого отношения к этому делу, и сто тридцать невинных людей были приговорены к пожизненному заключению. Другим роялистским заговором был заговор Жоржа Кадудаль и Пишегрю. Эти люди пытались привлечь к ответственности Моро, но безуспешно. Знаменитый республиканский генерал, однако, был арестован вместе с главарями; Пишегрю был найден задушенным в тюрьме, Жорж Кадудаль был гильотинирован, а Моро сослан в Америку. Последний был совершенно невиновен, но он имел несчастье быть соперником Наполеона, и это было достаточным осуждением. Он завоевал свои шпоры в первые дни Революции, встав во главе батальона бретонских добровольцев, и пользовался популярностью в армии. Можно привести пример его безупречной честности, один из многих, делающих ему честь. Когда земельная собственность

аристократии была продана как принадлежащая нации, поместье, принадлежавшее г-ну д'Орсе, соседствующее с поместьем Моро, было продано генералу-республиканцу по абсурдно низкой цене. Новый владелец не только сообщил своему бывшему соседу о сделке, но и настоял на том, чтобы заплатить ему то, что он считал законной ценой.

Герцог Энгиенский, сын герцога Бурбонского, был еще более несчастлив, чем Моро. Ему также было предъявлено обвинение в соучастии в роялистском заговоре, и хотя против него не было представлено никаких доказательств, он был застрелен и похоронен в могиле, вырытой перед его судом так называемой специальной военной комиссией в Венсенской крепости. История о том, как отец молодого герцога узнал эту новость, вызывает жалость. Он был изгнанником в Лондоне, живя в то время в небольшой анфиладе комнат с одним камердинером. Поскольку однажды утром завтрак не подали в назначенный час, и никто не обратил внимания на его неоднократный звонок, он вошел на кухню и обнаружил, что его слуга скорбно склонился в поклоне. На столе лежала газета, в которой подробно описывалась страшная трагедия. В течение двух часов тяжело раненный родитель был охвачен мучительным горем в скромной маленькой комнате. Графиня де Буан, одна из многих французских эмигрантов, нашедших убежище в Англии, рассказывает об этом в своих занимательных "Мемуарах", добавляя, что это чрезмерное горе "сопровождалось приступами ярости и криками о мести".

"Это было единственное средство, которое у меня было, чтобы не оставить сомнений относительно моих намерений и разрушить надежды сторонников Бурбонов", - бессердечно писал Наполеон своему брату Жозефу. "Если бы то, что я сделал, все еще можно было сделать, - продолжает он, - я бы сделал это снова, и если бы у меня была благоприятная возможность, я бы избавился от всего остального". Едкое замечание Фуше: "это было хуже, чем преступление, это была грубая ошибка", - вошло в пословицу.

Заговор Кадудаль и Пишегрю был использован сенатом как предлог для отправки депутации к первому консулу, которому сказали, что, поскольку он основывает новую эру, он должен увековечить ее. "Мы не сомневаемся, что эта великая идея привлекла ваше внимание, " сказал Президент в ходе своего короткого и лестного обращения, - поскольку ваш творческий гений охватывает все и ничего не забывает. Но не откладывайте: вас подталкивают время, события, заговорщики и честолюбивые люди; и в другом направлении - тревога, которая волнует французский народ. В вашей власти сковать время, управлять событиями, презирать честолюбцев и успокоить всю Францию, дав ей институты, которые укрепят ваше здание и продолжат для наших детей то, что вы сделали для их отцов. Гражданин Первый консул, будьте уверены, что присутствующий здесь Сенат говорит с вами от имени всех граждан.

Этот вопрос был должным образом обсужден в трибунате, один Карно проголосовал против этого предложения, и указом сената Наполеон был провозглашен императором Франции 18 мая 1804 года. То, что заговор и "судебное убийство" предвещали столь важное событие, некоторые сочли дурным предзнаменованием. Несколько наиболее трезвых представителей нации начали перешептываться между собой о том, что Франция все больше и больше поглощается Наполеоном. Возможно, замечание, сделанное герцогом де Рагуз графине де Буань в 1814 году, не было бы неприменимым, если бы было произнесено десять лет назад. Герцог объяснял свою связь с императором. "Когда он говорил: *"Все для Франции"*, я служил с энтузиазмом; когда он говорил: *"Франция и я"*, я служил с рвением; когда он говорил: *"Я и Франция"*, я служил с

послушанием; но когда он говорил: "*Я без Франции*", я чувствовал необходимость расстаться с ним".

ГЛАВА XVI

Угроза вторжения в Англию и его продолжение (1804-1805)

Первая мысль Наполеона после того, как он стал императором, была об армии, которая, по правде говоря, была главной опорой его трона. Он слишком много повидал в жизни, чтобы поверить, что его великие полководцы жили исключительно для того, чтобы выполнять его волю, не считаясь с личными амбициями. Опыт научил его, что "мужчины любят игрушки и ими руководят". Он отметил этот факт, когда в 1802 году были высказаны возражения против учреждения ордена Почетного легиона, и не видел причин менять свое мнение. Теперь для него настал момент показать, что те, кто внес свой вклад в успех его замыслов относительно императорского трона, не должны быть забыты. Поэтому он возвел восемнадцать генералов в ранг маршалов империи, а именно Ожеро, Бернадотта, Бертье, Бессьера, Брюна, Даву, Журдана, Келлермана, Ланна, Лефевра, Массена, Монси, Мортье, Мюрата, Нея, Периньяна, Сульта и Серрюрье. Оказывая честь главнокомандующим армией, Наполеон не только льстил им и доставлял удовольствие войскам, которыми они командовали, но и сплел шелковую веревку, которая, как он надеялся, привяжет их к себе. Некоторые подвели его в злые дни 1814-1815 годов, но большинство были достойны отличия и его доверия.

Помимо семьи Бонапартов, было создано множество других высокопоставленных лиц, члены которых приняли титул императорского высочества, а их мать звали мадам Мама, что было так же просто и достойно, как и сама добрая душа. Был великий курфюрст, верховный канцлер империи, верховный канцлер государства и верховный констебль, и это лишь некоторые из многочисленных титулов, присваиваемых в то время.

Наполеон часто посещал Булонь, и в августе 1804 года огромный лагерь стал ареной грандиозного смотра, на котором кресты Почетного легиона были розданы тем, кто был удостоен этого желанного отличия. Был вызван самый бурный энтузиазм: древний трон Дагоберта, короля Франции одиннадцать веков назад, использовался императором, а помост, на котором он стоял, был весело украшен двумя сотнями флагов. К сожалению, катастрофа омрачила это событие. Флотилия новых лодок для планируемого вторжения должна была прибыть из Голландии и других стран в разгар процесса. Несколько из них врезались в часть новых портовых сооружений и были затоплены, что вывело Наполеона из себя. Удовольствие от ужина на открытом воздухе также было омрачено сильным дождем.

Вскоре начались приготовления к еще более впечатляющей церемонии. Это была коронация императора, которая состоялась в соборе Нотр-Дам в воскресенье, 2 декабря 1804 года, и папа Римский, сочтя благоразумным откликнуться на желание Наполеона, почтил богослужение своим присутствием. Поскольку император короновал и Жозефину, и его самого, Суверенному понтифику пришлось довольствоваться помазанием Наполеона и благословением меча и

скипетра. “Да здравствует Имперец!” прогремело по великолепно украшенному собору, загремели пушки, и вечером по всему Парижу вспыхнула иллюминация. Говорят, что когда Наполеон удалился в свои апартаменты по окончании дневных заседаний, он воскликнул тоном презрения, достойным Кромвеля по знаменитому поводу: “Прочь! Долой эти проклятые атрибуты!” Казалось, его речь всегда больше соответствовала лагерю, чем двору.

Наполеон вручает Орлов своей армии, 5 декабря 1804 г.

Л. Дэвид

Одним из первых действий Наполеона после его коронации было письмо Георгу III. по вопросу о мире, точно так же, как он делал, принимая бразды правления в качестве первого консула; это был его способ пустить пыль в глаза врагу. Война между Великобританией и Испанией разразилась в самый неподходящий момент, поскольку Питт, который снова пришел к власти, энергично вступил в переговоры с некоторыми из наиболее важных европейских держав о создании третьей коалиции против Франции. В апреле 1805 года Россия выразила свое согласие, а в августе за ней последовала Австрия. Великобритания согласилась пополнить военные запасы своих союзников и, кроме того, предоставить людей, оружие и корабли. Политическая шахматная доска снова была в активном употреблении, и со своей обычной проницательностью Наполеон сделал несколько ходов, прежде чем его противники поняли, что игра началась. 26 мая он стал королем Италии, возложив корону на свою голову в Миланском соборе и назначив сына Жозефины, Эжена Богарне, на важный и едва ли завидный пост вице-короля. В начале июня Лигурийская республика была объединена с Францией, за ней позже последовали Парма и Пьяченца; а Лукка и Пьомбино были образованы как княжества, сестра императора Элиза была признана наследственной принцессой. Наполеон “консолидировал свои интересы”, точно так же, как Питт следовал тому же принципу в несколько иных условиях. Эти агрессивные меры оказали крайне раздражающее влияние на Австрию. Но, хотя ее

гордость была серьезно поколеблена, она не спешила действовать. Армия была обременена традициями, и люди, которых укусили, были вдвойне застенчивы. Старая пословица “Лучше полбуханки, чем совсем без хлеба”, с их точки зрения, справедливо подытожила ситуацию. Но что, если бы полбуханки забрали? Эту сторону вопроса также следовало рассмотреть.

Судостроение по-прежнему продолжалось с неослабевающей энергией вдоль берегов Голландии и Северной Франции. Трехпалубные суда, сияющие свежей краской, сошли со стапелей и впервые окунулись в морскую воду. В Текселе, а также в Бресте, Рошфоре и Тулоне появились эскадрильи, но, подобно неоперившимся птицам в клетке, у них было мало возможности попробовать свои силы. Люди на плавучих бастионах Англии следили за этим, наблюдая за каждым движением. Когда различным блокирующим эскадрам приходилось покидать свои позиции, как это иногда случалось, фрегаты, “глаза флота”, как с удовольствием называл их Нельсон, обычно присутствовали, хотя он жаловался, что в его распоряжении слишком мало этих полезных судов.

Наполеон никогда до конца не понимал трудностей морской войны. Он был склонен думать, что морская эскадра может осуществить маневр с почти математической точностью полка. Приливы и отливы и ветер мало что значили для него; сэр Нил Кэмпбелл, уполномоченный на Эльбе от Великобритании во время недолгого правления Наполеона на этом острове, понял это и отметил в своем дневнике. И все же следует признать, что стратегия, которую император тайно разрабатывал для сосредоточения своих разрозненных флотов, была столь же умной, сколь и смелой. “Мокрый ров, пролегающий вокруг Англии”, не должен был быть пересечен флотилией в одиночку; он уже давно отказался от этого плана как от неосуществимого. Собственно военно-морскому флоту предстояло внести свой вклад в падение Соединенного Королевства. Маневрируя в направлениях, рассчитанных на то, чтобы ввести противника в заблуждение относительно его истинных замыслов, он надеялся собрать достаточное количество кораблей, чтобы контролировать Пролив, хотя бы на несколько дней. Это позволило бы ему проскользнуть через Границу со своей армией, хотя не совсем ясно, как он предполагал выбраться из Англии. Во Франции должны были быть оставлены достаточные военные силы на случай, если другие враги воспользуются столь благоприятной возможностью для перехода французских границ.

Общий план Наполеона менялся снова и снова по мере того, как диктовали обстоятельства, и дважды предпринималась попытка объединить военно-морские силы. Достаточно сказать, что Миссисси с эскадрой Рошфора ускользнул от английского флота и достиг Вест-Индии, где к нему должен был присоединиться Вильнев, его коллега в Тулоне, идея заключалась в том, что, пока британцы преследовали их, корабли в Бресте под командованием Гантома должны были высадить десант в Ирландии, а затем вернуться для конвоирования флотилии. Вильнев из-за неблагоприятных погодных условий был вынужден вернуться в порт, Гантеом оказался зажат Корнуоллисом, героем, по отношению к которому не было воздано полной справедливости, во многом потому, что в военно-морских анналах того времени Нельсон полностью доминирует. Даже последний был обманут, когда обнаружил, что Тулон пуст, и погнался за совершенно призрачным флотом в направлении Египта, что стало достаточным доказательством хитроумия неуловимого плана Наполеона.

В первые дни 1805 года император решил больше не откладывать. Тот, кто сказал, что “Бог на стороне самых больших батальонов”, вероятно, думал, что та же максима применима и к

флотам. Испанские военно-морские ресурсы теперь были в союзе с военно-морскими ресурсами Франции, что делало их численно более сильными, чем у противника, хотя им явно не хватало боевых качеств и мореходного мастерства. Вкратце, последняя отчаянная попытка Наполеона вторгнуться в Англию заключалась в следующем: Вильнев с тулонской эскадрой, присоединившись к ней в Кадисе, должен был направиться в Вест-Индию, где его встретит миссия. Гантеом, бежавший из Бреста, должен был зайти в Ферроль за стоявшими там судами и присоединиться к остальным, составив всего пятьдесят девять первоклассных кораблей, не считая фрегатов. Затем объединенные флоты должны были совершить рывок через Атлантику и появиться перед Булонью, где флотилия должна была быть готова к отплытию.

Вильнев выполнил свою часть задания, но Миссисси и Гантом потерпели неудачу, последний из-за того, что не смог прорвать британский кордон. Наполеон, чтобы не унывать, послал Вильневу приказ вернуться, изгнать британцев с их базы у Ферроля, захватить четырнадцать кораблей в этой гавани, повторить операцию у Бреста, где находилось двадцать одно судно, а затем направиться в Булонь. Нельсон бросился в погоню и был перехитрен, но, отправив быстроходный бриг в Плимут, чтобы сообщить властям о своем несчастье и приближении французского флота на обратном пути домой, они получили возможность приказать британским кораблям у Рошфора и Ферроля покинуть свои позиции и перехватить Вильнева. Это им удалось сделать под командованием адмирала Колдера, в ходе боевых действий были потеряны два испанских корабля. Однако из-за тумана и неуверенности со стороны Кальдера сражение было нерешительным, и француз достиг испанского форта Виго, а затем пробрался в Ферроль, где его ожидали четырнадцать линейных кораблей, общая численность которых теперь составляла двадцать девять человек. Тем временем пять французских кораблей, которые были зажаты в Рошфоре, воспользовавшись отсутствием британцев, вероятно, должны были присоединиться к ним, предоставив таким образом в распоряжение Вильнева тридцать четыре судна для броска в Брест. Он предпринял попытку и потерпел неудачу, не сообщив об этом командующему эскадрой Рошфора, который тщетно искал его, и отступил в Кадис, где к его эскадре присоединились шесть испанских кораблей.

Колдер и Коллингвуд “крепко сидели” за пределами гавани, одним глазом следя за противником, а другим выискивая признаки британских кораблей, которые, как они знали, вскоре будут рядом с ними. Нельсон, проведя короткое время в Англии, за день до своего сорок седьмого дня рождения появился в поле зрения у Кадиса и принял верховное командование. Офицеры толпой вошли в его каюту, чтобы поздравить его. “Прием, оказанный мне при поступлении на флот, - заявил он, - вызвал самое приятное ощущение в моей жизни”.

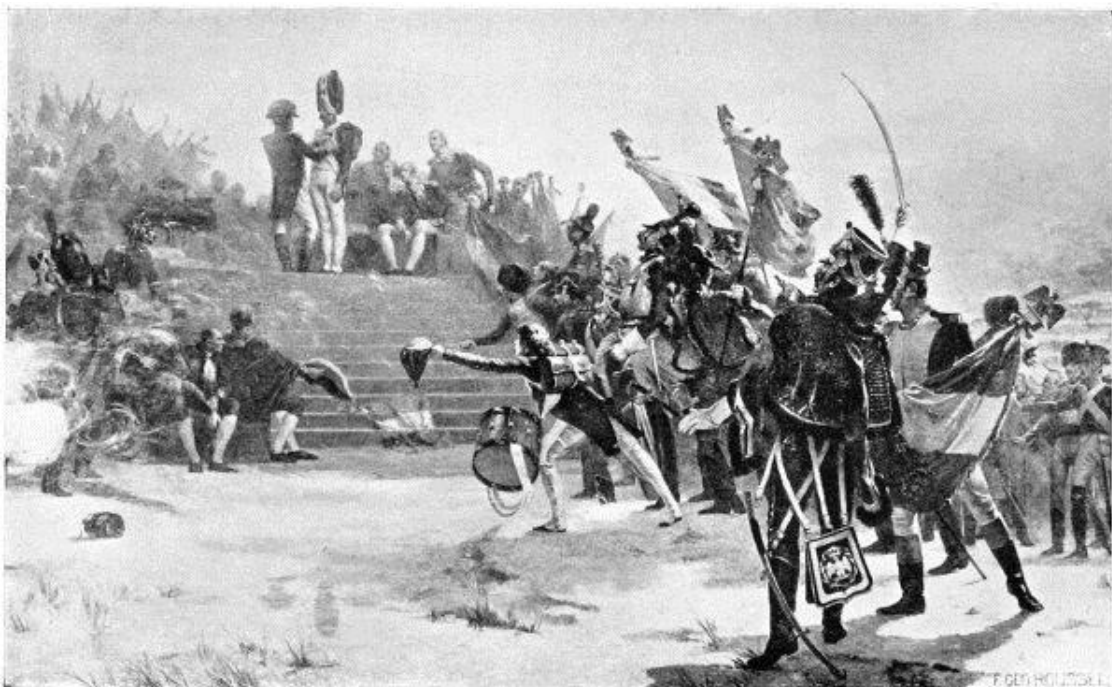
19 октября сигнал “Враг выходит из порта” прозвучал с вершушек мачт фрегатов, стоявших для наблюдения за происходящим в гавани. Тридцать три линейных корабля, пять фрегатов и два брига были выведены из строя на следующий день. Силы Нельсона состояли из двадцати семи военных кораблей, четырех фрегатов, шхуны и катера. Таким образом, у противника было преимущество в количестве шести первоклассных кораблей. В вооружении сражающиеся были почти равны, как и в храбрости и отваге, но французы сильно уступали в мореходстве и *общем моральном духе*. 21 октября 1805 года, когда произошла Трафальгарская битва, является знаменательным днем в истории Британской империи, а возможно, и всего мира. Эта история относится скорее к жизни Нельсона, чем Наполеона, и как таковая не может быть рассмотрена здесь. Спаслись только одиннадцать кораблей из тридцати трех, которые осмелились оспорить господство Англии на море. Конфликт в Трафальгарском заливе был морским Ватерлоо

Наполеона. Это стоило жизни величайшему флотоводцу современности, но закрепило превосходство его страны в том элементе, который она сделала особенно своим. На суше успех все еще оставался на стороне человека, чьи гигантские планы вторжения были полностью разрушены; на море это никогда не сопутствовало его усилиям.

ГЛАВА XVII

Война Третьей коалиции (1805-1806)

Быстрое принятие решений было такой же существенной чертой характера Наполеона, как и его политика наличия альтернативного плана, к которому можно было бы прибегнуть в случае провала первого и более важного плана. Типичный пример, в котором можно увидеть и то, и другое, дает исследование войны Третьей коалиции против союзных держав Австрии, России и Великобритании. Разочарованный провалом своих приготовлений к вторжению в Англию, но цепляющийся за свой любимый проект - унижение этой страны, император внезапно и, по-видимому, без особой предусмотрительности повел свои легионы в противоположном направлении. Англия осталась непобежденной, но он увидел шанс украсть поход на Австрию, ее верного друга.

Наполеон награждает своих солдат в Булони

Ф. Г. Руссель

Фотонейрдеин

26 августа 1805 года, через два дня после того, как курфюрст Баварский объявил о своем намерении связать свою судьбу с Францией, Английская армия, которой никогда не суждено было приблизиться к земле, название которой она носила, кроме как к своей штаб-квартире в Булони, и которая теперь известна как Великая армия, начала свой долгий марш от берегов Ла-Манша к берегам Дуная. Силы Наполеона вскоре достигли огромной численности в 200 000 человек, большинство из которых, закаленные долгим пребыванием у моря, были физически более приспособлены к трудной кампании, чем любая другая армия в Европе. Несмотря на недостатки в организации и легкомысленные методы некоторых ее офицеров, Великая армия была армией достижений. Она привела "орлов Франции" не к одной победе, а ко многим. Ни одно оружие со времен зарождения истории не избежало критики за свое несовершенство. Легко быть совершенным в обучении и все же потерпеть неудачу в полевых условиях.

Часто утверждалось, что вторжение в Англию было всего лишь уловкой, тогда как весомость доказательств на стороне другой стороны. Множество приказов, отданных Наполеоном, безрассудная трата денег на флотилию и расширение Булонской гавани, медаль, отчеканенная в ознаменование достижения, которому никогда не суждено было быть использованным, решимость, с которой он до последнего момента ждал появления своего флота, несомненно, являются достаточными доказательствами его искренности в этом вопросе. Более того, в своей первой кампании Великой армии пришлось грабить или умирать с голоду, потому что механизмы комиссариата были безнадежно неадекватны, а большая часть провизии была оставлена на побережье. Это само по себе показывает, с какой поспешностью был свернут лагерь и начат марш.

Армия была разделена на семь корпусов под командованием испытанных воинов Франции, а именно Ней, Ланна, Сульта, Даву, Бернадотта, Мармона и Ожеро. Мюрат был поставлен во главе кавалерии. С императором была великолепная императорская гвардия, гордость Наполеона и всей армии одновременно. Баварцев насчитывалось около 27 000 человек.

У империалистов было две основные силы. Один в Италии насчитывал почти 100 000 военнослужащих, находившихся под командованием эрцгерцога Карла; другой в Германии насчитывал 76 000 человек, и теоретически им командовал эрцгерцог Фердинанд. Поскольку последнему было девятнадцать лет, настоящая работа легла на генерала Мака, начальника штаба, хотя эрцгерцог был ответственен перед императором. К сожалению, Мак не был особенно популярен и, следовательно, получал лишь слабую поддержку от своих непосредственных подчиненных.

Австрийская служба была пропитана традициями и переполнена ничтожествами аристократического происхождения. Конечно, некоторые из самых умных офицеров изучили людей и методы всепобеждающей французской армии со времен последней кампании, но быстрые передвижения врага сразу же привели в замешательство и ввели в заблуждение медленно продвигавшиеся колонны империалистов. Аугсбург был быстро занят французами; под Вертингеном Ланн вырезал дивизию; а Ульм, штаб Мака, оказался настолько полностью во власти армии противника благодаря быстрой концентрации войск под командованием Ланна, Сульта и Мармона, что несчастный генерал быстро капитулировал. Его сделали козлом отпущения, отдали под трибунал, лишили звания и поместили в крепость на два года.

Все эти события произошли в течение одного месяца и были делом рук людей, которые были вынуждены обеспечивать себя большинством предметов первой необходимости. Плохая погода

добавляла им хлопот, марши совершались под проливным дождем, а ветер иногда был таким неистовым, что они не могли разжечь костер, у которого можно было высушить промокшую форму. Говорит современный офицер, информация которого не подлежит сомнению: —

“Чтобы окружить Ульм, необходимо было сконцентрироваться. Многочисленные колонны, дефилировавшие по одной и той же дороге, появились в одной и той же точке. 100 000 человек, утомленных долгими маршами, лишенных провизии, приходят, чтобы занять позицию, которая становится все более и более ограниченной. Теперь им больше не разрешается покидать свой пост, ибо тогда все предприятие провалилось бы. Какой критический момент! Ресурсы страны, занятой этой массой, расходуются за час.

Чтобы усилить сложность, небеса, кажется, растворяются. Сильный дождь, продолжающийся много дней, затопляет страну. Ручьи вышли из берегов. Дороги ужасны и во многих местах вообще исчезают. Армия марширует по грязи, а бивуаки - по воде; она готова погибнуть от нищеты и голода; по ней распространяются уныние и ропот. Что же нужно сделать? В начале каждой колонны зачитывается прокламация, восхваляющая, льстящая и ласкающая армию, восхваляющая ее стойкость, сообщающая, что враг окружен и что требуется еще всего несколько мгновений упорства. Таким образом, солдат заставляют молчать; но так как им нужен хлеб, то деятельные и умные офицеры рассылаются по всем соседним округам, чтобы добыть его угрозами, если просьбы не увенчаются успехом. Все подчиняется силе реквизиции, и в течение двадцати четырех часов хлеб закупается, а для его доставки используются лошади и повозки жителей.... Ульм окружен, капитулирует, и французская армия пожинает плоды своей выносливости и невероятной активности”.

Затем Наполеон обратил свое внимание на русских под командованием Кутузова, которые теперь вступили в бой от имени своих союзников, надеясь разрушить их надежды так же быстро, как он рассеял надежды австрийцев. Время имело первостепенное значение, поскольку вскоре противник ожидал значительного подкрепления. Поэтому без колебаний и угрызений совести часть французских войск под командованием Бернадотта была переброшена маршем через нейтральную территорию Пруссии. Конечно, это было неоправданно, но Наполеон не стал извиняться за то, что наступил на национальные мозоли. К середине ноября император был в Вене, и никто не оказывал ему сопротивления.

В Италии все было не так хорошо. Массена не смог одолеть австрийские войска под командованием эрцгерцога Карла при Кальдиеро, которые в полном порядке отступили к Лайбаху. Там они сосредоточились вместе с эрцгерцогом Иоанном, которого Ней и баварцы с большими потерями изгнали из Тироля. Потерпев неудачу в прекращении военных действий дипломатическими мерами и предвидя зимнюю кампанию, которая, по всей вероятности, окажется затяжной, Наполеон решил, как и во многих других случаях, подвергнуть все риску в попытке завершить сражение сокрушительной победой. Его силы были неизбежно широко разбросаны, но в наличии имелось 65 000 военнослужащих, в то время как у союзников было около 90 000. Утром 2 декабря 1805 года лучи солнца быстро рассеяли туман, окутавший плато Працен — “солнце Аустерлица”, как часто называл его император в последующих кампаниях.

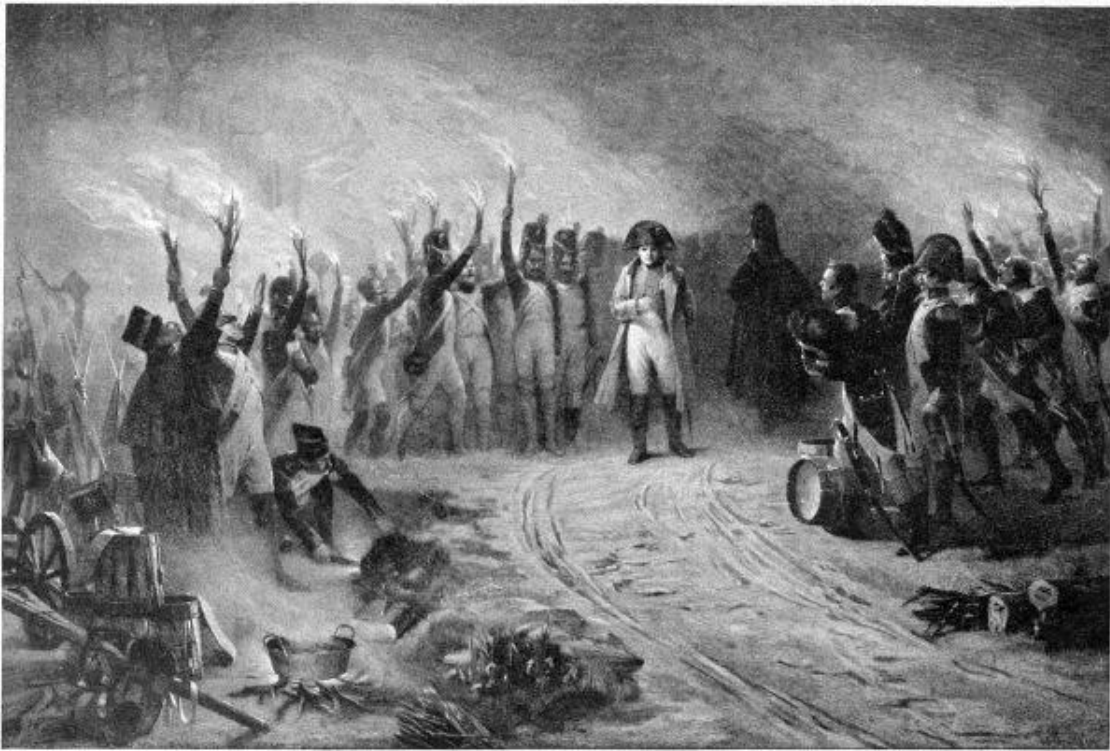
Рапп, опираясь на авторитет очевидца, так описывает “День годовщины”, как многие солдаты называли это сражение, потому что Наполеон был коронован всего за двенадцать месяцев до этого:

“Когда мы прибыли под Аустерлиц, русские, не зная об искусной диспозиции императора, направленной на то, чтобы привлечь их к земле, которую он наметил, и видя, что наши передовые отряды отступают перед их колоннами, они сочли одержанную победу. Согласно их представлениям, авангарда было бы достаточно, чтобы обеспечить легкую победу. Но битва началась — они поняли, что значит сражаться, и на каждом этапе были отбиты. В час дня победа все еще была сомнительной; ибо они сражались превосходно. Они решились на последнее усилие и направили большие массы войск против нашего центра. Императорская гвардия развернулась: артиллерия, кавалерия, пехота двинулись маршем к мосту, который атаковали русские, и это движение, скрытое от Наполеона неровностью местности, не было замечено нами. В этот момент я стоял рядом с ним, ожидая приказов. Мы услышали непрерывный ружейный огонь; русские отбивали атаку одной из наших бригад. Услышав этот звук, император приказал мне взять мамелюков, два эскадрона егерей, один из гвардейских гренадер и понаблюдать за положением вещей.

Я пустился во весь опор и, прежде чем приблизился на пушечный выстрел, осознал катастрофу. Русская кавалерия ворвалась в наши ряды и рубила наших людей саблями. Вдалеке виднелись скопления русской кавалерии и пехоты в резерве. В этот момент противник перешел в наступление; галопом прибыли четыре артиллерийских орудия и заняли позицию против нас. Слева от меня был храбрый Морланд, справа - генерал д'Алемань. ‘Мужайтесь, мои храбрые товарищи! - крикнул я своему отряду. - Смотрите, как убивают ваших братьев, ваших друзей; давайте отомстим за них, отомстим за наши знамена! Вперед!’ Эти несколько слов вдохновили моих солдат; мы на полной скорости бросились на артиллерию и захватили ее. Вражеская конница, ожидавшая нашей атаки, была опрокинута той же атакой и в замешательстве бежала галопом, как и мы, по развалинам наших собственных каре. Тем временем русские сплотились; но эскадрон конных гренадер шел к нам на помощь, и я мог тогда остановиться и дожждаться резервов русской гвардии.

Мы снова бросились в атаку, и эта атака была ужасной. Храбрый Морланд пал рядом со мной. Это была настоящая бойня. Мы сражались один на один и так смешались друг с другом, что пехота ни с той, ни с другой стороны не осмеливалась стрелять, опасаясь убить своих людей. Бесстрашие наших войск в конце концов привело нас к триумфу над всем сопротивлением: враг в беспорядке бежал на глазах у двух императоров Австрии и России, которые заняли свой пост на возвышенности, чтобы быть зрителями состязания. Они должны были быть довольны, потому что, уверяю вас, они не были свидетелями детской игры. Что касается меня лично ... Я никогда не проводил такого восхитительного дня. Император принял меня очень милостиво, когда я прибыл сообщить ему, что победа за нами; я все еще сжимал свою сломанную саблю, и так как царапина на моей голове очень сильно кровоточила, я был весь залит кровью. Он назначил меня дивизионным генералом. Русские больше не возобновляли атаку - с них было достаточно; мы захватили все, их пушки, их багаж, короче говоря, их все; и принц Рессина был среди пленных”.

Общие потери союзников достигли поразительной цифры в 26 000 человек, или почти в четыре раза меньше, чем потери победителей. История, рассказанная о Наполеоне, что, когда беглецы из разбитых армий пытались пересечь замерзшую поверхность озера Сатшан, он приказал артиллерии своей гвардии стрелять по льду, тем самым топя бедняг, теперь доказана как апокрифическая.

Ночь перед Аустерлицем

А. Давант

С разрешения господ. Гупиль и Компания.

Те, кто читал "Эссе" Маколея, возможно, вспомнят анекдот, приведенный для того, чтобы показать, что точное выполнение определенных правил не обязательно означает успех. "Мы слышали об одном старом немецком офицере, - рассказывает он, - который был большим поклонником правильности ведения военных операций. Он часто поносил Бонапарта за то, что тот испортил военную науку, которая была доведена маршалом Дауном до такого изысканного совершенства. 'В моей юности он все лето совершал марши и контрмарши, не набрав и не проиграв ни одной квадратной лиги, а потом мы отправились на зимние квартиры. И вот появляется невежественный, вспыльчивый молодой человек, который летает из Булони в Ульм, а из Ульма в центр Моравии и в декабре участвует в сражениях. Вся система его тактики чудовищно неверна.' Мир придерживается мнения, несмотря на подобных критиков, что целью войны является победа, и что те средства являются наиболее правильными, которые наилучшим образом достигают цели". Наполеон был достаточно велик, чтобы нарушать правила, которым человек с посредственными способностями не посмел бы пренебречь. В этом секрет военного мастерства императора, его коротких, но решающих кампаний, которые поражали офицеров с меньшей интуицией и отвагой.

После Аустерлица было заключено перемирие, за которым 26 декабря 1805 года последовало подписание Прессбургского мира. Венеция, Истрия и Далмация были переданы Австрией Италии; Бавария получила Тироль и Форарльберг; Баден и Вюртемберг также получили свою долю добычи, и их правители, до сих пор именовавшиеся курфюрстами, стали королями. Пруссия, посчитав разумнее выглядеть сильным союзником, чем слабым нейтралом,

присоединилась к Нации Завоеваний, хотя Фридрих Вильгельм был на волосок от объявления войны еще до Аустерлица. Сначала был заключен наступательный и оборонительный союз, затем прежний пункт был вычеркнут, было оговорено, что соответствующие территории стран должны считаться священными. Ганновер был передан Пруссии в обмен на территории Клева и Невшателя, Анспах был передан Баварии, а основные реки были закрыты для британской торговли.

Это своевольное действие было частично сведено на нет строгой блокадой со стороны Великобритании и Швеции, и многие прусские корабли были захвачены в качестве призов. Король Фридрих Вильгельм III быстро начал сожалеть о своей сделке с Наполеоном и, обладая талантом к двурушничеству, столь часто свойственным слабым людям, он пришел к тайному соглашению с царем, пообещав, среди прочего, что откажется нападать на Россию, если Наполеон призовет его к этому. Со своей стороны, Александр должен был прийти на помощь Дому Гогенцоллернов, если ему понадобится помощь. Пришло время научить их, как это делает большинство людей, тому, что “ни один человек не может служить двум господам”.

Теперь Наполеон разделил территорию в интересах своей семьи и друзей. Жозеф Бонапарт стал королем Обеих Сицилий в апреле 1806 года, когда Неаполь был оккупирован французскими войсками под командованием Сен-Сира. В июне следующего года Людовик взойшел на трон Голландии. Каролина Бонапарт, теперь замужем за Мюратом, в том же году получила Великое герцогство Берг и Клев. Полин получила миниатюрное герцогство Гуасталла, недалеко от Пармы. Бертье Наполеон подарил княжество Невшатель, Талейрану - Беневенто. Правда, их власть была несколько ограничена, но на какое-то время это доставляло удовольствие получателям почестей и пополняло их кошельки золотом, что, возможно, было даже более желанным с их точки зрения.

Наполеон претворял в жизнь теорию, которую он выдвинул в 1804 году, когда сказал: “В Европе не будет покоя, пока она не окажется под властью единого вождя — императора, у которого будут короли вместо офицеров, который раздаст королевства своим лейтенантам и сделает этого одного королем Италии, того - Баварии, этого - правителем Швейцарии, того - губернатором Голландии, причем каждый из них займет почетную должность в императорском доме”.

ГЛАВА XVIII

Прусская кампания (1806)

Питт испустил дух вскоре после поражения союзников при Аустерлице и через три месяца после смерти Нельсона. Сын лорда Чатема, не меньший мученик за свою страну, чем герой Трафальгара, был полон решимости “навести порядок в Европе”. Едва наступил 1806 год, как император Франции дал миру новое доказательство того, что у него тоже были подобные амбиции. Австрия, все еще страдающая от ран, нанесенных плетью, которую так безжалостно

применил Наполеон, еще не выздоровевший инвалид, неспособный оказать какое-либо сопротивление, снова стала жертвой.

На протяжении многих веков правящий король Австрии был императором Священной Римской империи, хотя многие германские государства стали практически независимыми во всем, кроме названия. Именно здесь правитель Франции не постеснялся нанести рану. Чтобы укрепить свои позиции, он сформировал Рейнскую конфедерацию, в соответствии с которой шестнадцать государств различного размера, включая Баварию, Вюртемберг, Баден и Гессен-Дармштадт, отделились от Германской империи и заключили с ним наступательный и оборонительный союз в качестве Протектора. Новое соглашение добавило 63 000 солдат к резервам Наполеона и создало дополнительные барьеры против его врагов. Со своей стороны, он согласился в случае войны выставить 200 000 человек на поле боя от имени Конфедерации. Прусский посланник в Париже вполне мог утверждать, что его повелитель “не видел вокруг своих территорий никого, кроме французских солдат или вассалов Франции, готовых выступить по ее мановению”. Новая Конфедерация практически окружила Пруссию; более того, Великая армия продолжала оставаться в Германии.

В течение месяца или двух существовал слабый проблеск надежды на то, что продолжающаяся война между Францией и Англией может прекратиться. Чарльз Джеймс Фокс, министр иностранных дел и ведущая фигура в администрации Гренвилла, не без восхищения относился к Наполеону, и были начаты более или менее неофициальные переговоры о мире. Последовал обмен любезностями, Фокс сообщил Талейрану подробности заговора с целью убийства императора, Наполеон освободил нескольких британских пленных из французских крепостей. Когда Наполеон действительно раскрыл свои карты, он обнаружил подозрительное стремление заполучить Сицилию, обладание которой имело бы большое значение в его заветном плане установления господства Франции в Средиземноморье. Император жаждал морской мощи; это был единственный мир, который ему оставалось завоевать.

Ганновер использовался в качестве приманки для Великобритании, совершенно независимо от того, что могла сказать по этому поводу Пруссия. Именно это беспринципное жонглирование чужим имуществом со стороны Наполеона держало Континент в таком неустроенном состоянии. Никто не знал, кого следующим могут обменять или захватить французские войска, независимо от предыдущих соглашений. Когда Наполеон играл в карты, он жульничал; в политических вопросах его мораль больше не бросалась в глаза. Его чувство добра и зла давно уступило место эгоизму, который не признавал никаких законов и ставил себя выше всех кодексов обычного поведения. Де Токвиль сказал о нем: “Он был настолько велик, насколько может быть велик человек без добродетели”.

Попытки заключить мир ни к чему не привели. Король Пруссии заключил союз с Россией и начал мобилизацию своей армии. Его солдаты были за то, чтобы действовать, невзирая на последствия, и проявляли глупое презрение к своим противникам, что хорошо показано Варнгагеном фон Энзе, в то время студентом в Галле, в его “Воспоминаниях”.

“В течение всего лета, ” рассказывает он, - мы слышали о военных действиях, прерванных надеждами на мир; но после того, как Наполеон прочно обосновался в Германии с помощью Рейнской конфедерации, всякой идее мира пришел конец, и каждый в Пруссии громко призывал к войне. Прусские войска были замечены в Галле и его окрестностях на пути на юг и запад, и желание войны росло с каждым днем. Некоторые горячие головы приходили в ярость,

если намекали на мир или если превосходство пруссаков над французами не признавалось сразу. Я отчетливо помню встречу с офицером, который утверждал, что война практически закончилась, что теперь ничто не может спасти Бонапарта от неминуемой гибели. Когда я попытался заговорить о французских генералах, он прервал меня, сказав: ‘Генералы! откуда им взяться? У нас, пруссаков, если вам это нравится, есть генералы, которые понимают военное искусство; которые служили с юности: такие люди будут гнать перед собой лудильщиков и портных, которые произошли только от Революции, как овец ’ Это вывело меня из себя, и я прямо ответил, что человек становится генералом не по рождению, а по реальной службе; что прежнее состояние человека было ничем; из лудильщика или портного может получиться такой же хороший генерал, как из сержанта по строевой подготовке”.

Ссылка на “несчастный случай при рождении” относится к тому факту, что до битвы при Йене (1806 г.) практически каждый прусский офицер был аристократом, правило, которое, как следует из предыдущей ссылки в этой работе, было получено во французской армии до революции.

Во время поездки в Берлин, предпринятой во время его отпуска, Варнгаген рассказывает нам, что “ всю дорогу ему напоминали, что мы накануне какого-то великого события; повсюду мы встречали солдат большими или меньшими отрядами, с артиллерией и обозами. В Треуэнбризене я увидел старого фельдмаршала фон Мюллendorфа, направлявшегося на службу в армию; война больше не вызывала сомнений, и считалось, что присутствие одного из героев Фридриха Великого наполнит войска энтузиазмом того периода и побудит их к новым победам. Я видел, как он с улыбкой на лице давал окружавшей толпе самые уверенные обещания победы из окна своего экипажа; затем он уехал под громкие возгласы собравшейся толпы. Солдаты распевали веселые песни и радовались тому, что наконец-то их поведут на врага; повсюду были видны отставшие и другие люди, спешащие присоединиться к армии. Шум стих после отъезда из Потсдама — воцарилась необычная тишина, и прекрасная летняя погода вскоре изгнала из моих мыслей все, кроме объектов и ожиданий, которые более непосредственно касались меня”.

Музыке и веселью не суждено было продлиться долго. Слишком скоро солнечный свет сменился дождем, гордость расы - национальным бедствием. Но это преподавало пруссакам урок, который они никогда не забывали, даже если усваивали медленно, и сполна его плоды были пожаты на поле Ватерлоо девять лет спустя.

Сначала Наполеон был уверен, что военные приготовления в Пруссии были не чем иным, как блефом, и хотя решение о войне было принято в Берлине 7 августа 1806 года, а ультиматум отправлен в Париж 25 сентября, Наполеон услышал об этом только 7 октября, поскольку тогда он был со своей армией. На следующий день многие из его войск перешли границу. Его боевые силы насчитывали в общей сложности около 190 000 человек, силы его противников - примерно на 40 000 меньше, под главным командованием герцога Брауншвейгского, ветерана старше семидесяти лет, участвовавшего в войнах короля-воина. С французскими орлами маршировали многие солдаты Конфедерации, что свидетельствовало о ценности политики Наполеона по окружению себя вассальными государствами. Это была несколько односторонняя сделка, поскольку было значительно более вероятно, что он, преследуя свои агрессивные проекты, будет чаще обращаться к своим союзникам, чем они к нему. Россия оказала помощь Пруссии на более поздних этапах кампании, поскольку медлительные силы царя появились только после

битвы при Йене. Саксония завершила то, что могло бы стать самым грозным тройственным союзом.

Прусский генерал очень надеялся, что ему удастся перерезать коммуникации Наполеона с Францией, но он был слишком неповоротлив в своих передвижениях, чтобы поймать столь проворного противника. Император разгадал план, отдал приказ о немедленной концентрации своих войск и поменялся ролями, создав угрозу коммуникациям Пруссии с Берлином. Бернадотту было поручено расчистить путь для основной армии. 9 октября между Заальбургом и Шлейцем, где был обширный лес, произошла стычка, и пруссаки были вынуждены уступить после длительного сопротивления. Французы впоследствии двинулись маршем на Шлейц и захватили город. Мюрат, который накануне овладел Заальбургом, также выполнил много сложной работы. Более важным было сражение близ Заальфельда между Ланном и Суше и принцем Луи Фердинандом Прусским, в котором молодой принц — ему было всего тридцать три года — погиб, сражаясь с отчаянными силами противника. Пехота, которой он командовал, пришла в беспорядок и вскоре совсем вышла из-под контроля. Теперь у принца было всего пять кавалерийских эскадронов, на которые он мог положиться, и он решил скорее умереть, чем сдаться. Он отдал приказ атаковать, был ранен в нескольких местах и, наконец, упал с лошади, став жертвой смертельного удара шпагой гусара. Он определенно проявлял то презрение к смерти, которое примерно в то же время Наполеон рекомендовал своим егерям. “Ребята, - сказал он, - вы не должны бояться смерти; когда солдаты отваживаются на смерть, они загоняют его в ряды врага”.

Решение о проведении кампании было принято быстро. В то время как император приближался к войскам союзников, сосредоточенным близ Веймара и Йены под командованием короля и принца Гогенлоэ соответственно, было решено предпринять очень глупое движение. Большая часть прусских войск была отведена на помощь Наумбургу, оставив всего 47 000 человек на случай появления французов. Произошло неожиданное, ибо в тот же день Ландграфенберг, крутой холм, с вершины которого, почти неприступной, но с высоты птичьего полета открывался великолепный вид на армию, обреченную Наполеоном на уничтожение, был неожиданно занят французами. Потребовалось почти нечеловеческое усилие, чтобы подтянуть тяжелую артиллерию так, чтобы ее можно было разместить на наиболее выгодных позициях для предстоящего конфликта. Наполеон неизменно сбрасывал с себя государственные атрибуты во время кампании и брал на себя обязанности простого солдата, когда того требовала необходимость, как в этом случае. Он показал себя готовым принять участие в том, что войска называли “грязной работой”. Он устанавливал мины для подрыва скал, которые преграждали продвижение вверх по скалистым высотам, дергал за веревки, с помощью которых пушки поднимались на продуваемый всеми ветрами гребень, и не уходил в свою палатку, пока не был полностью убежден в том, что не сделано ничего, что могло бы привести к замешательству врага.

Эту историю рассказывает Марбо, который, если он говорит правду, проявил чудеса доблести, достойные самого Д'Артаньяна. Деревенский священник указал тропу, по которой французские войска поднялись на Ландграфенберг. “По этой тропинке, ” рассказывает добродушный маршал, “ он вел нескольких офицеров штаба и роту вольтижеров. Пруссак, считая это невыполнимым, пренебрегли его охраной. Наполеон рассудил иначе и, по донесению офицеров, сам отправился посмотреть на это в сопровождении маршала Ланна и под руководством *жюре*. Он обнаружил, что между вершиной тропы и равниной, занятой врагом,

есть небольшая скалистая площадка; и на ней он решил собрать часть своих войск, которые должны были совершить вылазку оттуда, как из цитадели, чтобы атаковать пруссаков. Для любого, кроме Наполеона, командовавшего французами, эта задача была бы невыполнимой; но он, отправив инженерам и артиллерии четыре тысячи пионерных орудий, приказал пехоте расширить и выровнять тропу, батальоны проходили ее по очереди, каждый в течение часа, и, когда она выполнила свою задачу, наступали в тишине и выстраивались на вершине холма.... Ночи в это время года были очень длинными, и было достаточно времени, чтобы проложить путь не только для колонн пехоты, но и для артиллерии и обозов с боеприпасами; так что еще до рассвета войска сосредоточились у Ландграфенберга. Термин "*Массированный*" никогда не был более правильным, поскольку груди солдат в каждом полку почти касались спин тех, кто стоял перед ними. Но войска были настолько хорошо дисциплинированы, что, несмотря на темноту и скопление более 40 000 человек на узкой платформе, не было ни малейшего беспорядка, и хотя противник, занявший Косподу и Клозевиц, находился всего в половине пушечного выстрела, они ничего не заметили ”.

На равнине внизу пылающие костры бивуаков подмигивали прусским солдатам, как сторожевые псы. Некоторые уже бессознательно попрощались со звездами, когда их усталые веки сомкнулись при виде пейзажа природной красоты, испорченного штабелями оружия, парками артиллерии и обозными повозками, которые говорили о неминуемой борьбе и кровопролитии.

В четыре часа утра, еще до того, как малейшая полоска зари прорезала небо, французский лагерь пришел в движение, а вместе с ним и Наполеон. Если бы дракон, дышащий огнем и серой, появился на поле битвы при Йене, принц Гогенлоэ не был бы так удивлен, как когда французский авангард внезапно появился из тяжелого, клубящегося осеннего тумана. Смертоносные орудия начали свою работу, кавалерия и пехота с обеих сторон отчаянно сражались, и битва склонилась сначала на одну сторону, затем на другую. Прусские войска показали, что, несмотря на долгие годы бездействия, в них все еще оставалось немного крови и железаунсера *Фрица*; но прежде чем подошел резерв в 20 000 человек под командованием Рюхеля, за которым послал Гогенлоэ, он был вынужден написать вторую депешу, призывающую поторопиться и сообщаящую новости о том, что французская кавалерия “сбила в одну беспорядочную массу пехоту, кавалерию и артиллерию”. Когда на поле боя появился резерв, появление такого большого количества людей, как правило, успокаивало пруссаков, и именно при виде их пылкий молодой французский офицер, заметив произведенный эффект, крикнул: “Вперед! Вперед!” Императорской гвардии, которая еще не была задействована. “Как теперь?” - спросил Наполеон. “Что это за безбородый мальчишка, который осмеливается давать советы своему императору? Пусть он подождет, пока не примет командование в тридцати крупных сражениях, прежде чем давать свои советы!”

Исход дня определенно решила великолепная кавалерийская атака под предводительством Мюрата, вызвавшая разгром, который закончился только в Веймаре, родине бессмертного Гете, в шести лье отсюда.

“Император, ” говорит Савари, - с того места, где он стоял, видел бегство пруссаков и нашу кавалерию, настигавшую их тысячами. Приближалась ночь, и здесь, как при Аустерлице, он объезжал поле битвы. Он часто сходил с лошади, чтобы дать немного бренди раненым; и несколько раз я наблюдал, как он прикладывал руку к груди солдата, чтобы проверить, бьется

ли у него сердце, потому что, увидев легкий румянец на его щеках, он предположил, что тот, возможно, жив. Таким образом, я видел, как он два или три раза открывал людей, которые были еще живы. В этих случаях он испытывал радость, которую невозможно описать”.

В то же время пруссаки разыграли еще одно сражение, проигранное не более чем в двенадцати милях от места этой ужасной резни. Даву получил инструкции двинуться к Йене маршрутом, который позволил бы ему ударить в тыл врагу, пока Наполеон вступал с ним в бой. Пытаясь осуществить этот маневр, маршал натолкнулся непосредственно на армию Фридриха перед Ауэрштедтом. Что касается материальной силы, то положение дел в Йене было полностью противоположным. Здесь, как мы видели, пруссаки были в меньшинстве; при Ауэрштедте французы были намного слабее. Обе стороны сражались хорошо и показали себя достойными своих соотечественников, которые были вовлечены в аналогичную борьбу всего в нескольких милях отсюда, но когда уцелевшие части двух прусских армий встретились, это были беглецы с общим желанием увеличить расстояние между собой и преследователями, насколько это возможно. Король, принц Генрих, принц Вильгельм и маршал Меллендорф были ранены, герцог Брауншвейгский и генерал Шметтау скончались в результате полученных ими ранений, и, несмотря на неспособность Даву продолжать преследование пораженного врага, трупы 20 000 пруссаков устилали поля Йены и Ауэрштедта, лежали в канавах или почти перекрыли дороги. Много пушек и знамен досталось победителям. То, что произошло бы, пояись Бернадотт со своей кавалерией, слишком ужасно, чтобы даже представить.

Почти невозможно переоценить ужасное положение, в котором сейчас оказался народ Пруссии. Мистер (впоследствии сэр) Джордж Джексон, которого Фокс послал получить точную информацию о том, что происходит в Германии, записывает в своем дневнике под датой "Гамбург", 23 октября: “Все в отчаянии, все расстроены недавним бедствием, обрушившимся на страну.... Письма из Берлина говорят о состоянии неопишемого брожения”.

25 октября французы вошли в столицу. В своем отчаянном положении добрые жители Берлина, похоже, скорее приветствовали захватчиков, чем что-либо иное. Мы позволим нашему другу, студенту из Галле, рассказать нам, что произошло. “Я видел первого француза, который вошел в город”, - пишет он. “Около полудня офицер в синей форме в сопровождении трех или четырех егерей въехал в город; они остановили своих лошадей, поспешно спросили дорогу к муниципалитету или особняку, велели зевакам отойти и снова усаkali галопом. Тогда они были там! Многие люди все еще утверждали, что это были не французы, а русские. По их словам, это было очевидно по их зеленой форме. Но через четверть часа уже не оставалось места для сомнений; большие отряды кавалерии и пехоты вошли в город, и на следующий день Берлин был заполнен войсками маршала Даву. И вот теперь началась совершенно новая жизнь среди полуобморочных жителей Берлина. Мы снова перевели дух, ибо вместо диких беспринципных грабителей мы увидели хорошо дисциплинированных веселых солдат, которые были обезоружены обращением по-французски, а их офицеры по большей части отличались учтивыми манерами. Это первое благоприятное впечатление не было испорчено последующим грубым поведением, хотя было трудно удовлетворить насущную потребность стольких людей. Мы все еще находили, что должны благодарить Бога, если нам суждено иметь врагов, расквартированных против нас, за то, что они были не хуже этих. Тем не менее, неряшливый, грязный, оборванный вид этих маленьких, злобных, наглых, остроумных парней представлял собой странное зрелище для глаз, которые, как и наши, привыкли к аккуратности и

замечательной выправке пруссаков, и мы были тем более поражены, как такой сброд - ибо они почти заслуживали этого названия — мог выбить таких солдат с поля боя....

“27 октября, ” продолжает он, - я совершал свою обычную вечернюю прогулку по так называемому Люстгартену, или парку, когда меня поразило новое зрелище. Все пространство посередине, которое всегда тщательно подстригалось, и даже боковые дорожки, ведущие ко дворцу, были покрыты бесчисленными сторожевыми кострами, вокруг которых в самых разных позах группировались солдаты Императорской гвардии. Огромные костры освещали этих красивых мужчин, их сверкающее оружие и амуницию, а взгляды привлекали постоянно повторяющиеся национальные цвета - красный, синий и белый. Около 10 000 человек двигались этим сияющим бивуаком рядом с мрачного вида дворцом, в котором поселился Наполеон. Вся сцена произвела на меня сильное впечатление, и когда я рассмотрел мелкие детали — ибо каждому было позволено находиться среди войск, — мое удивление возросло; каждый солдат по внешнему виду, манерам и авторитету был подобен офицеру — каждый человек казался командиром, героем. Мужчины пели, танцевали и пировали до поздней ночи, в то время как время от времени небольшие отряды в замечательном состоянии дисциплины маршировали взад и вперед под звуки барабанов и музыки. Это было такое зрелище, какого я никогда не видел. Я оставался там часами и едва мог покинуть место. Императорская гвардия оставалась там в течение нескольких дней, и все взгляды были прикованы к прекрасному, но ненавистному зрелищу. Но никакое последующее впечатление не могло сравниться с впечатлением первой ночи: костры горели более тускло; часть войск была отведена в другое место; и, наконец, небольшие отряды кавалерии с оседланными и взнузданными лошадьми, готовыми к немедленному отправлению, были единственными войсками, оставшимися в этом лагере. Многочисленной личной охраны во дворе дворца было вполне достаточно для личной безопасности Наполеона”.

Но мы должны вернуться к войне и страданиям. Крепости, которые до сих пор считались почти неприступными, рушились с отвратительной регулярностью. Магдебург, например, бесславно сдался маршалу Нею, и гарнизон из 24 000 трудоспособных мужчин выступил маршем и сложил оружие, как и 10 000 солдат в Эрфурте. Кюстрин, считавшийся одной из сильнейших крепостей на Одере, был передан примерно сорока егерям, Штеттин сдался таким же подлым образом. Сульт при Нордхаузене, Бернадотт при Галле, Мюрат и Ланн при Пренцлове одержали важные победы, которые еще больше склонили чашу весов против Пруссии. Казалось, что армия, которая начинала с таким шумом и бахвальством, исчезнет почти полностью. Один фрагмент все еще оставался при Блюхере, суровом старом солдате, которому предстояло участвовать в погоне, когда лиса, наконец, спустится на землю при Ватерлоо. Его общая численность составляла около 24 000 человек, против которых были выставлены 60 000 солдат под командованием Сульта, Мюрата и Бернадотта. 6 ноября 1806 года последний перебил многих измученных пруссаков на узких улочках Любека, но Блюхер капитулировал только на следующий день, когда он был абсолютно вынужден сделать это из-за пределов прусской территории.

ГЛАВА XIX

Польская кампания (1806-7)

Лишив курфюрста Гессен-Кассельского, герцога Брауншвейгского и принца Оранского их владений; заключив союз с Саксонией, чей курфюрст был возведен в достоинство короля и присоединился к Рейнской конфедерации; и вынудив власти прусских провинций принести присягу на верность, готовясь оставить генерала Кларка генерал-губернатором, Наполеон обратил свое неустанное внимание на Польшу. Там он рассчитывал встретиться с медленно продвигающейся русской армией до того, как она достигнет Германии. Главнокомандующим царскими войсками был маршал Каменской, восьмидесятилетний мужчина, который вскоре после этого сошел с ума, и его сменил Беннигсен, на которого солдаты полагались значительно больше.

Раздел Польши Россией, Австрией и Пруссией в 1795 году — рана, которая никоим образом не зажила, — предоставил возможность, если бы Наполеон решил воспользоваться ею, воззвать к национальному духу поляков, чтобы заявить о себе и вернуть своей стране независимость, стремление, которое живо и по сей день. Император пытался тянуть время, и когда влиятельная депутация обратилась к нему с просьбой о помощи для поляков, он уклонился от ответа, искусно не сказав ни "да", ни "нет" на их просьбу, но был хорошо рассчитан, чтобы заручиться их энтузиазмом в его пользу. Правда в том, что, хотя Наполеон не брезговал польскими новобранцами для французской армии, он понимал, что было бы опасно еще больше раздражать Россию, Пруссию и Австрию. Действительно, Австрия уже вооружалась, Пруссия пыталась восстановить силы, а Россия готовила сюрприз.

Численный состав различных армий был, насколько можно установить, следующим: Франция - 145 000 человек; Россия - 100 000 человек; Пруссия - 15 000 человек. Первая штаб-квартира императора находилась в Познани, но когда Мюрат вступил в Варшаву в конце ноября 1806 года, после нескольких беспорядочных боев он решил перебраться в этот город, куда прибыл со своим штабом 18 декабря. При Пултуске Ланн подвергся суровому испытанию со стороны Беннигсена, чьи войска превосходили французов численностью в 5000 человек. Сильная снежная буря сделала работу вдвойне тяжелой для обоих участников, но у русских было меньше трудностей, чем у атакующей стороны, которой приходилось пробираться по слякоти, от которой солдаты немели до костей. Однако они хорошо проявили себя и вынудили противника отступать до тех пор, пока в дело не были введены кавалерия и резерв, когда французы были вынуждены отказаться от неравного боя с потерей 6000 человек, что на тысячу больше, чем у русских. При Голыmine нечто подобное случилось с Даву, Ожеро и Мюратом, и эти два несчастия в значительной степени побудили Наполеона на время приостановить военные действия. Таким образом, обе армии разместились на зимних квартирах: Наполеон - на поросших лесом берегах Вислы, русские - близ Нарева.

Беннигсен, теперь занимавший пост главного командующего, зная о почти отчаянном положении короля Пруссии, который был заперт в Кенигсберге, к которому медленно приближались дивизии Нея и Бернадотта, увидел, по его мнению, прекрасную возможность застать Наполеона Врасплох. Он должен был перейти в наступление, освободить важную крепость Грауденц, которую тогда слабо удерживал прусский гарнизон, и защитить Кенигсберг. Но императора, наслаждавшегося светской жизнью Варшавы, было не так-то легко поймать, и он быстро выступил в поход. Благодаря депеше от Бернадотта, которая была перехвачена

отрядом казаков, русский генерал узнал о передвижениях противника и волей-неволей должен был отказаться от своего прежнего плана или подвергнуться риску сокрушительного поражения. Последовало множество игр в военные прятки, часто сопровождавшихся серьезными потерями. Ситуация была доведена до кризиса 7 февраля 1807 года, когда обе армии расположились бивуаком в пределах видимости друг друга в Эйлау, французы численностью до 50 000 человек вошли в город после стычки с русскими, которых, вероятно, насчитывалось около 75 000 человек. Корпуса под командованием Нея, Бернадотта и Даву, получившие приказ присоединиться к основным силам, должны были оказать ценную помощь.

Никогда еще не было столь ожесточенного противостояния на поле боя. Шел сильный снег, когда первые снаряды начали разрывать ряды противников. В результате одной атаки почти половина солдат корпуса Ожеро была уничтожена, а их командир ранен. Даву ответил на комплимент и был уже близок к успеху, когда русские получили подкрепление и вынудили его отступить. Ней, который прибыл вовремя, и Мюрат были более успешны, но в конце восемнадцатичасового боя было трудно сказать, кто обеспечил себе преимущество. Наполеон откровенно признался, что вполне возможно, что он отступил бы, но когда наступило следующее утро, свинцовое и угрюмое, выяснилось, что русские исчезли, оставив поле боя в его распоряжении. 14-го числа Наполеон написал императрице: “Страна покрыта убитыми и ранеными. Это не самая приятная часть войны”, в то время как своему брату Джозефу он рассказал о некоторых тяготах кампании. “Офицеры штаба, “ говорит он, - не раздевались два месяца, многие - четыре месяца. Я сам две недели не снимал сапог. Мы находимся посреди снега и грязи, без вина, бренди или хлеба. У нас нет ничего, кроме картошки; мы совершаем длительные марши и контрмарши — занятие не из приятных. Нам приходится сражаться штыком под чудовищным обстрелом, а затем раненых приходится везти обратно на 150 миль в открытых санях”.

Инцидент, произошедший в этот период, очень ясно показывает, как Наполеон мог упрекнуть офицера и в то же время показать, что он не утратил к нему доверия. Следует добавить, что император не всегда относился так снисходительно к подчиненным, как к этому конкретному человеку.

Однажды вечером Наполеону доставили пачку депеш. “Несомненно, эти депеши были в пути долгое время!” - заметил он своему слуге. “Как это? Скажите дежурному офицеру, который их привез, что я хочу с ним поговорить”.

Вошел офицер, забрызганный грязью и явно чувствующий себя не в своей тарелке.

- Сэр, - спросил император, - в котором часу эти депеши были переданы вам в руки?

- В восемь часов вечера, сир.

- И сколько лиг тебе пришлось проехать верхом?

- Я не знаю точно, сир.

“ Но вы должны знать, сэр. Офицер-ординарец должен знать *это*. Я знаю это. Вам предстояло проехать двадцать семь миль, и вы отправились в путь в восемь часов. Посмотрите на часы, сэр. Который сейчас час?

“Половина первого, сир. Дороги были в ужасном состоянии. Кое-где снег загоразживал мне дорогу...

“ Жалкие оправдания, сэр, жалкие оправдания. Удаляйтесь и ждите моих приказаний.

Когда дверь закрылась за несчастным посыльным, чье невеселое настроение нетрудно понять, Наполеон заметил: “Этот хладнокровный, неторопливый джентльмен нуждается в стимуляции. Выговор, который я ему сделал, заставит его прищипорить лошадь в другой раз. Дайте подумать — мой ответ должен быть доставлен через два часа. Я не могу терять ни минуты”.

Он ответил на сообщение и отозвал офицера, доставившего депеши.

“Отправляйтесь немедленно, сэр, - сказал император. “ Эти депеши должны быть доставлены как можно скорее. Генерал Ласаль должен получить мои приказы к трем часам. Ты понимаешь?

- Сир, к половине третьего генерал получит приказы, вручением которых я имею честь быть.

“Очень хорошо, сэр, садитесь на лошадь, но остановитесь!” - добавил он, когда офицер уже собирался уходить. - Передайте генералу Ласаллю, - и магнетическая улыбка на мгновение осветила лицо императора, - что мне будет приятно, если вы будете тем человеком, которого выберут, чтобы объявить мне об успехе этих операций.

После ужасного сражения при Эйлау, которое доказало, что французское оружие не является непобедимым, и значительно повысило престиж русской армии, Наполеон почувствовал необходимость еще больше сконцентрировать свои силы. Хотя он находился в нескольких шагах от Кенигсберга, от которого отступил Бенигсен, и пообещал своим солдатам перед боем, что “их усталость будет компенсирована роскошным и почетным отдыхом” в этом городе, он решил больше не испытывать судьбу. Он отложил меч войны и взялся за перо мира, написав письмо королю Пруссии, рассчитанное на то, чтобы отвести его от союзников. После триумфа при Йене Наполеон запросил половину Пруссии в качестве цены за мир, теперь он был готов вернуть всю завоеванную территорию к востоку от реки Эльба и в то же время освободить Пруссию от любых будущих раздоров, которые у него могли возникнуть с Россией.

Мы уже отмечали, что Фридрих Вильгельм III не обладал большой силой воли, и этот факт был полностью осознан как царем, так и Наполеоном. Александр решил сделать союз между Россией и Пруссией еще более прочным, будучи уверен, что Эйлау был началом конца для корсиканского выскочки. Дипломатия Наполеона получила отпор, и в апреле 1807 года в Бартенштейне был заключен мирный договор между Россией и Пруссией, который, хотя и предусматривал возможные последствия, которые могли последовать за поражением Наполеона, имел более непосредственный эффект укрепления колеблющихся намерений прусского монарха.

ГЛАВА XX

Фридланд и Тильзит (1807)

Наполеон видел все основания для скорейшего и более энергичного ведения войны, которая грозила затянуться на неопределенный срок. Ряды его армии серьезно поредели, и хотя всего пять месяцев назад он набрал 80 000 новобранцев, он счел необходимым объявить повторный набор в том же количестве, что стало очень серьезной утечкой ресурсов Франции, поскольку при естественном порядке вещей молодые люди были бы призваны только в сентябре 1808 года, восемнадцать месяцев спустя. Срочность этого требования показана в депеше императора Камбасересу: “Очень важно, чтобы эта мера была принята с готовностью. Единственное возражение, выдвинутое в Государственном совете или в Сенате, ослабит меня в Европе и навлечет на нас Австрию. Тогда это будут не два призыва, а три или четыре, которые мы будем вынуждены объявить, возможно, без всякой цели, и в конце концов будем побеждены”. Говорить о поражении было не в обычае у Наполеона, и хотя он добавил, что не собирается “вести войну с мальчишками”, он, несомненно, так и сделал. В июне 1807 года общая численность войск, находившихся в его распоряжении, составляла 310 000 человек, а у союзников - 130 000 человек.

Поскольку захват Кенигсберга в данный момент был практически невозможен, Наполеон с нетерпением ожидал падения Данцига, важного стратегического пункта. Это место уже выдержало несколько заметных осад, и, несмотря на энергичные меры Лефевра, он не смог прислать добрую весть о том, что достиг своей цели, до конца мая 1807 года. Медленный прогресс был отчасти вызван количеством молодых, неопытных солдат, с которыми приходилось работать Лефевру, а также определенной ревностью, которую он проявлял к инженерам, поскольку гренадеры были его любимцами. “Ваша слава - во взятии Данцига”, - писал Наполеон в “Олд спитфайр”. Поскольку при падении великой крепости в устье Вислы было захвачено 900 артиллерийских орудий, следует признать, что работа была выполнена хорошо, хотя и слишком медленно для терпения Начальника.

5 июня Ней был застигнут врасплох русскими войсками, маршал потерял 2000 человек. Пять дней спустя войска под командованием Сен-Сира и Леграна потерпели неудачу, и 12 000 рядовых были убиты, ранены или взяты в плен. За этими неудачами последовало ужасное сражение при Фридланде 14 июня, и положение Франции было спасено только бесстрашием Виктора. Русские под командованием Беннигсена, поддержанные князем Багратионом, вели себя с исключительной храбростью, отступая по воде, которая доходила почти до их рук. Пятнадцать тысяч солдат противника, включая многих, кто утонул в их последней отчаянной попытке добраться до противоположного берега, были убиты в годовщину Маренго, и пало почти 8000 французов.

Джексон, который до последнего момента оставался в злополучном городе Кенигсберге, рассказывает историю Фридланда в своем Дневнике, и поскольку у него были все возможности получить факты из первых рук, мы позволим ему рассказать дальнейшие подробности трагедии:-

“Какими бы большими ни были потери, понесенные союзниками при Фридланде, а их нельзя оценить менее чем в двадцать четыре тысячи убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести, все, чего они могли добиться доблестью и отвагой, было достигнуто ими; и если бы

активность и способности их предводителя были хоть сколько-нибудь пропорциональны мужеству его войск, это сражение, столь же катастрофическое, как Аустерлиц или Ауэрштедт, было бы для нас столь же славным и столь же важным по своим последствиям, как и для французов; но эти размышления сейчас столь же бесполезны, сколь и печальны. В ночь на 11-е число Беннигсен, переправившись через Алле, начал свое отступление из Гейльсберга, которое с небольшими перерывами он продолжал до тех пор, пока вечером 13-го не прибыл напротив Фридланда. Там он обнаружил несколько эскадронов противника, которых без особого труда переправили через реку. Сам он последовал за ними и в ту ночь занял свою квартиру в городе, перед которым раскинулась равнина, обрамленная лесом; он выделил несколько полков непосредственно перед Фридландом, чтобы обеспечить безопасность своих квартир.

Битва при Фридланде

Гораций Верне

“Между тремя и четырьмя часами утра противник, замаскированный и укрытый лесом, начал атаку на правом фланге при поддержке войск, которые постепенно подходили с другого берега реки, через которую был переброшен всего один мост и два понтона. Несмотря на эти неудобства, русские каждый раз успешно отражали атаки французов, как справа, так и в центре, с большими потерями для противника — за единственным исключением батареи, захваченной в первую очередь, но немедленно отбитой - до семи часов вечера, когда Бонапарт подошел с десятью тысячами свежих солдат слева от них. Это решило судьбу дня. Русские, измотанные как недавними тяжелыми переходами и нехваткой продовольствия, так и четырнадцатичасовыми непрерывными боями, которые они выдержали, не смогли выстоять

против этого нового удара и менее чем через час начали очень беспорядочное отступление. Всеобщее замешательство усугублялось трудностью повторного перехода через Аллею и необходимостью снова проходить через город, который в нескольких частях был охвачен огнем от вражеских снарядов. Многие утонули при переправе вброд через реку, едва сдерживаемые французами.

“Масштабы наших потерь как в людях, так и в пушках следует отнести к этим обстоятельствам, а не к какому-либо определенному превосходству французов на поле боя. Их воздействие также на войска, которые так храбро сражались и держались весь день, вызвало уныние и растерянность и превратило то, что при более умелом руководстве все еще могло бы быть хорошо организованным отступлением, в беспорядочный разгром и поспешное бегство.

“Русские офицеры были единодушны в своем осуждении Беннигсена, который, по их словам, предал армию, если не прямым предательством, то по крайней мере вопиющим невежеством и полным отсутствием энергии. ‘Если он не будет смещен,’ говорит каждый военный, даже самый горячий из сторонников войны, ‘нам лучше заключить мир завтра; ибо пытаться сражаться с ним как с их лидером - значит только жертвовать жизнями храбрецов без каких-либо шансов на успех’.... Французы вошли в Тильзит вчера днем и открыли огонь по русским за рекой. Судьба Европы, вероятно, решена”.

Непосредственными последствиями битвы при Фридланде стала капитуляция 15 июня Кенигсберга, который превосходно защищал прусский генерал Л'Эсток, и перемирие между французами и русскими, в котором Пруссии было любезно разрешено участвовать несколько дней спустя, когда Наполеон и Александр вместе обсудили этот вопрос. Местом их встречи был плот на реке Неман, где они оставались наедине почти час, причем совещание продлили еще на два часа из-за допуска великого князя Константина, Беннигсена и Калькройта. Королю Фридриху Вильгельму, который уехал из Кенигсберга в Мемель незадолго до падения бывшего города, пришлось довольствоваться тем, что кататься взад и вперед по берегу под дождем. Трудно представить себе более унижительное положение для наследника престола героя Семилетней войны, который никогда смиренно не принимал оскорблений. Наполеон презирал слабого монарха и своим последующим поведением показал, что прекрасная королева Луиза ему нравилась не больше. На следующий день король был допущен на Совет, но когда обсуждалась судьба Европы, два императора отправились на свой плот одни.

Наполеон оказывал деликатное внимание Самодержцу всея Руси. Он прогуливался с ним рука об руку и проводил смотр своим войскам перед ним - комплимент, на который Александр должным образом ответил.

Меневаль, один из секретарей Наполеона, присутствовавший в Тильзите, дает нам интересное представление о том, как два монарха побратались. “Два императора сблизились настолько,” говорит он, “что, когда по возвращении из своих поездок царь должен был обедать с Наполеоном, последний не позволил ему пойти домой переодеться. Он обычно посылал кого-нибудь в дом, где жил Александр, за необходимыми вещами. Он обычно посылал ему свои собственные галстуки и носовой платок через своего камердинера. Он предоставил в его распоряжение свою большую золотую дорожную сумку, и поскольку Александр высоко оценил резьбу различных украшений и то, как была устроена сумка, Наполеон подарил ему ее перед тем, как они расстались. Когда они вернулись перед обедом, это было сделано ради бесплатного *разговора тет-а-тет*. В таких случаях они обычно покидали короля Пруссии и

переходили в маленькую галерею, примыкавшую к рабочей комнате императора. Иногда Наполеон приводил царя в свой кабинет и просил его карты, на которых была изображена Турция в Европе. Я видел, как они склонялись над этой картой, а затем продолжали свой разговор, расхаживая взад и вперед. Их занимали планы раздела. Константинополь был единственным пунктом, по которому они явно не пришли к согласию”.

Это казалось случаем любви с первого взгляда, но жених стремился к большему, чем мир и доброжелательность; он стремился к определенному союзу с Россией. Этого он добился, и хотя царя следует винить в том, что он так быстро нарушил доверие Великобритании и Австрии, ему многое следует простить хотя бы потому, что обе державы сделали немногим больше, чем аплодировали исполнителю ввеликой военной драме, которая только что закончилась. Пруссия, как и следовало ожидать, потерпела очень неудачу в окончательном урегулировании. Силезия и провинции на правом берегу Эльбы были возвращены ей; те, что на левом берегу, вместе с герцогством Брауншвейг и курфюршеством Гессен-Кассель были образованы в королевство Вестфалия и переданы Жерому Бонапарту; почти вся Прусская Польша была присоединена к владениям короля Саксонии и стала Великим герцогством Варшавским. Оставшаяся провинция, Белостокская, была присоединена к территории царя. Война, которая продолжалась между Россией и Турцией, должна была закончиться, Россия ушла из Дунайских провинций султана. Французские войска больше не должны были размещаться в Пруссии.

Таковы основные положения знаменитого Тильзитского мира, подписанного между Францией и Россией 7 июля 1807 года, а двумя днями позже - между Францией и Пруссией. Александр и Наполеон также подписали секретный договор, который не только согласился объединить свои армии для взаимной поддержки, если кто-либо из них решит начать войну с какой-либо европейской державой, но и наметил Восточное полушарие в качестве будущей добычи, особой добычей Наполеона были Египет и побережье Адриатического моря, которые были бы чрезвычайно полезны во французских планах против Англии. Правящие короли Испании и Португалии должны были быть свергнуты в особых интересах семьи Бонапартов. Царь также пообещал, что, если не будет заключен мир с Великобританией, по которому она признает равенство всех наций на океанском пути и вернет завоевания, сделанные ею со времен Трафальгарской битвы, Россия и Франция вместе возобновят войну против Англии. В этом случае Дания, Швеция, Австрия и Португалия также были бы вынуждены присоединиться к союзникам и закрыть свои порты для британских кораблей. Если великая Морская держава согласится на договоренности, столь тщательно принятые от ее имени, Ганновер должен был быть возвращен Георгу III. Если бы Англия была успешно ликвидирована, полное господство в Восточном полушарии могло бы войти в сферу практической политики.

ГЛАВА XXI

Торговая война Наполеона с Великобританией (1807)

Из условий тайного соглашения между Наполеоном и Александром в Тильзите очевидно, что первый принял решение выстоять или пасть в последней отчаянной схватке с Великобританией.

Находясь в безопасности в своем островном доме, только эта Сила смогла помешать Наполеону. Ее корабли и ее деньги были постоянной угрозой достижению его верховной власти на Континенте. Деревянные стены Англии забаррикадировали главные гавани; своим золотом она в значительной степени помогла обеспечить сухожилия войны, которые позволили ее союзникам противостоять угнетателю. Вести войну на море, вести ее домой, к берегам врага, было невозможно в разгромленном состоянии французской морской пехоты.

Как же тогда должно было произойти ее падение? Перед войной с Пруссией Наполеон предпринял предварительный шаг, убедив Фридриха Вильгельма III. запретить британским судам заходить в порты его Королевства и Ганновера. 21 ноября 1806 года он дополнил свой план строгими положениями Берлинского декрета, названного так потому, что он был издан из этого города. Его могущественный соперник должен был быть отрезан от всех дальнейших сношений с Европой. Никакие письма не должны были передаваться, вся торговля должна была прекратиться, каждый британский подданный во Франции или любой союзной ей стране, или оккупированной французскими войсками, подлежал объявлению военнопленным.

Теоретически Соединенное Королевство находилось в состоянии блокады. Исключая ее товары, продажа которых ежегодно составляла огромную сумму, из стран его союзников и тех, что находились непосредственно под его контролем, Наполеон надеялся, что она будет вынуждена отказаться от неравной борьбы. Великобритания быстро и эффективно нанесла ответный удар по Пруссии, захватив несколько сотен ее кораблей, находившихся в то время в британских гаванях, блокировав ее побережье и объявив войну. Она выполнила Берлинский указ, поменявшись ролями с Францией, объявив Францию и ее союзников находящимися в состоянии блокады и предусмотрев, что любое судно, которое не вышло из британской гавани и не заходило в нее, должно считаться законным призом. Наполеон ответил своим Миланским декретом от 7 декабря 1807 года, согласно которому корабли, вышедшие из британских портов или заходившие в них, отдавались на милость французских каперов, рыскавших по морям; “все корабли, идущие в любую гавань Великобритании или ее колоний, или из любой страны, оккупированной британскими войсками, должны стать призом”.

Запрет на британские товары и поощрение отечественного производства были главными опорами великой Континентальной системы. Начатая с очевидной целью разорения Великобритании, она во многом способствовала падению Наполеона. Чтобы сделать Европу самодостаточной, необходимо было присоединять завоевание к завоеванию, а бесконечная война не способствует счастью и не способствует процветанию. В конце концов сами французы утратили интерес к раздорам, и истинное значение национальности начало давать о себе знать в странах, жители которых стонали под невыносимым бременем иностранного надсмотрщика. Система, которую Буррьен называет “актом тирании и безумия”, который был “достойн только темных и варварских веков”, была применена во Франции, Италии, Швейцарии, Голландии, Австрии, России, Пруссии, Рейнской конфедерации, Дании, Испании и Португалии. Если вы взглянете на карту Европы, то увидите, что было мало государств, на которые наполеоновское правление так или иначе не распространялось. Люди, которые в основном выиграли от этого отрезания Англии, были контрабандистами, которые вели великолепную торговлю как на море, так и на суше. Тысячи людей были вовлечены в контрабандный бизнес, переправляя товары на территорию Франции и помогая отправлять континентальную продукцию в Великобританию. Стоимость многих товаров достигла непомерных цифр. Например, во Франции хлопчатобумажные чулки стоили от шести до семи шиллингов за пару; сахар - от пяти до шести

шиллингов за фунт, в то время как такое же количество кофе продавалось по цене от десяти до одиннадцати шиллингов. Когда мы сравниваем последний товар с ценой, которая была установлена в Англии, разница поражает. В 1812 году кофе можно было купить в Ливерпуле за одну пятнадцатую от цены, уплаченной в Париже.

“Будьте особенно осторожны,” писал император Жюно, “чтобы дамы вашего заведения употребляли швейцарский чай. Он не уступает китайскому. Кофе, приготовленный из цикория, ничуть не уступает арабскому. Пусть они используют эти заменители в своих гостиных, вместо того чтобы развлекаться разговорами о политике, как мадам де Сталь. Пусть они также позаботятся о том, чтобы ни одна деталь их одежды не была сшита из английских товаров. Если жены моих старших офицеров не подадут пример, от кого я могу ожидать, что они последуют ему? Это борьба не на жизнь, а на смерть между Францией и Англией. Я должен искать самую сердечную поддержку во всех тех, кто меня окружает”.

Тарифная реформа Наполеона, вместо того чтобы принести материальную пользу производителям, привела к сокращению потребления сырья, поскольку его невозможно было достать. Когда французским войскам в кампании при Эйлау потребовалось обмундирование, его пришлось закупать в Англии! Постепенно барьеры начали рушиться, и путем продажи лицензий на ввоз доселе запрещенных товаров с условием, что взамен должны быть взяты французские промышленные товары, Наполеон пополнил свои военные сундуки, готовясь к следующей кампании. Именно отказ царя от Континентальной системы привел к катастрофической кампании императора в России. После этой грандиозной катастрофы вся схема постепенно развалилась на куски, но не раньше, чем все заинтересованные стороны, включая Великобританию, пострадали очень значительно.

По возвращении императора в Париж из Тильзита в июле 1807 года он на короткое время уделил свое внимание внутренним делам. Он отсутствовал уже десять месяцев, и со всех сторон по отношению к нему проявлялся самый горячий энтузиазм. Великая нация действительно была достойна названия, данного французам задолго до того, как Наполеон и его армии доказали свое право на это, и его подданные разделили с ними очарование победы, если не добычу. Они снабжали его войсками, были опорой, поддерживавшей его трон, и если они отдавали своих сыновей в качестве жертв войны, то по торжественным случаям не показывали, что считают это чем-то иным, кроме жестокой необходимости. Французы превыше всего любят славу, и иметь сына, служащего в “иглз”, было предметом гордости каждого истинного француза.

Канцлер Паскье присутствовал на *богослужении* в честь триумфов Наполеона, которое пели в соборе Нотр-Дам, и он рассказывает нам в своих “Воспоминаниях”, что сидел почти напротив трона; с этой выгодной позиции он со спокойной настойчивостью изучал лицо императора. “Он был явно доволен религиозной санкцией, - рассказывает судья, - которая в глазах народа освящала его славу и всемогущество; он назначил за это цену, тем более высокую из-за того факта, что до его прихода в этом было абсолютно отказано всем делам Революции и что это отличало его от всего, что было до него.

“Я придерживаюсь мнения,” добавляет тот же авторитет, “что ни в один момент своей карьеры он не пользовался более полно или, по крайней мере, с большей кажущейся безопасностью благосклонностью фортуны. Как правило, в разгар своих величайших успехов он напускал на себя озабоченный вид, как будто хотел, чтобы все поняли, что его великие замыслы еще не завершены и что люди не должны думать, что им больше нечего делать. Наблюдение, которое я

здесь записываю, неоднократно делалось теми, кто близко общался с ним, и кто никогда не находил его менее доступным, чем в те моменты, когда было разумно предположить, что какое-нибудь наиболее удачное событие откроет его душу чувствам более широкой доброй натуры.

“Вообще говоря, тому, у кого есть просьба, лучше обратиться к нему в минуты беспокойства, а не в дни его самых блестящих успехов. Его характер не отличался щедростью. Мне кажется, я до сих пор вижу его таким, каким он был в тот день, одетым в свой парадный костюм, который, хотя и был немного театральным, был благороден и прекрасен. Черты его лица, всегда спокойные и серьезные, напоминали камеи, изображающие римских императоров. Он был маленького роста; тем не менее, вся его фигура на этой внушительной церемонии соответствовала роли, которую он играл. На боку у него висел меч, сверкающий драгоценными камнями, а на вершине украшал знаменитый бриллиант под названием *Режент*. Его блеск не позволял нам забывать, что этот меч был самым острым и победоносным из всех, которые видел мир со времен Александра и Цезаря. Я помню, что мсье Беньо, сидевший рядом со мной, высказал эту мысль. Мы оба тогда были далеки от того, чтобы мечтать, что менее семи лет будет достаточно, чтобы разорвать это”.

Ниже приводится пример в поддержку заявления Паскье относительно привилегий. Когда император был глубоко поглощен австрийской кампанией 1809 года, один из его слуг по имени Фишер сошел с ума. Его хозяин отказался занять этот пост и выплачивал бедняге, которого пришлось поместить в сумасшедший дом, полное жалованье в размере 12 000 франков в год до конца 1812 года, когда Наполеон назначил ему ежегодную пенсию в размере 6000 франков. Такая доброта со стороны человека, которого вполне можно было простить за то, что он забыл или не обратил внимания на какие-то претензии, реальные или воображаемые, на его добрую волю, была не редкостью, а обычным явлением.

Вскоре Наполеон приступил к работе, оставив шум войны ради тишины кабинета. Он основал Французский университет, в который входили все школы, как большие, так и маленькие, основной целью которого было воспитание детей в духе патриотизма. Одним словом, он стремился властвовать над разумом. “В политике никогда не будет стабильности, - утверждал император, - если не будет преподавательского корпуса с неизменными принципами. До тех пор, пока люди с младенчества не узнают, должны ли они быть республиканцами или монархистами, католиками или скептиками, государство никогда не сформирует нацию: оно будет покоиться на ненадежных и зыбких основах, всегда подверженное изменениям и беспорядкам”. Первой попыткой Совета университета было составление “Имперского катехизиса”, одна из статей наполеоновской веры гласила, что “Христиане обязаны правящим ими князьям, и мы, в частности, обязаны Наполеону I., нашему Императору, любовью, уважением, послушанием, верностью, военной службой и налогами, взимаемыми для сохранения и обороны Империи и его трона. Мы также обязаны горячо молиться за его безопасность и за духовное и временное процветание государства”.

Основатель проявлял максимально возможный интерес к работе университета, с удовольствием посещая школы с неожиданными визитами. Однажды его несколько смутила девушка, которой он задал вопрос: “Сколько ниток нужно, чтобы сшить рубашку?” “Сир, ” ответила она, - мне нужна была бы только одна, если бы я могла иметь ее достаточно долго”. Император подарил остроумному ученому золотую цепь в награду.

Однако не было суждено, чтобы искусство мира надолго занимало первое место во внимании ни Наполеона, ни его народа, и вскоре страну снова заполнили слухи о войне. Британские агенты на Континенте не дремали, действительно, 15 июля 1807 года, менее чем через неделю после подписания мира между Францией и Пруссией, Джексон доверительно сообщил в своем “Дневнике”, что его “положительно заверили, что Бонапарт направил в Данию возможные приказы закрыть пролив для нас”. Секретная статья Тильзитского договора гласила, что, если Швеция откажется закрыть свои порты для Англии и объявить ей войну, Дания должна быть вынуждена воевать с первой. Это должно было вступить в силу, если переговоры о мире между Великобританией и Россией провалятся, но недавние исследования показывают, что Каннинг, наш министр иностранных дел, не был должным образом проинформирован по этому вопросу и полагал, что договоренность должна была вступить в силу немедленно. Англия решила, что ее нельзя опережать, и предложила Дании передать свой флот до тех пор, пока не будет провозглашен всеобщий мир. Королевский принц категорически отказался принять это предложение. Поскольку Великобритания планировала сухопутную экспедицию, тысячи крестьян были мобилизованы для защиты Копенгагена, тамошний гарнизон, состоящий примерно из 4000 военнослужащих, плохо обеспечен артиллерией. Армия численностью 27 000 человек под командованием лорда Кэткарта отплыла из Ярмута на флоте под командованием адмирала Гамбье и высадилась утром 16 августа примерно в десяти милях к северу от датской столицы. Были возведены батареи, но реального прогресса достигнуто не было, пока Артур Уэлсли, недавно вернувшийся из Индии, не атаковал корпус ополчения численностью 4000 человек при Киоге, 900 из которых были убиты или ранены, а 1500 взяты в плен. Описание Джексоном их никак нельзя назвать живописным. “Эти люди находятся на борту тюремных судов, “ пишет он, - и они жалкие негодяи, не годные ни на что, кроме как ходить за плугом. Они носят шерстяные куртки в красную и зеленую полоску и деревянные сабо. Их длинные гладкие волосы ниспадают на плечи и придают их суровым чертам дикое выражение. Знающие люди говорят, что после первого обстрела они бросили свое оружие, надеясь без него уйти от преследования наших войск. На самом деле, *битва* была не очень славной, но это вы сохраните для себя.... Датчане еще не подвергались какому-либо суровому испытанию, но они проявляют признаки решительного духа и, похоже, полны решимости бороться вместе с нами. Они уже сожгли свои пригороды и разрушили каждый дом, который мог бы послужить убежищем для наших людей”.

Бомбардировка столицы началась 2 сентября 1807 года и закончилась 5-го, когда британцы овладели цитаделью и арсеналами. Датский флот был окружен и конвоирован в Англию в следующем месяце. Джексон так описывает соревнование, начиная с предварительного перехода от Ландскроны к флоту у берегов Копенгагена, который занял два с половиной часа.

“Было почти темно, когда мы отплыли из гавани; и примерно через полчаса после этого мы увидели в воздухе огромное количество ракет, за которыми последовали снаряды с обеих сторон. Ветер был таким сильным, что мы ничего не слышали, пока не оказались в самой гуще флота, хотя и видели все отчетливо. Несколько снарядов упали в нашу сторону и так напугали наших лодочников, что они неоднократно убеждали нас повернуть назад. Об этом мы, конечно, и слышать не хотели; и наконец нам удалось подобраться к флагманскому кораблю, где мы нашли адмирала и моего брата на кормовой галерее, смотрящими на пожар — город был охвачен пламенем в трех местах. Я никогда не видел и не могу представить себе более ужасного, но великолепного зрелища. Это было начало формальной *бомбардировки*. Мы видели и слышали, как это продолжалось до рассвета, когда лежали в своих кроватях; и по мере того, как

продолжалась разрушительная работа, я не могу описать вам, какой ужасающий эффект это произвело на меня. Наша каюта была освещена ярко-красным сиянием, затем внезапно погрузилась в глубокий мрак, когда пламя поднималось и опадало, в то время как судно дрожало, и каждая доска в нем сотрясалась от громкого грохота пушек. Увы! бедные датчане! Я не мог им не сочувствовать.

На следующее утро лорд Кэткорт сказал мне, что он выпустил по городу две тысячи снарядов, не считая огня с наших канонерских лодок и знаменитых ракетных катамаранов. И такого рода работа должна была начаться снова ночью....

“Во второй половине дня стрельба возобновилась с еще большей яростью, чем когда-либо, и в течение двух или трех часов бушевало ужасное пламя. Дул сильный ветер; пламя быстро распространялось и к ночи ярко освещало горизонт, так что на расстоянии пяти миль от города мы могли видеть друг друга на шканцах, как если бы был яркий дневной свет, и в город таким же образом; стоящие между ними корабли представляли собой очень живописные объекты.

“... Прежде чем я уехал, пожар разгорелся до невероятных размеров, главная церковь была объята пламенем, похожим на огненную пирамиду, и последнее, что я видел и слышал об этом злополучном городе, было обрушение колокольни с оглушительным грохотом и далекое громкое "ура", которое это вызвало в нашей шеренге.

“Признаюсь, у меня защемило сердце, когда я подумал о множестве ужасных сцен, которые неизбежно должны были разыгаться посреди всего этого — и вскоре от города осталась бы лишь груда руин”.

Мало кто был удивлен, когда Дания определенно вступила в союз с Францией и объявила войну Великобритании, как это сделала Россия после некоторых показных переговоров в ноябре. Следующей весной царь без какой-либо уважительной причины объявил войну Швеции. Финляндия была захвачена его войсками, но сопротивление храбрых жителей привело к принятию Гарантийного акта, в соответствии с которым царь обещал соблюдать старые законы. Все еще стремясь принять участие в расчленении Турецкой империи, Александр цеплялся за придунайские провинции Молдавия и Валахия, которые должны были быть возвращены султану по условиям Тильзитского мирного договора, а Наполеон, со своей стороны, продолжал содержать в Пруссии множество французских солдат. Таким образом, обе стороны нарушили свои самые торжественные обещания, но это не помешало обсуждению совместной экспедиции в Индию, которую должны были предпринять Франция, Россия и Австрия.

Теперь Наполеон воспользовался случаем посетить Италию с обычными результатами. Этрурия, король которой был внуком Карла IV Испанского, стала департаментом Франции, молодому монарху была обещана провинция в Португалии с титулом короля Северной Лузитании, а Папская область была заполнена французскими войсками и вскоре после этого поглощена королевством Италия.

ГЛАВА XXII

Происхождение войны на полуострове (1808)

Хотя корону Испании еще не носил выдвиженец Наполеона, ее нынешний обладатель, или, скорее, Мануэль Годой, авантюрист, который за пять лет прошел путь от рядового гвардии до главного министра, был осторожен, чтобы не оскорбить императора. Португалия, с другой стороны, была другом Англии, с которой она вела очень крупную торговлю. К сожалению, ее средства сопротивления были настолько слабыми и неорганизованными, что, когда император Франции призвал принца-регента закрыть гавани для британских кораблей и объявить войну Англии, у него не было иного выбора, кроме как подчиниться. Постоянная угроза в виде 28 000 солдат была расквартирована в Байонне и не допускала возражений. Эта армия Жиронды состояла по большей части из молодых и неопытных призывников, но они были французами и поэтому считались непобедимыми. Конфискации британской собственности также требовал Наполеон, но в этот момент принц-регент потянул время, тем самым дав большинству жителей Великобритании время покинуть страну, навлекая на себя гнев императора. Истории Наполеона было рассказано достаточно, чтобы показать, что он не верил в полумеры; когда государство колебалось в исполнении его воли, обычно следовало быстрое возмездие. Жюно немедленно получил приказ проследовать в Испанию, где к нему присоединятся войска этой национальности, и войти в Португалию. По другую сторону французских границ марш был совершен с большим трудом: непроходимые горы, разлившиеся реки и почти непрекращающийся дождь делали продвижение чрезвычайно медленным и опасным.

Охваченные паникой королева, регент, королевская семья, двор и многие представители знати отплыли в Бразилию под защитой британского флота под командованием сэра Сиднея Смита, блестящего молодого офицера, который уже перешел дорогу Наполеону в Сирии. Страх перед французами был так велик, что на пристани в Белене осталось не менее четырнадцати телег с пластинами. Если бы не непроходимость реки Зезере, которая помешала Жюно быстро продвигаться вперед, королевским беглецам не удалось бы добраться до Рио-Жанейро.

Оборванные полки Жюно без особых проблем заняли Лиссабон. Вряд ли можно было ожидать сильного сопротивления, учитывая, какой плохой пример подали народу те, кто им правил. Какое-то время казалось, что все, связанное с французской оккупацией, будет улажено удовлетворительным образом. Прокламация, изданная Жюно, ныне герцогом Абрантесом и губернатором Португалии, 1 февраля 1808 года, не делала секрета из намерений Наполеона.

“Дом Браганса, - говорится в нем, - перестал править Португалией; и император Наполеон, взяв под свою защиту прекрасное королевство Португалия, желает, чтобы им управляли на всей его территории от имени его Величества и главнокомандующего его армией”.

Должно быть, это было горькое чтение для Годоя. В секретном договоре, подписанном в Фонтенбло 27 октября 1807 года, ему были обещаны южные португальские провинции Алемтехо и Алгарве в качестве княжества за его попустительство и помощь в падении Португалии. Наполеон отплачивал ему его же монетой. Во время прусской кампании Годой вынашивал враждебные планы против Франции, надеясь на сотрудничество либо Англии, либо России. В прокламации, датированной 5 октября 1806 года, он призвал португальский народ к оружию, но тонко замаскировал имя предполагаемого врага. Блестящее сражение при Йене, однако, настолько радикально изменило политический аспект, что пришлось строить другие планы, и

Годой приложил все возможные усилия, чтобы умиротворить Наполеона. Однако Император не забыл; он никогда этого не забывал и отвечал злом на зло. Получив помощь испанских войск и воспользовавшись испанской территорией для прохода своих солдат, император считал неудобным выполнять свою часть сделки, и поэтому принц Мира, чтобы присвоить Годю его официальный титул, ушел ни с чем.

Дела королевского дома Испании шли далеко не так хорошо. Карл IV. а его сын Фердинанд, принц Астурийский, поссорился, и король зашел так далеко, что арестовал своего наследника по обвинению в заговоре против трона. Главной причиной разногласий была ненависть принца к Годю, который на каждом шагу вставал между ним и его отцом и, предположительно, мог лишить его права наследования трона. Наполеон, всегда стремившийся извлечь выгоду из невыгодного положения другого, предположил, что эта ссора позволит ему уладить дела в восточной части полуострова по своему усмотрению. Следовательно, еще одна армия численностью в 25 000 человек была сосредоточена в Байонне, которая без предупреждения вторглась на испанскую территорию в конце ноября 1807 года. За ними следовали другие корпуса, пока более 100 000 французских солдат не пересекли Пиренеи. Цитадели и крепости захватывались, часто путем подкупа или хитрости, а цитадель Пампелуны - из-за чрезмерного рвения гарнизона заполучить французских солдат в качестве участников игры в снежки. Этой возможности не было упущено, и пока испанцы были застигнуты врасплох, вновь прибывшие овладели фортом и оставались там до 1813 года.

Нация справедливо ассоциировала Годю с унижениями, которым подвергалась. Его дворец в Аранхуэсе был разграблен, и Фавориту повезло, что толпа не линчевала его. В конце концов король отрекся от престола в пользу своего сына, и этот поступок вызвал больше ликования, чем любое другое событие за все время его правления.

Мюрат и его войска вошли в Мадрид за день до официального въезда молодого монарха. Прибытие французских солдат не вызвало особого интереса, но Фердинанду устроили ошеломляющую овацию, женщины в своем энтузиазме разбрасывали перед ним цветы, когда он ехал верхом. Через сорок восемь часов после этого события Наполеон предложил корону Испании своему брату Людовику, королю Голландии.

Под тем или иным предлогом Фердинанда, которого Наполеон называл “врагом Франции”, убедили встретиться с императором в Байонне. Во время интервью ему сообщили, что у него может быть выбор из двух зол. Если он откажется от трона, император отдаст ему Этрурию в качестве какой-то компенсации, в противном случае он будет свергнут. Чтобы усугубить ситуацию, Карл IV по наущению Наполеона отозвал свое отречение, которое, как он заявил, было вырвано у него страхом, и сделал все, что было в его силах, чтобы побудить своего сына принять предложение Наполеона. Наконец император потерял терпение, и Фердинанду дали несколько часов, чтобы решить, подчинится ли он или будет предан суду за государственную измену. Соответственно, 6 мая 1808 года король, правивший менее двух месяцев, передал свой трон, как он полагал, его бывшему владельцу, совершенно не подозревая о том, что Наполеон потребовал отставки Карла IV. накануне. В истории зафиксировано еще несколько подлых поступков, и, конечно, нельзя найти лучшего примера отсутствия у Наполеона чувства чести в политических вопросах.

Испания теперь была в распоряжении императора. Людовик отказался от королевства, и поэтому оно было передано Жозефу, а Неаполь - Мюрату, его шурина. Император дожил до того

дня, чтобы раскаяться, как и Иосиф, который проникся любовью к неаполитанцам, но так и не смог убедить своих испанских подданных, что он не кто иной, как вульгарный выскочка, спекулирующий репутацией своего блестящего брата.

Батист Капефиг, выдающийся французский историк, кратко изложил причину окончательного поражения Наполеона, и процитированные здесь отрывки имеют особое отношение к событиям, которые мы сейчас изучаем. “Наполеон, - говорит он, - потерпел неудачу не из-за противостоявших ему правительств, а из-за народа; именно тогда, когда он атаковал национальные чувства, он встретил упорное сопротивление; он странным образом злоупотребил своей диктаторской властью над Европой; он сокрушал нации своими договорами и отдавал население королям, созданным им самим; он разделил территории на части, отделив то, что прежде было объединено, и объединив те части, которые были разделены; он превратил республику в королевство; из вольного города он сделал округ одной из своих префектур; он объединил высокогорья с западом”. простое, примитивное население по сравнению со старыми и развращенными, без учета различий в языке, манерах или религиозных антипатиях. В Германии, прежде всего, его политика кажется наиболее тиранической; он отнимает провинцию у одной монархии и передает ее другой; он играет массами, как шахматными фигурами; он создает Вестфальское королевство из более чем двадцати государств или фрагментов государств; он отделяет Тироль от Австрии, не обращая внимания на традиционные обычаи, институты и манеры; Голландию, торговую республику, он превращает в королевство; в Неаполь, на окраине Италии, он отправляет одного из своих братьев. Его деспотизм не имеет себе равных, без причины или оправдания. Люди для него как безмолвное стадо крупного рогатого скота; он загоняет их в загоны или гонит перед собой своим ужасным мечом. Добавьте к этому французский дух, французский характер, который в своей гордости за основателя великой империи он хотел навязать всей Европе вместе со своим собственным сводом законов. Бог наделил каждую из различных наций своим собственным характером; к добру это или ко злу, неразумно идти ему наперекор. У Германии своя мораль и манеры; у Испании свои закоренелые привычки — возможно, они располагают к праздности, — но что это значит для чужаков? Единообразие может быть правдоподобной идеей в математике, но в моральной организации человеческого рода гармония является результатом различий”.

То, что, вероятно, является типичным подведением итогов этого дела с отчетливо британской точки зрения, представлено нам в письме, написанном Фрэнсисом Хорнером 13 июня 1808 года, в котором он говорит: “Я не могу не радоваться, что народ, носящий такое имя, как испанцы, должен бороться, по крайней мере, за свою независимость; этот пример не может быть иным, как полезным, даже если они потерпят полное поражение, для своих потомков в будущем и для всего остального человечества. Это самое отвратительное из всех чудовищных деяний, в которые ввергла его любовь Бонапарта к господству, и оно более, чем любое другое, лишено всякого намека на провокацию или безопасность. Если бы я был испанцем, я бы рассматривал сопротивление, какими бы отчаянными ни были его шансы на успех и какими бы кровавыми ни были его непосредственные действия, как неприменную обязанность соблюдать осторожность и целесообразность; выражу это предложение в самой холодной форме.... Какой момент для испанца, одаренного политическим и военным гением!”

В ожидании прибытия нового монарха Мюрату был назначен важный пост генерал-лейтенанта королевства. Он, несомненно, был хорошим командиром кавалерии, но как государственный деятель он не блистал в тот период, когда был диктатором Испании. Он дал понять, что считает

нацию уже завоеванной, и неудивительно, что его бестактное правление вызвало горькое негодование. 2 мая в Мадриде произошел бунт, короткий и яростный, но свидетельствующий о страстной натуре горожан. Восемьсот повстанцев пали на улицах, возможно, половина этого числа солдат была обращена в бегство, а двести испанцев впоследствии были расстреляны по приказу Мюрата за участие в восстании. Многие жители были вооружены только палками и камнями, другие - мушкетами, которые они с успехом использовали как на площадях, так и с крыш домов. Только когда были подтянуты дополнительные солдаты, включая мамелюков, егерей и драгун, толпа осознала безнадежность задачи, за которую они взялись. Если "кровь мучеников - это семя церкви", то кровь тех, кто пал в Мадриде в тот майский день 1808 года, была семенем, из которого был собран урожай бедствий для наполеоновской государственной мудрости. Сначала деспот не осознавал такой возможности, но на острове Святой Елены, когда откровенность не всегда была презируемой добродетелью, он сказал Лас Касес, что испанская война "была первой причиной бедствий Франции". Самоуверенность Мюрата, заявившего: "Моя победа над повстанцами в столице гарантирует нам мирное владение Испанией", - чувство, с которым согласился император, было быстро развеяно. "Ба! - воскликнул Наполеон, услышав от очевидца о революции в Мадриде и угрюмом мужестве народа. - Они успокоятся и благословят меня, как только увидят, что их страна освобождена от дискредитации и беспорядка, в которые ее ввергла самая слабая и коррумпированная администрация, когда-либо существовавшая".

В то время как официальные лица в Мадриде преклонялись перед Иосифом, жители провинций открытым восстанием показывали, что они не желают видеть его королем и не желают помощи Наполеона в управлении их страной. Священники рассказали народу о недоброжелательном обращении императора с папой Римским, о том, как французские войска вошли в Рим в феврале прошлого года, и о том, что его Святейшество потерял почти все остатки своей гражданской власти. Каждый маленький городок начал принимать меры нападения и обороны. Бесчисленные миниатюрные армии бродили среди гор, как бандиты, ожидая возможности уничтожить французский аванпост, прервать связь или напасть на дивизию, когда она маршировала, чтобы присоединиться к одному из армейских корпусов, которые сейчас перебрасываются в Испанию. Общие действия не поощрялись и обычно заканчивались катастрофой. Убийства и резня стали обычным делом с обеих сторон, заставив французских военачальников осознать, что им пришлось столкнуться с новым видом войны — нацией с оружием в руках. В конце мая 1808 года, когда народ активно организовывался, в Испании и Португалии находилось почти 120 000 французских солдат. В первых нескольких столкновениях испанцы, которых, возможно, насчитывалось 100 000 человек, включая регулярных войск, были разгромлены. Когда города подвергались осаде, французы добивались меньшего успеха, и защита Сарагосы под командованием молодого Жозефа Палафокса, чья отвага вскоре возвела его в ранг национального героя, является наиболее захватывающим эпизодом. Имя, которое должно сочетаться с его именем, - это имя Августины (или Мануэлы) Санчес. Батарея была оставлена испанцами, и эта храбрая девушка, одна из многих жителей, которые помогали защищать свой город, обнаружила, что рука мертвого артиллериста все еще сжимала зажженную спичку, после чего она схватила ее и выстрелила из ружья, тем самым привлекая внимание беглецов, которые вернулись в бой. Первая осада Сарагосы длилась почти восемь недель, но в конце концов город сдался Ланну.

Дюэсму и его французским солдатам повезло еще больше, они были вынуждены укрыться в Барселоне, где испанцы держали их в безопасности почти четыре месяца. В Медина-де-Рио-

Секо повстанцы под командованием Ла Куэсты и ирландца Блейка были полностью разбиты Бессьером. Это событие могло бы значительно ослабить национальное дело, если бы армия Дюпона не попала в ловушку Кастаньоса среди гор Сьерра-Морена. В ходе развернувшихся боевых действий 3000 французов были убиты или ранены, а 18 000 военнослужащих были вынуждены сложить оружие при последующей капитуляции Байлена. Когда Наполеон услышал о победе при Медина-де-Рио-Секо, он написал: “Бессьер возложил корону на голову Жозефа. У испанцев сейчас осталось, возможно, 15 000 человек во главе с каким-то старым болваном; сопротивление полуострова прекращено!” Он воспринял новость о капитуляции Дюпона совсем по-другому. “То, что армия должна быть разбита, - это ничто, - взорвался он после прочтения роковой депеши, - это повседневная участь войны, и ее легко исправить, но то, что армия должна подчиниться позорной капитуляции, - это пятно на славе нашего оружия, которое никогда не сможет быть стерто. Раны, нанесенные чести, неизлечимы. Моральные последствия этой катастрофы будут ужасны”. Незадачливый Дюпон был немедленно заключен в тюрьму по возвращении во Францию и оставался там до 1814 года.

Эта беда пришла не одна. Вскоре после этого последовало известие о том, что Жозеф, чувствуя, что Мадрид больше не в безопасности, счел целесообразным поспешно отступить в Бургос, расположенный за Эбро, на сравнительно небольшом расстоянии от границы. Примерно три недели спустя Кастаньос во главе своих войск вошел в столицу. Положение преемника Фердинанда быстро становилось шатким. “У меня не осталось ни одного испанца, который был бы предан моему делу”, - говорит он своему брату. “Как полководец, моя роль была бы сносной — нет, легкой; ибо с отрядом ваших опытных войск я мог бы победить испанцев, но как король мое положение невыносимо, ибо я должен убить одну часть своих подданных, чтобы заставить другую подчиниться. Поэтому я отказываюсь править народом, который не желает меня видеть”. Он добавляет, что не желает уходить побежденным, но просит предоставить ему опытную армию, чтобы он мог вернуться в Мадрид и договориться со своими мятежными подданными, прежде чем искать спокойствия в Неаполе.

В Португалии Жюно с помощью крайней жестокости преуспел в разоружении населения и захвате главных крепостей, его войска были рассредоточены по стране. Его успех заставил его почувствовать себя настолько самодовольным, что он лелеял надежду, что Наполеон возложит на него корону Португалии. В качестве предварительного шага он попытался привлечь на свою сторону знать и духовенство. У императора были другие взгляды, и, признавая неоспоримые способности Жюно, он не был слеп к его недостаткам.

В то самое время, когда король Иосиф отступал из Мадрида, 9000 британских солдат под командованием сэра Артура Уэлсли достигли устья реки Мондего и, несмотря на многие трудности, совершили высадку. Будущему герцогу Веллингтону не суждено было сохранить верховное командование, хотя он и исходил из этого ожидания. Покинув Англию, он узнал, что к экспедиции присоединятся еще три офицера, а именно сэр Хью Далримпл, тогдашний губернатор Гибралтара; сэр Гарри Беррард, гвардеец с некоторым опытом; и сэр Джон Мур, который ранее принимал участие в высадке Паоли на Корсике и видел много почетной службы в Вест-Индии и Ирландии. Уэлсли был недоволен тем, что его заменили, но он был слишком хорошим солдатом, чтобы высказывать недовольство. “Независимо от того, буду ли я командовать армией или нет, ” заявил он местным властям, “ или оставляю ее, я сделаю все возможное, чтобы обеспечить ее успех, и вы можете быть уверены, что я не буду торопить операции или начинать их ни на минуту раньше, чем они должны быть начаты, чтобы я мог

пожинать плоды успеха”. Ничто из того, что он когда-либо написал или сказал, не раскрывает больше непоколебимой чести и верности Железного герцога.

Жюно не был особенно встревожен известием о прибытии Уэлсли. Небольшие британские экспедиционные силы снова и снова высаживались в различных частях континента с 1793 года и обычно были только рады вернуться в Англию. Французский командующий с удовольствием отметил, что португальцы проявляли мало сочувствия к своим союзникам, настолько мало, что сэру Артуру было крайне трудно убедить их оказать помощь. Лиссабон все еще был слишком встревожен, чтобы Жюно мог покинуть его, и он, соответственно, приказал Луазону и Лаборду сосредоточиться близ Лейрии. Уэлсли, однако, опередил их и помешал им немедленно объединить свои силы. 15 августа у него была удачная стычка с Лабордом, а два дня спустя он одержал победу при Ролейе, где произошло ожесточенное сражение с тем же командиром. К сожалению, силы Уэлсли были недостаточно сильны, чтобы одержать решающую победу или помешать двум силам противника объединиться позже.

Теперь Жюно считал необходимым принять личное командование. Покинув Мадрид с гарнизоном из 7000 солдат, он собрал имеющиеся в его распоряжении силы, включая Луазон и Лаборде, и встретился с британцами при Вимиере 21 августа. Всего силы Уэлсли составляли около 18 000 человек, и хотя сэр Гарри Беррард был старшим офицером, он не пользовался своими полномочиями до тех пор, пока сражение не было почти завершено. В пехоте у сэра Артура было преимущество, но Жюно, имея всего 13 000 человек для выполнения поставленной им задачи, значительно превосходил его в кавалерии. Один инцидент, в частности, проясняет грязную историю драки. Во время атаки 71-го и 92-го британских полков пайпер, раненный в бедро, упал на землю. Он продолжал дуть в свой “пиброх”, заявляя, что “парни не должны хотеть музыки для своей войны”. Победа осталась за британцами, и если бы Уэлсли позволили преследовать французов, вероятно, Лиссабон пал бы. Говорят, что когда Уэлсли услышал приказ Беррарда воздержаться от преследования врага, он заметил своим подчиненным: “Нам ничего не остается, джентльмены, кроме как охотиться на красноногих куропаток!”

По предложению Жюно было достигнуто соглашение о перемирии. Это закончилось непродуманной Цинтрской конвенцией, подписанной 30 августа 1808 года, согласно которой Португалия была освобождена от 25 000 французских захватчиков. Войска были доставлены обратно во Францию британскими кораблями. Жюно был опозорен в глазах императора и больше не получал командования до начала русской кампании 1812 года. Его жена, комментируя эту кампанию, справедливо замечает: “Все, что не было триумфом, он (Наполеон) рассматривал как поражение”. Поскольку в Конвенцию не было включено положения о том, что войска не должны больше служить, нетрудно понять, почему в Великобритании был поднят народный протест против трех генералов. Вскоре стало очевидно, что Уэлсли не заслуживал нападков на Далримпла, Беррарда и на него самого в прессе и других местах. Командованием Георга III было начато расследование этого дела, и его результаты благоприятствовали решению сторон, подписавших Конвенцию, но только Уэлсли снова увидел действительную службу. Командование в Португалии было передано сэру Джону Муру, а тем временем сэр Артур занял свое место в Палате общин и возобновил свою работу в качестве ирландского секретаря, мало думая о том, что через несколько месяцев он вернется на Юг в качестве главнокомандующего.

Карикатура Вудворда, опубликованная в феврале 1809 года, очень точно отражает мнение британцев об этом деле. Это можно понять по следующим юмористическим строчкам, подражающим “Дому, который построил Джек”:—

Это французы, которые забрали Золото,
которое находилось в городе Лиссабоне.
Это сэр Артур (чья Доблесть и мастерство
начинались так хорошо, а закончились так плохо), который
победил французов, захвативших Золото, которое
лежало в городе Лиссабоне.

Это *Конвенция* которой никто не владеет,
которая спасла багаж и кости старины Жюно,
хотя сэр Артур (чья Доблесть и мастерство
начинались так хорошо, а закончились так плохо) победил
французов, которые завладели Золотом, лежащим в
Лиссабоне.

Это Джон Буль, пребывающий в великом смятении при
виде Кораблей, увозивших
золото и серебро и всю добычу, которую французы
с таким трудом награбили после
Конвенции, которая никому не принадлежит, которая спасла
Багаж и кости старого Жюно, хотя "Сэр Артур
(чья Доблесть и мастерство так хорошо начинались, но так плохо закончились)
разбил французов, захвативших Золото,
которое находилось в Лиссабоне.

ГЛАВА XXIII

Слава при Эрфурте и унижение в Испании (1808-1809)

Облако несчастий, окутавшее французские армии в Испании и Португалии, постепенно увеличивалось в размерах и плотности, пока не накрыло практически всю Европу. Воодушевленные успехом повстанцев на Пиренейском полуострове и триумфом британского оружия в Португалии, и Австрия, и Германия набрались смелости и приготовились сбросить ярмо. В Австрии был создан *ландвер*, или местное ополчение, рассчитанное на 180 000 молодых людей страны; в Пруссии повсюду возникали патриотические клубы, в то время как такие способные государственные деятели, как Штайн, который был государственным министром торговли, и Шарнхорст, умелый офицер и организатор, благородно трудились в интересах военных реформ, которым со временем суждено было принести много хороших плодов.

Наполеон был более непосредственно обеспокоен намерениями бывшей Державы. В определенной степени он подрезал крылья прусскому орлу, вынудив короля взять на себя

обязательство, что в течение следующих десяти лет его армия не должна превышать 40 000 человек. Это не помешало многим гражданским лицам тихо быть призванными в резерв для дальнейшей службы или формированию школы мысли с высочайшими патриотическими идеалами. Политика императора была абсолютно разумной. Продолжая удерживать крепости Глогау, Штеттин и Кюстрин и сократив численность национальных войск до минимума, французские войска, которые оставались в Пруссии со времен кампании по ее унижению, были освобождены для службы на Юге. Наполеон уже знал о воинственном настрое Австрии и даже немного сомневался в отношении России. Подозрения были взаимными, и, поскольку он собирался отправиться в Испанию, чтобы принять командование своими войсками, он счел целесообразным лично “прощупать” характер своего союзника.

Было условлено, что император и царица встретятся в маленьком городке Эрфурт в конце сентября 1808 года. На встречу прибыли не менее семидесяти суверенов и принцев, в том числе короли Саксонии, Баварии, Вюртемберга и Вестфалии, великий князь России Константин, принц Пруссии Вильгельм, герцоги Саксен-Веймарский, Саксен-Готский и Гольштейн-Ольденбургский, а также выдающиеся маршалы и придворные. Были рецензии, спектакли в театре, разыгранные самыми талантливыми артистами Франции — Тальме обещали “партер, полный королей”, — и оленью охоту на поле битвы при Йене. Они обменялись дорогими подарками, одним из подарков царя был великолепный персидский конь серебристо-серого цвета, которого Наполеон впоследствии, по странному совпадению, использовал в битвах при Витебске, Смоленске и Бородино во время русской кампании. Животное также сопровождало его на Эльбу.

Это грандиозное дипломатическое представление было срежиссировано великолепно. Хотя и менее драматично, чем Тильзит, оно было не менее важным. Торжества и совещания между императором и Александром продолжались семнадцать дней. Они расстались 14 октября, в годовщину великой битвы, которая так много сделала для того, чтобы Наполеон стал хозяином Пруссии. Условия Тильзитского мира соблюдались не слишком скрупулезно ни одним из монархов, и когда кто-то не уверен в собственной морали, обычно возникают сильные подозрения относительно морали других. Александр не вывел свои войска из Дунайских провинций, что наводило на мысль о том, что он все еще имел в виду раздел Османской империи, в то время как Наполеон, до своих неудач на полуострове, счел целесообразным держать большое количество войск в Силезии. Испания и Португалия были ступеньками на Восток, а также необходимыми приобретениями для укрепления его Континентальной системы — факты, которые царь всея Руси прекрасно понимал. Наполеон, который был также хорошо информирован о слабом месте своего союзника, выдвинул предложения об экспедиции в Индию и согласился на присоединение Финляндии, Молдавии и Валахии к Российской империи. Александр ответил на эти любезности одобрением недавних шагов Наполеона в отношении Неаполя, Тосканы и полуострова и пообещал оказать свою помощь, если Австрия вступит в конфликт с Францией. “Мы говорили о делах Турции в Эрфурте”, — сказал император Лас Кейсу на острове Святой Елены. “Александр очень хотел, чтобы я согласился на его вступление во владение Константинополем, но я никогда не мог заставить себя согласиться на это. Это лучшая гавань в мире, расположенная в прекраснейшем месте и сама по себе достойная королевства”. В качестве уступки Пруссии, вероятно, по желанию царя, Силезия должна была быть возвращена ее бывшему владельцу.

Канцлер Паскье говорит о Наполеоне в Эрфурте, что “Пожалуй, ни в каком другом случае гибкость и коварство его итальянского духа не проявлялись с большей выгодой”. Бутурлен утверждает, что, несмотря на эти качества, Александр чувствовал, что, когда интересы Наполеона будут ущемлены, дружба не продлится долго, “что приближался великий кризис, которому было суждено либо укрепить всемирную империю, которую французский император пытался установить на Континенте, либо разорвать цепи, удерживающие под его властью так много континентальных государств”.

Следует упомянуть о беседах, которые состоялись в это время между Наполеоном, Виландом и Гете, двумя величайшими литературными гениями, которых Германия подарила республике литературы. Оба поэта были очарованы магической личностью Наполеона, и оба оставили нам записи своих бесед с человеком, который в то время действительно был правителем королей.

“Я пробыл в комнате всего несколько минут, ” говорит Виланд, “ когда Наполеон пересек ее и подошел к нам. Меня представила герцогиня Веймарская. Он сделал мне несколько комплиментов приветливым тоном, пристально глядя на меня. Мне показалось, что немногие мужчины обладают в такой же степени способностью с первого взгляда проникать в мысли других. Я никогда не видел никого более спокойного, более простого, более кроткого или менее показного внешне. Ничто в нем не указывало на ощущение власти великого монарха. Он говорил со мной так, как старый знакомый говорил бы с равным. Что было еще более необычно с его стороны, он беседовал исключительно со мной в течение полутора часов, к великому удивлению собравшихся. Казалось, он не питал пристрастия к чему-либо веселому. Несмотря на привлекательность его манер, он казался мне бронзовым. Ближе к полуночи мне стало казаться неприличным задерживать его так долго, и я взял на себя смелость попросить разрешения удалиться: ‘Тогда идите’, - сказал он дружелюбным тоном. ”Спокойной ночи”.

Император наградил Виланда крестом Почетного легиона - знаком императорской милости, которую он также оказал Гете. Беседа между Наполеоном и последним состоялась 2 октября 1808 года в присутствии Талейрана, Дарю, Бертье и Савари. “Вы мужчина!” - воскликнул он то ли в порыве восхищения, то ли из лести, а затем спросил поэта о его возрасте и подробностях его творчества, добавив, что он прочел “Вертера” семь раз и взял с собой этот том в Египет. “После различных замечаний, все очень справедливых, ” говорит Гете, “ он указал на отрывок и спросил меня, почему я так написал, это противоречит природе. Это мнение он развил с большой ясностью. Я спокойно выслушал и с улыбкой ответил, что не знаю, высказывалось ли это возражение раньше, но нахожу его совершенно справедливым.... Император, казалось, был удовлетворен и вернулся к драме, критикуя ее как человек, изучивший трагическую сцену с вниманием судьи по уголовным делам и остро осознающий вину французов в отходе от природы. Он не одобрял все пьесы, в которых Судьба играла роль. ‘Эти пьесы принадлежат темной эпохе. Кроме того, что они подразумевают под Судьбой? Политика - это судьба!’”

Возможно, еще более интересным, поскольку оно столь существенно раскрывает взгляды Наполеона на жизнь, было замечание, сделанное им на более поздней встрече, на которой присутствовали и Виланд, и Гете. Он пожелал, чтобы последний рассказал о “Смерти Цезаря”. “Это, “ сказал он, - должно быть великой задачей твоей жизни. В этой трагедии ты должен показать миру, как много Цезарь сделал бы для человечества, если бы только ему дали время осуществить свои великие планы ”. Когда мы размышляем о событиях, непосредственно предшествовавших этому примечательному высказыванию, о грандиозных планах, которые

тогда активно пропагандировал оратор по завоеванию Европы и развитию своей Западной империи, мы можем понять, почему Наполеон хотел привлечь этого литературного гиганта на свою сторону. “Приезжайте в Париж,” сказал Наполеон в своей резкой, повелительной манере, “я желаю этого от вас. Там вы найдете более широкий круг для вашего духа наблюдения; там вы найдете огромный материал для поэтических творений”. Но этому не суждено было сбыться; у Гете были другие желания и идеалы. Если бы он удовлетворил просьбу деспота, результат был бы не более удачным, чем тот, которым сопровождалось переселение Вольтера ко двору Фридриха Великого. Гете слишком сильно любил Пруссию, чтобы покинуть ее, и хотя в чем-то он восхищался Наполеоном, он восхищался им не во всем.

Мир с Великобританией был предложен двумя императорами в Эрфурте, но Англии было слишком много чего терять, чтобы всерьез принимать такую инициативу. В своем ответе Каннинг совершенно ясно дал понять, что Георг III. не был готов нарушить верность своим португальским, сицилийским и испанским союзникам. И король, и его министр полностью осознавали характер предприятия, за которое они взялись, и, взявшись за плуг, пути назад уже не было. Их курс привел к множеству грубых ошибок за границей и множеству ожогов сердца дома, однако они преданно следовали завету великого человека, прах которого сейчас покоится в Вестминстерском аббатстве. “Англия, - сказал Питт в своей последней публичной речи, - спасла себя своими усилиями и, как я надеюсь, спасет Европу своим примером”.

Теперь мы должны взглянуть через Пиренеи на борьбу, все еще продолжающуюся на полуострове. Если бы сэр Джон Мур заручился активной и преданной помощью народа, на что он, несомненно, имел право рассчитывать, все могло бы быть хорошо для дела союзников. Предварительные успехи испанцев, однако, сделали их чрезмерно уверенными в себе, а чрезмерная самоуверенность - верная прелюдия к катастрофе. Из всех их многочисленных ошибок самой роковой было то, что они предпочли сражаться независимыми корпусами, каждый из которых подчинялся генерал-капитану. Вместо того чтобы объединиться в общем деле, между различными силами возникло значительное соперничество и множество недоразумений. Как следствие, когда Наполеон, чувствуя себя в относительной безопасности от австрийской угрозы благодаря союзу с Россией, решил лично возглавить свои армии, испанцы были плохо организованы. Напротив, их противник вскоре получил в свое распоряжение 300 000 обученных солдат, разделенных на восемь корпусов под командованием своих самых опытных генералов. “Через несколько дней,” сказал император перед отъездом из Парижа, “я отправлюсь во главе своей армии и, с Божьей помощью, корону в Мадриде короля Испании и водружу своих орлов на башни Лиссабона”. Испанцы не могли собрать в данный момент более 76 000 человек, и в то время как их кавалерия насчитывала 2000 человек, кавалерия Наполеона была по меньшей мере в двадцать раз больше. Резерв численностью почти в 60 000 испанцев собирался в тылу, но не был доступен для первого отчаянного натиска, от результата которого так много зависело. Британская армия численностью около 30 000 человек, по ряду несчастий, состояла из трех дивизий и не могла соединиться ни с одной из испанских армий, которые также были разделены.

Наполеон начал свои передвижения и вступил в действие, пока его противники думали о том, что, вероятно, произойдет. Оборванные патриоты Блейка были рассеяны Лефевром в начале ноября после поражения при Торносе и Рейносе. Сульз разгромил армию под командованием графа де Бельвидере при Бургосе 10 ноября, испанцы потеряли 2000 человек и 800 пленных, а также боеприпасы и припасы. Город, после того как был разграблен, стал штаб-квартирой

императора. 22 числа того же месяца силы Кастаньоса, усиленные людьми под командованием Палафокса и составлявшие в общей сложности 43 000 человек, были разгромлены 35 000 войсками Ланна, противостоявшими им. После такой серии поражений императору не составило труда продвинуться к Мадриду, окраин которого он достиг, форсировав перевал Сомосьерра, 2 декабря. Жители оказали некоторое демонстративное сопротивление, но они были так плохо организованы, что исключали всякую возможность серьезных оборонительных мер. Желая избавить город от бомбардировок, Наполеон послал флаг перемирия, и капитуляция была быстро подписана.

Присутствовавший при этом солдат так описывает вступление французов в Мадрид: "Тяжелое молчание, - говорит он, - сменилось той неразберихой и гамом, которые царили внутри и за стенами столицы всего лишь накануне. Улицы, по которым мы шли, были пустынные; и даже на рыночной площади многочисленные лавки торговцев предметами первой необходимости все еще оставались закрытыми. Водоносы были единственными жителями города, которые не прервали своих обычных занятий. Они передвигались, издавая свои крики гнусавым, протяжным тоном, характерным для их родных гор Галисии: "*Quien quiere agua?*" — Кто хочет воды? Покупателей не было; лодочник печально пробормотал себе под нос: "*Dios que la da*" — Это Божий дар, — и снова заплакал.

"Когда мы продвигались в центр города, мы заметили группы испанцев, стоявших на углу площади, где раньше они имели обыкновение собираться в большом количестве. Они стояли, закутанные в свои просторные плащи, и смотрели на нас с угрюмым, удрученным видом. Их национальная гордость едва ли позволяла им поверить, что кто-то другой, кроме испанских солдат, мог победить испанцев. Если им случалось заметить в наших рядах лошадь, которая когда-то принадлежала их кавалерии, они вскоре отличали ее по шагу и, очнувшись от своей апатии, шептались друг другу: "*Это испанский кабальо*" - Это испанская лошадь; как будто они обнаружили единственную причину нашего успеха".

7 декабря 1808 года Наполеон издал прокламацию, которая в значительной степени представляла собой яростную тираду в адрес Англии и англичан, чьи армии должны были быть изгнаны с полуострова. В конституции, которую он разработал для нации, он отменил незаконную инквизицию и старую феодальную систему, которая так долго держала Испанию в своих оковах, сократил количество монастырей на две трети, улучшил обычаи и попытался провести реформы, которые принесли бы пользу. "От вас зависит, - сказал император народу, - будет ли отныне эта умеренная конституция, которую я вам предлагаю, вашим законом. Если все мои усилия окажутся тщетными, и вы откажетесь оправдать мое доверие, тогда мне ничего не останется, кроме как обращаться с вами как с завоеванной провинцией и найти новый трон для моего брата. В таком случае я сам приму корону Испании и научу недоброжелателей уважать эту корону, ибо Бог дал мне силу и волю преодолевать все препятствия".

Заключительные слова заслуживают внимания. Теперь Наполеон считал себя немногим менее чем всемогущим. Загнанный силой своей собственной воли в опасную ситуацию, он должен был обнаружить невозможность отступления, когда нации, к которым он относился с презрением, почувствовали ту уверенность в себе, которая одна сделала возможными Лейпциг и Ватерлоо. Война на полуострове действительно была тем, что предсказывал Талейран, "началом конца".

После значительных колебаний, вызванных различными и часто противоречивыми сообщениями, которые он получал относительно того, что на самом деле происходило на поле боя, сэр Джон Мур, сосредоточив свои войска, осторожно начал приближаться к армии Сульта на берегах реки Кэррион. Когда Наполеон услышал об этом, он быстро решил сокрушить друзей Испании и Португалии одной лишь численностью, Бог, по его словам, был “на стороне самых больших батальонов”, параллельное замечание Нельсона “Только численность может уничтожить”. Наступила суровая зима, но, не обращая внимания на неблагоприятную погоду, император прошел со своими 40 000 человек вдоль перевала Гвадаррама сквозь слепящий мокрый снег, преодолевая не менее двадцати миль в день в течение десяти дней. Тем временем Мур оставил надежду атаковать и решил отступить как можно быстрее. К сожалению, его войска не последовали примеру своего благородного командира; они нарушили все ограничения, пили и грабили при любой возможности. Остается только добавить, однако, что при Луго, когда представилась возможность сразиться с Султом, который шел по их следу, они взялись за оружие с уверенностью и точностью, достойными самого дисциплинированного полка на британской службе. Корпус лорда Пэджета, прикрывавший отступление, вел себя с заметной храбростью и преуспел в нанесении поражения некоторым егерям, “Непобедимым” французской армии.

“Прежде чем наш резерв покинул Луго, ” пишет солдат 75-го полка, перенесший тяготы этого ужасного отступления, “ были отданы общие приказы, предупреждающие и призывающие нас сохранять порядок и идти вместе; но, увы! как могли люди соблюдать порядок среди таких страданий или люди, чьи ноги были обнажены и болели, не отставать от людей, которым повезло больше, у которых была лучшая обувь и более крепкое телосложение? Офицеры во многих пунктах пострадали почти так же сильно, как и солдаты. Я видел гвардейских офицеров и других людей, которых стоили тысячи, с кусками старого одеяла, обернутыми вокруг ступней; мужчины указывали на них со злобным удовлетворением, говоря: ”Вон уходит три тысячи в год”; или ”Вот идет блудный сын, возвращающийся к своему отцу, исцеленный от своих скитаний ”.

11 января 1809 года была достигнута Ла-Корунья, и несколько дней спустя показались приветственные паруса британских военных кораблей, готовых доставить выживших в битве, которая должна была состояться 16-го числа, в Англию и домой. Султ имел преимущество в виде еще 4000 солдат и лучшей позиции, но ему не хватало боеприпасов, в то время как британский генерал смог получить запас новых мушкетов с судов, стоявших на якоре в бухте.

Наиболее ожесточенный бой разгорелся вокруг маленькой деревушки Эльвина, поскольку французская батарея из одиннадцати орудий была установлена на гребне холма не более чем в 600 ярдах от нее, и с этой господствующей позиции снаряды с безжалостной яростью обрушивались на британских защитников. Эльвина была взята французами и вновь взята в плен благодаря доблести Чарльза Нейпира, возглавлявшего бесстрашных ирландцев из 50-го полка. Затем он попытался захватить французскую батарею, но безуспешно, и во время атаки был ранен и попал в плен.

“Мой храбрый 42-й, ” воскликнул Мур, когда враг снова наступал на деревню, “ если вы израсходовали все свои боеприпасы, у вас все еще есть штыки. Вспомните Египет! Вспомните Шотландию! Вперед, мои храбрые соотечественники!”

“Сэр Джон, ” по словам очевидца, - возглавлял все атаки“. Действительно, ему удалось избежать нескольких опасностей, прежде чем он получил смертельное ранение. Он

разговаривал с Нейпиром, когда, по словам последнего, “пуля попала в землю между ногами его лошади и моими. Лошадь резко обернулась, и я тоже машинально обернулся, но Мур заставил животное отступить и спросил, не ушибся ли я. ‘Нет, сэр’. Тем временем второй выстрел оторвал ногу 42-му мужчине, который ужасно кричал и катался по полу, вызывая волнение и тревогу у других. Генерал сказал: ‘Это ерунда, ребята, держите свои ряды. Мой добрый друг, не поднимайте такого шума; мы должны лучше переносить подобные вещи’. Он говорил резко, но это возымело хороший эффект, потому что крики этого человека пробили брешь в рядах, и люди отпрянули с места, хотя они этого не делали, когда были ранены другие, которые не кричали. Но Мур снова ушел, и я его больше не видел”.

Сэр Джон был поражен пушечным ядром, которое разорвало его плоть в нескольких местах и исключило всякую возможность выздоровления. “Я надеюсь, что народ Англии будет доволен; я надеюсь, что моя страна воздаст мне по справедливости”, - таковы были благородные слова, слетевшие с его пересохших губ, когда он умирал на поле победы.

“Мы похоронили его в темноте, глубокой ночью,
воткнув штыки в землю;
При тусклом свете пробивающегося лунного луча,
И тускло горящем фонаре”.

ГЛАВА XXIV

Австрийская кампания (1809)

Говорят, что в одном памятном случае Уолпол произнес фразу: “Сейчас они звонят в колокола; скоро они будут заламывать руки!”, имея в виду всеобщий протест противвойны со стороны Великобритании. Если бы это было произнесено австрийским государственным деятелем в начале 1809 года, оно было бы столь же уместно. Мыслящие люди признавали, что армия еще не была готова встретить Наполеона, несмотря на то, что после Аустерлицкой кампании 1805 года совершенствование ее вооруженных сил привлекло внимание эрцгерцога Карла, главнокомандующего. Он был убежден, что его войска не готовы выйти на поле боя, и возглавил партию мира исключительно из-за этого. Однако партия войны, возглавляемая графом Стадионом, способным и энергичным министром иностранных дел, и поддерживаемая императрицей, имевшей значительное влияние на своего августейшего мужа, оказалась более могущественной. Его сторонники были уверены, что, поскольку война в Испании неизбежно занимала так много внимания Наполеона и отвлекла на себя такую большую часть его войск, пришло время нанести удар. Австрийские дипломаты тщетно пытались добиться расположения России и Пруссии, но безуспешно; у царя в тот момент не было желания порывать со своим союзником; Фридрих Вильгельм дрожал за свой трон.

В январе 1809 года война была неизбежна. Наполеон, обманутый относительно реального положения дел в Испании, 16-го отправился в обратный путь во Францию. Он сразу же начал

организовывать свои войска, и Бертье был назначен командующим до прибытия императора на место боевых действий. Четкие инструкции Наполеона были следующими: —

“К 1 апреля корпус маршала Даву, который 17 марта отошел от Одера и Нижней Эльбы, будет размещен между Нюрнбергом, Бамбергом и Байройтом; Массена будет около Ульма; Удино между Аугсбургом и Донаувертом. С 1-го по 15-е три французских корпуса численностью 130 000 человек, помимо 10 000 союзников, баварцев, наступающих на Изер, и вюртембергцев в резерве, могут быть сосредоточены на Дунае у Ратисбона или Ингольштадта. Сильные *тет-де-понт*ы должны быть брошены у Аугсбурга, чтобы обеспечить переправу через Лех у Ингольштадта, чтобы иметь возможность выйти на левый берег Дуная; и прежде всего у Пассау, который должен быть в состоянии продержаться два или три месяца. Цель императора состоит в том, чтобы как можно скорее сосредоточить свою армию у Ратисбона: позиция на реке Лех должна быть занята только в том случае, если она будет атакована до того, как станет возможным сосредоточение в бывшем городе. Второй корпус будет в Ратисбоне к 10-му, и в этот день Бессьер также прибывает с резервной кавалерией гвардии: Даву будет в Нюрнберге; Массена в Аугсбурге; Лефевр в одном или двух переходах от Ратисбона. Затем штаб может быть безопасно размещен в этом городе, среди 200 000 человек, охраняющих правый берег Дуная от Ратисбона до Пассау, посредством которого будут в изобилии доставляться запасы провизии и припасов всякого рода. Если австрийцы отступят из Богемии или Ратисбона, Даву и Лефевру следует отступить к Ингольштадту или Донауверту”.

9 апреля, когда начались военные действия, численность войск Наполеона была следующей: — Его новоиспеченная армия Германии на Дунае насчитывала 174 000 военнослужащих, в том числе около 54 000 военнослужащих Рейнской конфедерации; армия Италии насчитывала 68 000 человек; в Саксонии их было около 20 000; в Польше 19 000; в Далмации 10 500. Следовательно, в распоряжении императора было 291 500 военнослужащих, около 275 000 из которых были готовы выступить против Австрии к середине месяца. Это огромная цифра, если вспомнить, что он все еще находился в состоянии войны с Испанией, где было задействовано 300 000 человек, но он прибегнул к своему старому плану предотвращения призыва, в результате чего он получил 80 000 новобранцев.

Австрийские войска были разделены на три армии: Германии под командованием эрцгерцога Карла, состоящей из 189 684 военнослужащих; Италии под командованием эрцгерцога Иоанна, общей численностью 64 768 человек, включая те, что действовали в Тироле под командованием Шастелера; и Галиции под командованием эрцгерцога Фердинанда, численностью 35 400 человек; всего 289 852 человека. Резервы, составленные из *ландвера* и *укреплений в массовом порядке*, достигли 244 247 человек, но, как указывает г-н Ф. Лорейн Петре в своем мастерском исследовании этой кампании, только около 15 000 из *ландвера* были использованы в составе действующей армии в начале боевых действий. “В *ландвере* было мало боевого духа, - добавляет он, - и дисциплина была очень плохой. Один батальон атаковал и ранил штыком своего командира. Два других отказались идти. Одиннадцать чешских батальонов можно было заставить выступить только после того, как к ним добавились регулярные войска. Даже тогда у них было в среднем всего около 500 человек в каждом, и те плохо экипированы и вооружены”. Но хотя в данный момент эта организация приносила мало практической пользы, она формировала здоровое общественное мнение, которое не могло не принести пользы в последующие годы.

Военная слава Наполеона уже начала клониться к закату. В некоторых своих принципах он “стал неверен самому себе”, он не сумел достаточно четко донести свои приказы до подчиненных, а однажды, на ранней стадии кампании, упустил “шансы на решающее сражение, которое тогда, вероятно, положило бы конец войне”. Он также демонстрировал крайнее презрение к стране, которая “извлекла пользу из уроков, которые он ей преподавал”, в результате чего “ее армии и ее главнокомандующий сильно отличались от войск и лидеров 1796 и 1805 годов”, когда он скрестил шпаги с Австрией.

Мистер Петре указывает на еще один недостаток. “Замечательные успехи Наполеона во всех предыдущих кампаниях, “ отмечает он, - и высота, на которую поднялась его власть благодаря практическому подчинению всей Европы своему владычеству, имели тенденцию раздувать пламя его гордости, заставляя его считать себя непобедимым и непогрешимым, заставляя его предполагать, что то, чего он желал, обязательно произойдет. Теперь желание начало превращаться в отца мысли. Этому мы найдем множество примеров в этой кампании, наиболее примечательным, пожалуй, был случай, когда, несмотря на уверенные утверждения Даву о том, что большая часть австрийской армии находилась перед ним, император упорно продолжал верить, что Карл полностью отступил к Вене по правому берегу Дуная. Его постоянная переоценка собственных сил, не в бюллетенях, а в письмах своим генералам и министрам, являются другими примерами этого провала ”.

Кампания началась в Баварии, где в начале апреля 1809 года собралось 176 000 австрийцев. Бертье, несомненно, действовавший так, как он себе представлял, вместо того, чтобы сосредоточиться в Ратисбоне, Ингольштадте или Донауверте в соответствии с приказами, счел нужным рассредоточить свои силы, “с опасной целью”, как выразилась Элисон, “остановить продвижение австрийцев на всех направлениях”. В результате грубой ошибки Бертье Даву при Ратисбоне и Массена при Аугсбурге оказались на расстоянии тридцати пяти лье друг от друга, и эрцгерцог Карл со 100 000 войсками оказался между ними. Около Ингольштадта находились баварцы под командованием Вреде, Лефевра и резерв под командованием Удино, единственные силы, способные противостоять австрийцам, чей марш, к счастью для французов, был чрезвычайно медленным.

Император прибыл в Донауверт 17 апреля и сразу увидел опасность. “То, что вы сделали, кажется настолько странным, - писал он Бертье, - что, если бы я не знал о вашей дружбе, я бы подумал, что вы меня предаете; Даву в данный момент находится в более полном распоряжении эрцгерцога, чем во мне”.

Задачей Наполеона было привести две армии в соприкосновение друг с другом, чтобы стало возможным совместное движение. “Одно слово объяснит вам срочность дела”, - написал император Массене 18-го числа. “Эрцгерцог Карл с 80 000 человек выступил вчера из Ландсхута на Ратисбон; баварцы целый день сражались с передовым отрядом. Даву был отдан приказ двинуться с 60 000 солдат в направлении Нойштадта, где он сойдется с баварцами. Завтра (19-го) все ваши войска, которые можно собрать в Пфаффенхофене, с вюртембергцами, дивизией кирасиров и всеми людьми, которых вы сможете собрать, должны быть в состоянии ударить в тыл эрцгерцогу Карлу. Один взгляд должен показать вам, что никогда еще не было более насущного повода для усердия и активности, чем сейчас. Имея 60 000 хороших солдат, Даву действительно может выступить против эрцгерцога; но я считаю его разоренным без всяких ресурсов, если Удино и ваши три дивизии окажутся у него в тылу до рассвета 19-го, и вы

внушите солдатам все, что они должны чувствовать в столь важный момент. Все приводит нас к убеждению, что между 18-м, 19-м и 20-м числом все дела Германии будут решены”.

19-го Даву отступил из Ратисбона, оставив только 65-й французский пехотный полк охранять мост через Дунай, и после тяжелых, но нерешительных боев у Оссена вечером достиг Абенсберга, тем самым обеспечив соединение с Лефевром. При Пфаффенхофене Массена разгромил часть противника и остался там. Эрцгерцог Карл по глупости разделил свою армию, и пока он шел на Ратисбон, эрцгерцог Луи и Хиллер с 42 000 войсками, составлявшими левое крыло Австрии, были введены Наполеоном в бой при Абенсберге 20-го числа. День остался за французами, которых насчитывалось 55 000 человек, их враги потеряли более 2700 убитыми и ранеными и около 4000 пленными. По словам г-на Петре, только около 25 000 солдат с обеих сторон вступили в бой. Побежденные австрийцы отступили в направлении Ландсхута, несколько энергичных баварских батальонов последовали за ними. После ожесточенного боя, в ходе которого закончились боеприпасы и многие люди были убиты и ранены, единственный полк, удерживавший Ратисбон, был вынужден сдаться в тот же день, половина военнослужащих 65-го полка была взята в плен.

Утром 21-го числа Наполеон возобновил сражение против австрийского левого фланга. К и без того значительным потерям противника добавилось около 9000 человек, и это возымело желаемый эффект, не позволив им присоединиться к основной армии. Даву и Лефевр также вступили в бой с австрийским центром, который отступил, оставив на поле боя много раненых и убитых.

Теперь император был готов уделить внимание эрцгерцогу Карлу, который с 74 000 солдат был полон решимости уничтожить Даву. Французский маршал оказался в трудном положении, поскольку главная австрийская армия противостояла ему, а не Наполеону, как предполагал император утром при Абенсберге. Как мы видели, 20-го числа он разгромил только левое крыло.

Когда эрцгерцог услышал, что Наполеон напал на его след, он отказался от идеи атаковать Даву и приготовился к встрече с императором. Как только они подошли, мост, деревня и замок Экмюль были захвачены французами. Высоты были взяты штурмом в поистине великолепном стиле, и баварская кавалерия предприняла смелую попытку захватить вражескую батарею на Беттельберге, которая вела значительные бои. Они были отброшены назад, но час спустя французский кирасирский полк захватил большую часть орудий, в результате чего Розенберг, командующий четвертым австрийским армейским корпусом, был вынужден отступить. Затем император приказал кавалерии и пехоте преследовать несчастных империалистов, которые почти в панике отступили.

Теперь стало очевидно, что необходимо общее отступление, австрийское левое крыло двинулось в направлении реки Изар, основная армия после дальнейшего острого столкновения с противником достигла Дуная, предполагая отступить в леса Богемии. Подсчитано, что в этот ужасный день было убито, ранено или взято в плен около 10 000 австрийцев.

На острове Святой Елены, где, подобно старым солдатам в госпитале Челси, Наполеон так часто “снова сражался в своих битвах”, он часто упоминал битву при Экмюле. Однажды он назвал это “превосходным маневром, лучшим, который я когда-либо исполнял”, приписав его нерешительность недостатку сна предыдущей ночью.

Под покровом ночи и ранним утром 23-го числа громоздкий багаж империалистов был спешно перевезен по мосту, перекинутому через Дунай в Ратисбоне. За этим последовало отступление части армии по наспех наведенному понтонному мосту, при этом австрийский арьергард защищал неизбежно медленный и несколько трудный переход. Только девять батальонов оставались на правом берегу реки, когда Наполеон делал последние приготовления к штурму окруженного стенами города Ратисбон. Возле города уже начались бои. Лестницы были закреплены, и бесстрашный Ланн вскоре оказался внутри старинной крепости, которая быстро капитулировала.

В своем “Инциденте во французском лагере” Браунинг спел о мальчике, принимавшем участие в штурме. Он изображает Наполеона стоящим на небольшом холмике

“Вытянув шею, вы представляете, как,
расставив ноги и сцепив руки за спиной,
Словно уравниваете склоненный лоб,
Угнетающий своим умом”.

Император произносит монолог, что если Ланн “дрогнет вон у той стены”, его планы могут провалиться, когда...

“Из-за дымов батареи вылетел
всадник, связанный
Во весь опор; уздечка не натягивалась
, пока он не достиг холма.

Затем оттуда с радостной улыбкой бросился мальчик,
держась прямо
только за гриву своей лошади:
Вы вряд ли могли заподозрить...
(Он так крепко сжал губы, что
крови почти не было)
Вы посмотрели дважды, прежде чем увидели, что его грудь
Была почти разрублена надвое.

“Ну, - воскликнул он, - император, божьей милостью
мы поймали тебя Ратисбон!
Маршал на рыночной площади,
И ты скоро будешь там,
Чтобы увидеть, как твой флаг-птица хлопает крыльями на его фургонах,
где я, по желанию сердца,
посадил его!”

Глаза Наполеона вспыхнули гордостью победы, но вскоре:

“Смягчился сам, как обтягивает
пленкой глаз матери-орлицы,
Когда дышит ее раненый орленок;
‘Ты ранен!’ “Нет”, - гордость солдата
была задета за живое, он сказал:
‘Я убит, сир!’ И его вождь рядом с
Улыбающимся мальчиком упал замертво”.

Сам император был легко ранен, руководя операцией. Стреляная мушкетная пуля попала ему в правую ногу и причинила сильную боль. “Ах! Я ранен, - тихо заметил он, добавив с мрачным юмором: “Должно быть, это был тирольский стрелок, раз попал в меня с такого расстояния. Эти ребята стреляют с поразительной точностью”. Вскоре об этом заговорили за границей; от чина к чину передавалась весть о том, что “маленький капрал” ранен. Тревога была заметна почти на каждом лице. Люди, которые видели, как было убито много товарищей, и при этом на их лицах не дрогнул ни один мускул, принимали озабоченный и болезненный вид, пока их не убеждали, что ранение императора было простой контузией. Никогда за всю его карьеру не раздавалось более громких приветствий, чем когда чуть позже Наполеон проехал вдоль линии фронта. Только тогда “его дети” убедились в его безопасности.

Так закончилось то, что было названо Ратисбонской кампанией, за пять дней которой, по словам генерал-майора Августа Кейма, империалисты потеряли убитыми, ранеными и пленными около 40 000 военнослужащих. Поистине потрясающее число и красноречивое доказательство доблести и энергии их противников.

Теперь ничто не мешало Наполеону предстать перед Веной, но в то время, как его войска, окрыленные успехом, маршировали к этому живописному городу, их предводитель услышал серьезные и тревожные новости. Баварцы под командованием Вреде были разбиты 24 апреля отступающими австрийцами + под командованием Хиллера, который пытался догнать эрцгерцога Карла. Бессьер также был вынужден уйти в отставку. Вдобавок принц Евгений и армия Италии потерпели катастрофу от рук эрцгерцога Иоанна при Сачиле восемью днями ранее, и если бы немедленная концентрация различных австрийских армий не стала необходимой для обороны Вены, последствия должны были быть серьезными.

Маршал Макдональд указывает в своих “Воспоминаниях”, что поражение в Италии имело второстепенное значение; решающим пунктом была Германия. Однако на войне необходимо учитывать моральную точку зрения, на которую он также обращает внимание. “Это могло бы оказать плохое воздействие, - говорит он, - на итальянское сознание, уже предубежденное против нас, находящееся в подчинении, но не побежденное; и на сознание немцев и их армий, хотя они так часто терпели поражение, а мы так часто вторгались на их территорию. Но они были подобны зубам Кадма: как только одна армия была уничтожена, на ее место приходила другая. Казалось, они вырастают из-под земли”. Наполеон знал, что в Тироле вспыхнуло восстание и что аналогичные движения ожидались и в других местах.

Нет необходимости следить за всеми передвижениями императора во время его похода в Имперский город. Бессьер, имевший в своем распоряжении сравнительно немного войск, вступил в конфликт с гораздо более крупными силами под командованием Хиллера и был отброшен. Маршал отчасти исправил это несчастье, пройдя через гостиницу в Пассау, где взял

несколько сотен пленных. Эти “дела” были всего лишь перестрелками в битве при Эбельсберге (иногда пишется Эберсберг) 3 мая 1809 года между генералом Хиллером и французским авангардом под командованием стремительного Массены, при которой Наполеон не присутствовал. Хиллер занял свою позицию в Эбельсберге, перейдя длинный деревянный мост через бурный Траун, приток Дуная, попасть в который можно было только через чрезвычайно узкие ворота под башней, в то время как все сооружение находилось во власти орудий в замке и рядом с ним на высотах выше. Для целей обороны ситуация приближалась к идеальной, требовалось только умелое командование. День доказал, что австрийскому генералу не хватало почти всех качеств, которыми обладали французские офицеры, противостоявшие ему, и он был недостоин людей, сражавшихся в его рядах. На мосту произошла отчаянная борьба под руководством бесстрашного Кохорна; людей сбрасывали в бушующую внизу воду, в то время как австрийские артиллеристы, возможно, не зная, что на хрупком сооружении находилось много австрийцев, вели огонь по сражающимся на мосту с катастрофическими результатами для своей стороны. Что еще хуже, взорвалось несколько вагонов с боеприпасами. Это было повторение сцены на мосту Лоди, только резня была более ужасной. После переправы замок стал следующей целью французов, но он не был захвачен до тех пор, пока многие доблестные солдаты не погибли в рукопашной схватке в городе внизу. До сих пор лишь сравнительно небольшое количество войск Массены поддерживало бой, но теперь маршал поспешил перебросить свежие силы через мост, чтобы поддержать тех, кто сражался с врагом. Постепенно люди пробились к замку, и мистер Петре рассказывает нам, что из одного полка, который появился перед ним, только полковник Пуже, который командовал, спасся без ран.

“Вход в замок, ” пишет мистер Петре, “ вел через сводчатый проход, открытый с внешней стороны, но закрытый прочными деревянными воротами с внутренней стороны. Наверху было окно, плотно зарешеченное железом, с бойницами по обе стороны. Из всего этого лился сильный огонь, особенно из зарешеченного окна. Потери осаждающих, когда они выстояли и открыли ответный огонь из открытого пространства между аркой и входом в лощину дороги, были ужасающими. Люди столпились, чтобы принять участие в драке, которой руководил Пуже из-за угла арки, откуда он мог видеть и своих людей, и зарешеченное окно. Французская пехота стреляла так быстро, как только могла; некоторые даже использовали трупы своих товарищей, чтобы поднять их на уровень окна. Тогда Пуже послал за известным спортсменом, лейтенантом Гийо, который, заняв пост в пяти ярдах от окна, начал стрелять так быстро, как только солдаты могли вручить ему заряженные мушкеты. К нему присоединились другие отборные стрелки, и, наконец, огонь австрийцев начал ослабевать. К этому времени прибыли саперы и начали ломать толстые ворота.

“В пылу боя полковнику Бодино и младшему лейтенанту Жерару из 2-го батальона удалось продвинуться вперед, хотя большая часть их батальона была заблокирована на узкой дороге позади. Этим двум бесстрашным людям, за которыми последовали еще несколько таких же храбрых, как они сами, удалось найти проход через вентиляцию подвала, откуда они проникли в замок. Между Жераром и гренадером гарнизона, которые одновременно вошли в комнату на втором этаже, произошла отчаянная стычка, которой не помешало появление третьего посетителя в виде австрийской пули. Как раз в этот момент ворота были взломаны, и гарнизон, включая, предположительно, гренадера Жерара, очень скоро сдался в плен”.

Неужели ни в одной книге нет более захватывающего приключения, чем это? И все же это лишь одно из многих, что могло бы быть связано только с этой кампанией, если бы этот том был расширен за нынешние пределы.

Но штурм замка Эбельсберг еще не закончился. Горящий город был очищен от империалистов, которые теперь обрушивали настоящий град пуль на осаждающих с окружающих высот, и их положение было крайне опасным, поскольку они были отрезаны от своих друзей и окружены только своими врагами. Почему австрийцы должны были начать отступление, когда им была предоставлена такая возможность уничтожить врага, находится за пределами понимания. Так оно и было, и они поспешили к Энсу, оставив две тысячи убитых и раненых и более того количество пленных. Французы также понесли очень тяжелые потери. Ближе к вечеру появился Наполеон и в сопровождении Савари вошел в город. Он отнюдь не был доволен ужасными зрелищами, которые предстали перед ним со всех сторон, и горько сожалел о тяжелых потерях, которые понесли его войска. Савари утверждает, что император заметил: “Было бы хорошо, если бы все разжигатели войн могли видеть такую ужасающую картину. Тогда они обнаружили бы, сколько зла человечеству приходится терпеть из-за их проектов”. Если он так говорил, это показывает, насколько он был ослеплен собственным эгоизмом; ибо Наполеон, несомненно, навязал войну несчастной Австрии, которая теперь была крайне расстроена тем поворотом, который приняли события.

ГЛАВА XXV

Австрийская кампания—*продолжение* (1809)

10 мая 1809 года французы были уже перед Веной, и велись приготовления к энергичному наступлению. Поздно вечером 11-го императорские артиллеристы начали бросать снаряды в город, который был плохо защищен эрцгерцогом Максимилианом, который слишком много думал о собственной шкуре, чтобы оказать какую-либо существенную услугу, и быстро отступил со своими войсками из столицы. Через сорок восемь часов после первого выстрела многие французские войска были в Вене, император занял свои покои во дворце Шенбрюнн неподалеку.

Здесь он издал указ об аннексии Рима, на что Пий VII. ответил Буллой об отлучении от церкви. Наполеон, всегда почитавший Карла Великого, называл этого монарха “нашим августейшим предшественником”. Он уже намекал, что папа должен быть не более чем епископом Рима, как это было при правлении основателя Западной империи. Несколько недель спустя Святого Отца сопровождали с Квиринала в Авиньон, а оттуда в Савону, в этом тихом убежище, как надеялся император, он образумится, другими словами, воспримет образ мыслей Наполеона. Однако это именно то, чего престарелый и решительный понтифик не сделал. Он предпочитал фактически оставаться узником и молиться о восстановлении своего брэнного царства, а не подчиняться диктатуре императора. Последний не считал нужным смягчаться до 1814 года, когда папа находился в то время в Фонтенбло. Он предложил восстановить часть своих штатов, но Пий VII.

отказался обсуждать какие-либо условия, кроме как с Римом, в который он вернулся после отречения императора.

Наполеону еще предстояло одержать решающую победу над своими австрийскими врагами, и пока Хильер медленно пытался соединиться с эрцгерцогом Карлом на левом берегу Дуная, император излагал своим генералам свои хорошо продуманные планы.

Об этой кампании рассказывается следующий интересный анекдот. Это показывает, как неопытный новобранец может проникнуться острым чувством ответственности, проведя несколько месяцев в рядах.

В одну из ночей часовой Жан Батист Колуш стоял на двух путях рядом с временной штаб-квартирой императора. Ему было сказано никого не пропускать, поэтому, когда его чуткий слух уловил хруст гравия на некотором расстоянии, он беспрекословно выполнил инструкции. Жан крикнул незваному гостю остановиться. Никто не обратил на это внимания; тяжелые, размеренные шаги приближались. Он снова повторил свой призыв и, вскинув карабин к плечу, приготовился стрелять. В этот момент приблизились очертания темной фигуры, которую ни с чем нельзя было спутать. Это был сам император. Когда стражники, встревоженные криками, подошли, чтобы оказать помощь, они принялись дразнить Колуче, но единственным ответом крестьянина-призывника было: “Я выполнил свой приказ”.

Это был далеко не единственный случай, когда император появлялся тогда, когда его меньше всего ожидали, и он имел обыкновение награждать солдата, которого находил в *покое* при таких обстоятельствах. С верным Колушем все было иначе. Но в 1814 году столь желанный крест Почетного легиона был приколот к его груди за героизм, проявленный в битве при Арси-сюр-Об, когда человек, которому он приказал остановиться перед стенами Вены, был вынужден отступить.

Бурьен рассказывает еще один интересный анекдот, рассказанный ему Раппом, адъютантом императора во время австрийской кампании. Это касается “одного из тех поразительных высказываний Наполеона”, цитируя Буррьена, “которое, когда его слова сравниваются с последующими за ними событиями, может показаться почти предвидением его будущей судьбы. Император, находясь в нескольких днях пути от Вены, нанял проводника, который объяснял ему названия каждой деревни или развалин, какими бы незначительными они ни были, попадавших на его пути. Гид указал на возвышенность, на которой все еще были видны остатки старого укрепленного замка. ‘Это, - сказал гид, ’ руины замка Дирнштейн’. Наполеон внезапно остановился и некоторое время молча созерцал руины, затем, повернувшись к маршалу Ланну, который был с ним, он сказал: ‘Смотрите! вон там находится тюрьма Ричарда Львиного двора. Он тоже, как и мы, отправился в Сирию и Палестину. Но Львиный двор, мой храбрый Ланн, был не храбрее тебя. В Сен-Жан-д’Акре ему повезло больше, чем мне. Австрийский герцог продал его императору Германии, который запер его вон в том замке. То были дни варварства. Насколько отличается цивилизация нашего времени! Мир видел, как я обошелся с императором Австрии, которого я мог бы посадить в тюрьму, — и я бы обошелся с ним так же снова. Я не ставлю себе в этом заслугу. В наш век коронованных особ нужно уважать. Завоеватель заключен в тюрьму!’ - и все же именно это произошло с говорившим, но несколько лет спустя.

Наконец эрцгерцог Карл и Хильер объединили силы на Марчфельде, намереваясь вернуть утраченную столицу. Наполеон решил сражаться в самом стане врага, переправившись через Дунай. С этой целью он построил ряд мостов, состоящих из лодок и понтонов, от Эберсдорфа до трех островов на реке и соединил последний и самый большой из них, Лобау, с противоположным берегом.

Первые переправившиеся войска заняли каменные деревни Асперн и Эсслинг, которые служили в некотором роде укрепленными пунктами. Французам противостояло вдвое большее число империалистов. Обе деревни были атакованы с лихорадочной энергией, атака на Асперн была более жестокой. Массена умело защищал его, в то время как Ланн в Эсслинге сражался так, как никогда раньше. Когда наступила ночь, последние все еще успешно сопротивлялись австрийцам, в то время как белые мундиры, предприняв неоднократные безуспешные попытки захватить Асперн, обосновались в церкви и на кладбище. Отчасти это произошло благодаря энергии эрцгерцога Карла, который лично возглавил последнюю атаку того дня.

Наполеон хорошо использовал наступившую ночь. Он поспешил перебросить как можно больше войск на берег Дуная, оккупированный империалистами, что было неизбежно медленным процессом из-за частых проломов во временных мостах из-за препятствий, которые австрийцы спускали вниз по быстро разливающейся реке. Эти трудности отнимали ресурсы у инженеров, но они мужественно выполняли свою задачу, в то время как войска мало заботились о том, чтобы понтоны были под водой, при условии, что они могли добраться до противоположного берега. Рано утром 22 мая насчитывалось 63 000 солдат, готовых к наступлению против империалистов, которым не приходилось так напряженно трудиться всю ночь, как французам, и которые были значительно более свежими для дневной работы. Бои при Асперне и Эсслинге уже давно возобновились, если вообще прекратились, и первая атака Ланна в тот день была направлена против австрийского центра. Французские батальоны выдержали шквальный огонь вражеской артиллерии, однако часть пехоты которой вскоре проявила такие признаки слабости, что эрцгерцог Карл, как и накануне, поднял знамя и крикнул гренадерам следовать за ним. Они сделали это с такой благой целью, что дальнейшее продвижение французской пехоты стало невозможным. Не лучше обстояли дела и у их товарищей из кавалерии, посланных им на помощь под Бессьером. Согласно некоторым сообщениям, когда победа, казалось, была почти в руках людей Наполеона, австрийцы получили подкрепление в самый последний момент, и Бессьер был вынужден отступить.

Французов ожидали другие катастрофы еще более серьезного характера. Мост между правым берегом и островом Лобау был перерезан, тем самым прервав всякую связь с войсками императора и теми, кто сражался против австрийцев.

Тем временем эрцгерцог воспользовался замешательством своего врага, атаковав две деревни, которые занимали столь видное место в сражении предыдущего дня, с большей энергией, чем когда-либо. Французы все еще продолжали сражаться. Много храбрецов пало в отчаянной борьбе, которая в конечном итоге привела к тому, что Асперн был удержан австрийцами, а французы удержали Эсслинг. Доблестному Ланну едва не оторвало оба колена выстрелом, когда битва начала затихать. Он защищал Эсслинг со всем присущим ему гением и самой непревзойденной храбростью, в полной мере восстановив свои несколько бесславные подвиги в Испанской кампании. Император часто навещал убитого горем маршала, который незадолго до своей кончины слабо пробормотал: «Еще час, и ваше величество потеряет одного из ваших

самых ревностных и верных друзей”. Это было в последний день мая 1809 года, и хозяин, которому он так хорошо служил, написал Жозефине словами, которые показывают, как остро он ценил павшего воина: “Потеря герцога Монтебелло, который умер сегодня утром, глубоко трогает меня. Так все заканчивается. Прощай, любовь моя. Если вы можете внести свой вклад в утешение бедной маркизы, сделайте это”. На острове Святой Елены падший создатель Королей сказал: “Я нашел Ланна карликом, но я сделал его великаном!”

На следующий день (23-го), когда мост был отремонтирован, французы отступили в заросший лесом Лобау, который вскоре будет переименован в остров Наполеона. Честь сражения осталась за австрийцами; великий Наполеон потерпел поражение! Верный своему кредо, император объявил о победе, “поскольку мы остаемся хозяевами поля битвы”, и просто признал, что битва была “жестоккой”, в чем в последнем утверждении он был бесспорно прав. Успех или неудача, но это доказывало его врагам, что либо военный гений Наполеона дал сбой, либо он предпринял больше, чем мог осуществить. Эта катастрофа, добавленная к тем, что произошли на полуострове, была расценена в определенных кругах как несомненное доказательство того, что звезда Наполеона садится. Они мало обращали внимания на тот факт, что французские войска были значительно превосходящими как в людях, так и в боевом снаряжении, помня только, что они отступили. Победенные много раз до этого, еще одно или два поражения не повлияли на престиж империалистов, но для доселе непобедимого воина не было найдено оправдания.

Воодушевленный отступлением Франции, теперь обсуждался союз между Австрией и Пруссией, но Фридрих Вильгельм проявил свою обычную нерешительность, и, следовательно, переговоры провалились, к великому разочарованию надежды императора Франциска на почти единодушное восстание в Германии.

Если бы король Пруссии обладал некоторой отвагой, проявленной несколькими офицерами, служившими в его армии, а теперь пытавшимися поднять знамя восстания против Наполеона в Вестфалии и Саксонии, Фридрих Вильгельм III. он был бы менее печальной фигурой в истории своей страны. Например, барон фон Дернабург возглавлял кампанию против непопулярного короля Иеронима, в то время как майор Фредерик фон Шиль, попытавшись захватить Виттенберг и Магдебург, отдал свою жизнь за национальное дело при штурме Штральзунда. Ни один из этих солдат удачи не добился ничего важного, главным образом потому, что имевшиеся в их распоряжении средства были ненормально малы, но они проявили дух истинного патриотизма. Герцогу Фридриху Вильгельму Брауншвейгскому удалось занять Дрезден и Лейпциг и вынудить Джерома отступить, но в конце концов восторженный доброволец и его Черная банда были вынуждены искать убежища на британских кораблях и отплыть в Англию.

В течение семи недель после битвы при Асперне две армии готовились к следующему сражению, но по оперативности и тщательности Наполеон намного опередил своих противников. Если иногда и происходили случайные бои, то обычно это было не более чем делом аванпостов. Обе стороны были слишком заняты устранением своих неудач, получением подкреплений и дополнительных припасов, чтобы тратить людей и боеприпасы впустую в конфликтах, которые не могли быть иными, чем нерешительными. Наполеон позаботился о том, чтобы новые мосты были построены более прочно, чем те, которые так сильно способствовали его поражению. Его меры по их защите были не только более полными, но и канонерские лодки

были размещены на подходящих позициях для их защиты. Лобау был укреплен; в следующем случае ничего нельзя было оставлять на волю случая.

ГЛАВА XXVI

Война в Польше и Тироле (1809)

В начале июля передвижения Наполеона показали, что битва неизбежна. С помощью ложных маневров ему удалось заставить противника поверить, что его план аналогичен тому, который был реализован в битве при Асперне. Таким образом, в то время как австрийцы занимали свое внимание мостом Асперн, войска Наполеона переправлялись по подвижным мостам ниже по реке, недалеко от Энзерсдорфа. Это было сделано во время сильной грозы, дождь промочил бедняг до нитки. 5 июля большая часть войск, находившихся теперь в его распоряжении, была готова к бою, включая войска принца Евгения. Пасынок императора, одержавший победу над эрцгерцогом Иоанном в битве при Раабе 14 июня — в годовщину Маренго — объединил силы с Наполеоном; его противник спешил на помощь эрцгерцогу Карлу. Мармон и Макдональд после беспорядочных боев также прибыли в Лобау. Французская армия теперь превосходила своих противников численностью в 30 000 человек.

Битва при Ваграме началась 5 июля, но исход был определен только на следующий день. Макдональд, сыгравший видную роль в боевых действиях, как будет рассказано далее, так описывает это в частном письме:

“Форсирование Дуная [4 и 5 июля] было шедевром поразительного гения, и император должен был задумать, создать и осуществить его. Это было совершено в присутствии армии численностью более 180 000 человек.² Противник ожидал, что попытка будет предпринята в том же месте, что и 21 мая.³ Они подготовили огромные укрепления и подтянули внушительную артиллерию; но, к их великому удивлению, они внезапно увидели, как мы атаковали их левый фланг и перевернули все линии их редутов. Мы отбросили их на три лиги назад, и когда на следующий день они попытались договориться с нами, то проиграли игру.

²На самом деле около 140 000.

³Первый день битвы при Асперне.

“Никогда, сэр, у двух армий не было более мощной артиллерии, никогда битва не велась с таким упорством. Представьте себе 1000 или 1200 артиллерийских орудий, извергающих смерть почти на 350 000 бойцов, и вы получите представление о том, на что было похоже это поле ожесточенных споров. Враг, размещенный на высотах, укрепившийся до зубов во всех деревнях, образовал нечто вроде полумесяца, или подковы. Император, не колеблясь, вошел в самую гущу их и занял параллельную позицию.

“Его Величество оказал мне честь, назначив командовать корпусом с приказом прорваться через центр противника. К счастью, мне это удалось, несмотря на огонь сотни орудий, массы

пехоты и атаки кавалерии, возглавляемой лично эрцгерцогом Карлом. Его пехота никогда не скрестила бы штыки с моей, а его кавалерия не стала бы ждать, пока подойдет моя; одни уланы держались стойко, и они были рассеяны.

“Я преследовал врага в упор штыками и пушками около четырех лье, и только в десять часов вечера, измученные и подавленные усталостью, мои люди прекратили стрельбу и преследование.

Тот же успех сопутствовал нам и во всех других пунктах. Его Величество, который руководил всем, поразил меня своим хладнокровием и точностью своих приказов. Это был первый раз, когда я дрался на его глазах, и эта возможность дала мне еще более высокое мнение, чем у меня уже было, о его великих талантах, поскольку я смог составить о них свое собственное суждение”

Наполеон почти израсходовал свои резервы, когда началось отступление Австрии. На поле боя осталось не менее 24 000 убитых и раненых империалистов, что, вероятно, на 6000 человек больше, чем потери французов. Только на рассвете 7-го победоносные войска сложили оружие. “Вскоре я заснул, ” рассказывает Макдональд, “ но ненадолго, так как меня разбудили крики ‘Да здравствует император!’, которые усилились, когда он вошел в мой лагерь. Я попросил дать мне лошадь, но ее увели. Другой у меня не было, так как остальные были далеко позади. Поскольку я не мог ходить (животное лягнуло генерала), я остался лежать на соломе, когда услышал, что кто-то спрашивает обо мне.... Он пришел по приказу императора, чтобы найти меня. Когда я заметил, что у меня нет лошади и я не могу идти пешком, он предложил мне свою, которую я принял. Я увидел императора в окружении моих войск, которых он поздравлял. Он подошел ко мне и, сердечно обняв, сказал: —

“Давай отныне будем друзьями”.

“Да, ’ ответил я, - до самой смерти”. И я сдержал свое слово не только до момента его отречения, но и после него. Он добавил: ‘Вы вели себя доблестно и оказали мне величайшие услуги, как, впрочем, и на протяжении всей кампании. На поле битвы вашей славы, где я обязан вам столь значительной частью вчерашнего успеха, я произвожу вас в маршалы Франции” (он использовал это выражение вместо “Империи”). Ты давно это заслужил.

“Сир, - ответил я, - поскольку вы довольны нами, пусть награды и компенсации будут распределены между моими армейскими корпусами, начиная с генералов Ламарка, Бруссье и других, которые так умело поддерживали меня”.

“Все, что вам заблагорассудится, - ответил он, - мне не в чем вам отказать”.

Таким резким, но характерным образом Макдональд был произведен в маршалы — заслуженное отличие, также присвоенное Удино и Мармону за их заслуги в этой кампании. Вступительное замечание Наполеона о дружбе относилось к пятилетнему позору, которому генерал подвергся из-за того, что был несправедливо замешан в делах Моро, и теперь немилость пала на Бернадотта, чей корпус плохо вел себя при Ваграме и был распущен. Таким образом, почти в то же время, когда он приобрел друга, император нажил врага. Интересно отметить, что отец Макдональда был шотландцем, сражавшимся на стороне Претендента, а его мать француженкой, и что он родился в Седане.

Наполеон, обычно наиболее активный в достижении победы, не стал активно преследовать австрийцев после битвы при Ваграме по той вполне достаточной причине, что его войска были измотаны усталостью. Если вы хотите узнать, увидеть и *почувствовать*, на что похоже поле битвы, полистайте мрачные страницы “Сартора Возрождения” Карлейля, пока не дойдете до его описания поля битвы в Ваграме. Вот отрывок, и он один из самых ярких в литературе: “Зеленая зона, - говорит философ, - вырвана и растоптана; нежная забота человека о ней, о его фруктовых деревьях, живой изгороди и приятных жилищах уничтожена порохом; и доброе поле для посева превратилось в пустынное, отвратительное место Черепов”. 10 и 11 июля были два дня тяжелых боев при Знайме, в которых принимали участие Массена и Мармон, а Наполеон появился только утром второго дня. 12-го числа было заключено перемирие.

Следует кратко остановиться на ходе войны в других частях Европы. Грозная экспедиция Вальхерена, названная так из-за ее высадки на одноименном острове, была предпринята Великобританией в качестве отвлекающего маневра против французов. Эта идея обсуждалась и была отложена в долгий ящик три года назад, чтобы возродиться, когда Австрия надавила на британское правительство с требованием направить войска в Северную Германию в надежде разжечь там восстание. Правительство герцога Портлендского, побуждаемое лордом Каслри, считало, что Антверпен был бы более желательной целью. Вместо того чтобы войска немедленно двинулись к этому городу, Флашинг должен быть сначала осажден и подвергнут бомбардировке. Этот объезд отнял много драгоценного времени, которое было с пользой использовано Бернадотом и королем Людовиком для приведения города в состояние обороны.

Командующие английскими военно-морскими силами - сэр Ричард Стрейкен и лорд Чатем соответственно — теперь вели неприличные споры относительно дальнейших действий, в то время как тем временем многие солдаты стали жертвами малярийной лихорадки. В конце концов армия отплыла домой после огромных затрат крови и сокровищ, гибели тысяч людей и потерь, исчисляющихся многими миллионами фунтов стерлингов. Об экспедиции долго говорили в британском народе, и это событие было воплощено в остроумном двустишии, которое точно подытожило ситуацию:

Лорд Чатем, не обнажив шпаги,
стоял, поджидая сэра Ричарда Стрейкена;
сэр Ричард, страстно желая быть рядом с ними,
стоял, поджидая графа Чатема.

В Испании дела Великобритании шли все хуже и хуже, и экспедиция против Неаполя под командованием сэра Джона Стюарта в конце концов была вынуждена отозвать войска после некоторых первых успехов. Англия очень сильно ощутила тяжелую руку Наполеона в мрачные дни 1809 года.

Мы отмечали, что эрцгерцог Фердинанд располагал войсками численностью 35 400 человек в Польше, которые назывались Галицийской армией. Ему противостояли князь Голицын и князь Понятовский, под командованием которых находилось около 60 000 человек, включая русских, поляков и саксонцев. Варшава была взята австрийцами под контроль после битвы при Рашине,

но после нападения на Торн эрцгерцог был вынужден отступить, военные действия в Польше были прекращены Знаймским перемирием.

В Тироле крестьянская война была отмечена многими захватывающими событиями. Жители этого живописного края лесов и гор были горячими патриотами и чрезвычайно лютой ненавистью ненавидели баварцев, под власть которых они перешли после Аустерлица. Они чувствовали, что настало время для мести, для того, чтобы показать, что в глубине души страна по-прежнему верна императору Франциску, потому что длинной линии монархов, которые пользовались своими феодальными правами более четырех столетий. Часть армии эрцгерцога Иоанна численностью около 10 000 человек под командованием генерала Шастелера была соответственно отправлена на помощь ярым националистам, которые назначили своих собственных лидеров, самым известным из которых был Андреас Хофер, владелец гостиницы и крупный торговец скотом. Был согласован сигнал; когда опилки были замечены плавающими в водах Постоялого двора, жители деревень, через которые протекала река, должны были понять, что от них ожидают всеобщего восстания. Можно было не опасаться, что новость не достигнет отдаленных районов. Народ не подвел своих вождей, и Инсбрук, столица провинции, находившаяся тогда в руках баварцев, подверглась нападению и недолго сопротивлялась доблести тирольцев. Похожая участь постигла и другие гарнизоны, и менее чем через неделю в Северном Тироле все еще держалась всего одна крепость, настолько хорошо суровые парни выполнили свою самозваную задачу. К несчастью для бесстрашных патриотов — Наполеон со своей обычной склонностью к искажению фактов называл их лидеров “разбойниками” — за их ранними победами последовали катастрофы, и Инсбрук удерживался всего шесть недель, прежде чем Лефевр вступил во владение. И снова удача улыбнулась тирольцам. Вреде, командовавший баварцами, неоправданно ослабил свои силы, отправив различные полки на соединение с Наполеоном. Воспользовавшись тем, что им было известно об этом факте, 20 000 крестьян предстали перед столицей и вернули ее себе. За стенами Инсбрука разыгрались еще два сражения, и произошли бесчисленные стычки с большой армией, которую император теперь ввел в Тироль, прежде чем пламя было окончательно потушено в декабре 1809 года. Можно с уверенностью сказать, что пепел продолжал бы тлеть гораздо дольше, если бы Хофер не стал жертвой предательства. Он был предан врагу неблагодарным священником и после суда казнен 21 февраля 1810 года. Многие из его коллег воспользовались амнистией, объявленной принцем Евгением, но и Хофер, и Петер Майер предпочли бороться до конца. Император Австрии, благодарный за услуги, оказанные ему бывшим трактирщиком, назначил вдове героя солидную пенсию и облагородил его сына.

15 октября 1809 года мир между Францией и Австрией был восстановлен Шенбрюнским мирным договором, иногда называемым Венским миром, от которого в основном выиграли первые. Не раз баланс сил в переговорах колебался, но в конце концов австрийская сторона войны была вынуждена уступить. Эрцгерцог Карл устал от сражений, коварный Меттерних не видел в их продолжении ничего, кроме катастрофы. Точно так же, как деловые люди иногда запрашивают более высокую цену, чем они ожидают получить за товар, и довольствуются тем, что их “сбивают с ног”, так и Наполеон поначалу выдвигал экстравагантные требования и довольствовался меньшими уступками. Очевидная готовность уступить, за которую он не забывал ставить себе в заслугу, позволяла ему выдавать себя за политического филантропа. Тем не менее, три с половиной миллиона человек были потеряны Австрией из-за округов, которые она уступила Франции, Баварии, России, Саксонии, Италии и Великому герцогству Варшавскому. Проводя ту же политику сокращения армии, которой он придерживался в

отношении Пруссии, Наполеон настаивал на том, чтобы Австрия содержала не более 150 000 военнослужащих. Также была взыскана крупная военная контрибуция.

Впоследствии император утверждал, что этого "фунта мяса" было недостаточно. "Я совершил большую ошибку после битвы при Ваграме, - заметил он, - не ослабив мощь Австрии еще больше. Она оставалась слишком сильной для нашей безопасности, и ей мы должны приписать наше крушение. На следующий день после битвы я должен был объявить прокламацией, что я буду вести переговоры с Австрией только при условии предварительного разделения трех корон Австрии, Венгрии и Богемии". На самом деле отречение императора Франциска было одним из его грабительских требований на ранних стадиях переговоров.

Если бы требовались доказательства истинности пословицы о том, что "правда страннее вымысла", женитьба Наполеона на эрцгерцогине Марии Луизе Австрийской, всего через несколько месяцев после того, как он пригрозил лишить трона ее отца, несомненно, оправдала бы это. Бедную бездетную, беззаботную Жозефину отдали за эту дочь цезарей. Император сначала попросил русскую принцессу, а затем так же внезапно повернулся в сторону Дома Габсбургов, потому что его прежний костюм не был немедленно принят. С этого времени дружба Наполеона с Александром стала заметно ослабевать. Царь не заблуждался, когда пророчески заметил, услышав о перемене позиции императора в ухаживании за австрийской принцессой: "Тогда следующим шагом будет загнать нас обратно в наши леса".

Неудивительно, что спустя годы Наполеон называл свой второй брак "Той бездной, покрытой цветами, которая погубила меня".

Сравнивать двух супругов Наполеона чрезвычайно сложно, потому что их темпераменты были существенно разными. Жозефина была жизнерадостной, остроумной, любила одеваться и вызывать восхищение, и воспитывалась в совершенно иной школе мышления, чем у Марии Луизы. Первая была свидетельницей и в какой-то степени ощутила ужасы Революции в их худших проявлениях; она общалась со всеми типами мужчин и женщин, некоторые из которых были хорошими, многие - плохими; вторую воспитывали со скрупулезной заботой, настолько защищали, что она едва ли знала о безумствах и грехах, которые омрачают повседневный мир. Однажды она написала подруге, что, по ее мнению, Наполеон "не кто иной, как Антихрист". Когда она услышала, что мужчина, которого она считала "нашим угнетателем", должен стать ее мужем, она подняла свои бледно-голубые глаза к небу и заметила, что птицы стали счастливее, потому что они могли сами выбирать себе пару! И все же, хотя она была в таком ужасе, у нее было определенное благородство характера, которое позволило ей понять, что, сдавшись, она выполнит двойной долг перед своим отцом и перед своей страной: "Этот брак доставляет удовольствие моему отцу, и хотя разлука с моей семьей всегда будет делать меня несчастной, я буду иметь утешение в том, что подчинилась его желаниям. И Провидение, я твердо убежден, направляет судьбу всех нас, принцесс, особым образом; и, повинувшись моему отцу, я чувствую, что повинуюсь Провидению".

Но каковы были причины расторжения Наполеоном своего первого брака, если его любовь к Жозефине не подлежит сомнению? Паскье так резюмирует этот вопрос для нас:

"В течение некоторого времени, " говорит он, " большинство его окружения, и особенно члены его семьи, убеждали его отказаться от союза, который не мог дать ему наследника и который исключал саму мысль о том, что он может мечтать о неких наиболее выгодных союзах. Уже во

время его посвящения в императоры на него оказывалось сильнейшее давление, чтобы помешать ему укрепить узы, соединяющие его с Жозефиной, короновав ее рядом с собой; но все эти усилия были сведены на нет естественным и могущественным влиянием женщины, полной очарования и грации, которая отдалась ему в то время, когда ничто не указывало на его высокие устремления, чей примирительный дух часто устранял с его пути трудности несколько серьезного характера и возвращал к нему многих озлобленных или враждебных умов, которые, казалось, потеряли надежду. постоянно был своего рода добрым гением, которому было поручено следить за своей судьбой и рассеивать тучи, которые омрачали его горизонт....

“Я никогда не забуду тот вечер, ” добавляет Паскье, “ когда отвергнутая императрица в последний раз оказала почести своему Двору. Это было за день до официального роспуска. Присутствовала большая толпа, и ужин, согласно обычаю, был накрыт в галерее Дианы на нескольких маленьких столиках. Джозефина села в центре, а мужчины обступили ее, ожидая того особенно грациозного кивка, которым она обычно награждала тех, с кем была знакома. Я постоял несколько минут на небольшом расстоянии от нее и не мог не быть поражен совершенством ее позы в присутствии всех этих людей, которые все еще оказывали ей почтение, прекрасно зная при этом, что это в последний раз; что через час она сойдет с трона и покинет дворец, чтобы никогда больше в него не возвращаться. Только женщины могут превзойти трудности такой ситуации, но у меня есть сомнения относительно того, можно ли было найти вторую женщину, которая сделала бы это с такой совершенной грацией и хладнокровием. Наполеон не проявлял такой смелости, как его жертва”.

Эрцгерцогине шел восемнадцатый год, Наполеону - сорок первый. Она была не лишена личного обаяния, хотя Паскье, который искренне сочувствовал Жозефине, едва ли отдает ей должное. “Ее лицо, ” говорит он, - было ее самым слабым местом; но фигура у нее была прекрасная, хотя и несколько скованная. Она была привлекательной личностью, и у нее были очень красивые ноги и руки”. Брак был заключен по доверенности в Вене 11 марта 1810 года.

То, что Мария-Луиза полюбила мужчину, о котором она однажды написала, что “один вид этого существа был бы худшим из всех моих страданий”, очень маловероятно, и в конце концов она обманула его. Она, конечно, не выказывала желания присоединиться к нему на Эльбе и вскоре после его смерти вышла замуж за распутного Адама Альберта, графа фон Нейпперга, ее третьим мужем был граф де Бомбель. Император верил в ее верность до последнего. “Я желаю, ” сказал он своему врачу Антоммарчи, “ чтобы вы сохранили мое сердце в винном спирте и отнесли его в Парму моей дорогой Марии Луизе. Пожалуйста, скажи ей, что я нежно любил ее и что я не перестал любить ее”.

ГЛАВА XXVII

Разбитая дружба и что она принесла (1810-1812)

Теперь Наполеон с удвоенным рвением взялся за усовершенствование своей Континентальной системы и при этом поссорился со своим братом Людовиком, королем Голландии. Молодой

монарх проводил либеральную политику, посвящая свое время и энергию интересам своего народа и заслужив его уважение, если не любовь. Наполеон всегда считал страну дамб и ветряных мельниц всего лишь провинцией Франции; Людовик был полон решимости сделать свою страну независимой. Он не верил в план императора не пускать британские товары, столь прибыльный источник дохода, и, как следствие, между Голландией и Англией велся обширный бизнес. Наполеон угрожал, Людовик тянул время, пока первый, имея на руках козырную карту, наконец не решил аннексировать Королевство, которое так открыто бросало вызов его желаниям и приказам. Луи понимал, что это, вероятно, положит конец ссоре, поскольку 21 сентября 1809 года Наполеон написал ему письмо, в котором изложил свои многочисленные претензии. Он обвинил короля в благосклонности к голландцам, которые были хорошо расположены к Англии, в произнесении речей, не содержащих “ничего, кроме неприятных намеков на Францию”, в том, что он позволил “возобновить отношения между Голландией и Англией”, в нарушении “законов блокады, которая является единственным средством эффективного нанесения ущерба этой Державе”, и так далее.

“Подводя итог, - заключил он, - присоединение Голландии к Франции - это то, что было бы наиболее полезным для Франции, Голландии и Континента, потому что это то, что было бы наиболее вредным для Англии. Эта аннексия могла быть осуществлена с согласия или силой. У меня достаточно претензий к Голландии, чтобы объявить войну; в то же время я вполне готов согласиться на соглашение, которое уступит мне Рейн в качестве границы и благодаря которому Голландия сможет выполнить изложенные выше условия”.

Император начал с аннексии острова Вальхерен. Постепенно вторжения расширялись, пока левый берег Рейна не стал полностью французским. Войска были призваны в Голландию, голландцы горько возмущались вмешательством Наполеона в дела, которые, по их мнению, его не касались. Поговаривали о восстании, о вооружении страны для сопротивления произвольным притязаниям деспота. В конце концов несчастный Людовик отрекся от престола в пользу своего сына и удалился в пределы Богемии. Немногим более недели спустя Голландия была окончательно присоединена к империи, тем самым присоединив девять департаментов к Франции. В следующем месяце Жером Бонапарт, король Вестфалии, был оскорблен появлением французских войск в устьях Эльбы и Везера. Действительно, могло бы показаться, что Наполеон намеревался оттолкнуть привязанность членов своей собственной императорской семьи. Возможно, самым испытанным братом был Джозеф, который заслуживал всяческой жалости за тот далеко не восторженный прием, который ему оказали новые испанские подданные. Люсьен уже давно поссорился с императором, и хотя последний пытался примириться, ему это не удалось. Получив разрешение Наполеона удалиться в Америку, корабль, на котором он плыл, был захвачен английским фрегатом, и в течение нескольких лет он жил жизнью сельского джентльмена в стране, которую с детства ненавидел. Несчастливая Жозефина находилась на пенсии в Мальмезоне; Мюрат не смог сойтись во взглядах со своим шурином настолько, что позже император пригрозил лишить его трона. В 1810 году Наполеон также лишился услуг и поддержки Бернадотта из-за своего избрания наследным принцем Швеции.

Но в то время как его братья и друзья таким образом отдалялись от него, Наполеон почувствовал себя с лихвой вознагражденным в марте 1811 года рождением сына, которому был присвоен звучный титул короля Рима. Следует помнить, что Карла Великого, основателя Священной Римской империи, величали “Королем римлян”. “Слава никогда не заставляла его пролить ни

единой слезинки, - говорит Констант, камердинер императора, - но счастье быть отцом смягчило его душу, которую, казалось, едва касались самые блестящие победы и самые искренние знаки общественного восхищения”.

Превосходство в войне, Наполеон также был одним из величайших администраторов, о которых у нас есть сведения. По мере развития истории его жизни мы отмечали, как он приступал к реформированию правительств различных стран, которые он завоевал, или где его словосчиталось законом. “Государство - это я”, - сказал Людовик XIV, и однажды Наполеон подытожил свой образ жизни, процитировав это замечание, которое не было простой фигурой речи. Он редко отдыхал; когда ему надоедало думать о батальонах, он думал о флотах, или колониях, или торговле. Как император, он иногда охотился, но больше из соображений политики, чем потому, что любил спорт, точно так же, как он ходил на мессу, чтобы подать хороший пример, и на первый акт новой пьесы, чтобы удовлетворить любопытство публики. Месье Фредерик Массон, выдающийся историк наполеоновской эпохи, является авторитетом в утверждении, что император однажды пообещал посетить великолепный бал, и в его честь были сделаны самые тщательные приготовления. К несчастью, императорский гость оставался наедине с министром финансов с восьми часов вечера, пока не услышал бой часов и с удивлением не обнаружил, что уже 3 часа ночи. Так называемые застольные удовольствия были для него несчастьем, и он ел свою еду, не обращая внимания ни на условности, ни на меню. Он начинал со льда, а заканчивал яствами.

“Мемуары” трех личных секретарей Наполеона, Буррьена, Меневалья и Фейна, позволяют нам близко познакомиться с творчеством великого человека. Работы Буррьена наименее аутентичны, потому что они написаны не совсем им. У императора была неприятная, с точки зрения его секретаря, привычка диктовать свою корреспонденцию полностью, и он говорил с такой скоростью, что было почти невозможно уловить то, что он говорил полностью. Перебивать его было нарушением этикета. Фейн счел необходимым оставить пробелы, которые он заполнил, когда переписывал текст с помощью контекста.

Месье Массон так описывает рабочую комнату императора в Тюильри:

“Комната, которую Наполеон превратил в свой кабинет, была средних размеров. Она освещалась единственным окном, сделанным в углу и выходившим в сад. Главным предметом мебели, размещенным посередине, было великолепное бюро, отделанное позолоченной бронзой и поддерживаемое двумя грифонами. Крышка стола скользнула в углубление, так что ее можно было закрыть, не потревожив бумаги. Под бюро, привинченным к полу, находился раздвижной шкаф, в который каждый раз, когда император выходил, клали портфель, ключ от которого был только у него. Кресло, входившее в состав бюро, было антикварной формы; спинка была обтянута зеленым керсеймерским гобеленом, складки которого скреплялись шелковыми шнурами, а подлокотники украшали головы грифонов. Император почти никогда не садился в свое кресло, разве что для того, чтобы поставить свою подпись. Он обычно сидел справа от камина, на маленьком диванчике, обтянутом зеленой тафтой, рядом с которым стояла подставка для получения дневной корреспонденции. Ширма из нескольких листьев защищала от жара костра. В дальнем конце комнаты, под прямым углом по углам, были размещены четыре книжных шкафа, а между двумя, занимавшими всю стену в конце, стояли большие напольные часы того же типа, что и те, что были приобретены Байи в 1808 году для кабинета в Компьене и

стоили 4000 франков.... Книги были также в дальнем кабинете, книги в шкафу хранителя портфеля, стоявшем сбоку от спальни, и книги также в маленькой квартире.

Напротив камина в длинном шкафу со стеклянными дверцами высотой по грудь, с мраморной столешницей, стояли ящики для бумаг, а также тома, с которыми нужно было ознакомиться, и используемые документы; без сомнения, также конная статуэтка Фридриха II, которую император постоянно держал перед глазами. Эта статуэтка была единственным произведением искусства, которое он когда-либо лично желал иметь.

В нише у окна стоял стол личного секретаря. В комнате стояло несколько стульев. Ночью, чтобы освещать свое бюро, Наполеон использовал подсвечник с двумя ветвями, с большим абажуром из обычного листового железа”.

Здесь также был задний кабинет, где император обычно принимал своих государственных министров, топографический кабинет и две небольшие комнаты. Можно сказать, что из этих апартаментов Наполеон руководил Западной Европой.

Следует кратко упомянуть о библиотеке императорской “кампании”. Тома хранились в двух шкафах красного дерева с полками; каждая книга была отмечена в миниатюрном каталоге и занимала свое особое место, время от времени внося изменения. Неизменно были представлены романы, исторические мемуары, поэзия и классика. В Ватерлоо было доставлено не менее шести сундуков с томами.

Тем временем переустройство Европы, всегда в пользу Франции, продолжалось почти без перерыва путем присоединения полосы территории здесь, нескольких миль чужих владений там. Вскоре каждый дюйм береговой линии от Рейна до Эльбы оказался под властью Наполеона. Ольденбург, герцогство, управляемое одним из родственников царя, было поглощено, ганзейские города и Вале были включены в состав постоянно растущей империи. Восстановление независимости Польши императором Франции не казалось невероятным и сильно раздражало царя. У последнего были веские основания полагать, что Наполеон предполагал такой курс при недавних территориальных приобретениях герцогства Варшавского в соответствии с условиями Шенбрюнского мирного договора. Когда он смело попросил гарантий, что королевство Польское никогда не будет восстановлено, Наполеон вежливо отказался, удовлетворившись заявлением, что он никому другому не будет помогать в этом, тем самым оставляя лазейку для своего собственного вмешательства, если сочтет это необходимым или желательным.

Такая безрассудная или, скорее, безумная политика сделала очевидным, что Наполеон больше не намеревался делить мир с императором всея Руси, как он предлагал в Тильзите и Эрфурте. Мы уже отмечали, что царь питал подозрения в лояльности своего друга, и Наполеон отвечал ему взаимностью, который был крайне раздражен тем, что Россия не соблюдала строго условия Континентальной системы, смягчение которых в значительной степени пошло на пользу как Великобритании, так и России. Александр также находился в состоянии войны с Турцией, и Наполеон, вместо того чтобы помочь своему союзнику, на что царь имел определенное право рассчитывать, попытался продлить войну в своих личных целях. Порта, подозревая скрытые мотивы, отказалась это сделать, и 28 мая 1812 года был восстановлен мир, за которым в июле последовал мир между Россией и Великобританией. Швеция, жаждавшая Норвегии и знавшая, что от Франции нельзя ожидать никакой помощи в осуществлении ее

надежд, хотя, возможно, она могла быть получена от России, также пришла к соглашению с двумя примирившимися державами после того, как Даву предпринял против нее враждебные меры в Померании. Теперь Франция и Россия готовились к войне по-настоящему серьезно. Следуя своему обычному плану, Наполеон сделал Англии предложение о прекращении военных действий. Его условия заключались в том, что нынешние хозяева тронов Испании и Неаполя должны быть признаны Великобританией, а ее войска выведены с их территории. Он, со своей стороны, обязался отозвать свои армии.

Накануне отъезда императора в Дрезден, чтобы ослепить и польстить своим союзникам последним проявлением величия, достойного Завоевателя Западной Европы, Паскье, недавно назначенный им префект полиции, имел с ним беседу. Возник вопрос о нехватке продовольствия в Париже, и Паскье осмелился заметить, что ситуация станет еще более опасной из-за отсутствия монарха. “Наполеон, казалось, был поражен этими несколькими замечаниями”, - рассказывает нам Паскье. Когда я закончил говорить, он хранил молчание и расхаживал взад-вперед между окном и камином, скрестив руки за спиной, как человек, глубоко задумавшийся. Я пошел по его стопам, когда, внезапно повернувшись ко мне, он произнес следующие слова: “Да, в том, что вы мне говорите, несомненно, есть доля правды; это еще одна трудность, добавленная ко многим, с которыми мне приходится сталкиваться *вовеличайшем, труднейшем* предприятии, за которое я когда-либо брался; но я должен довести до конца то, что я начал. *Farewell, monsieur le préfet.*”

9 мая 1812 года император и его супруга отправились в свое путешествие в столицу Саксонии. Это была длинная череда торжеств, кульминацией которых стал королевский двор, в который вошли император и императрица Австрии, короли Пруссии, Саксонии, Неаполя, Вюртемберга и Вестфалии, а также правители Саксен-Веймара, Саксен-Кобурга и Дессау. “Его дамба, ” говорит де Сегюр, “ представляла собой замечательное зрелище. Суверенные принцы ждали аудиенции у Завоевателя Европы; они были до такой степени смешаны с его офицерами, что последние часто были настороже, чтобы случайно не столкнуться с этими новыми придворными и не быть смешанными с ними ”. Его описание, возможно, немного преувеличено, но оно показало, на какую высочайшую высоту поднялся Наполеон и насколько заметной была перемена в его идеях с тех дней, когда он охотно отдал бы свою жизнь за республиканство. На острове Святой Елены он заявил, что в Дрездене он “явился как Царь царей”. Это не имело никакого кощунственного значения, а было просто выражением того уникального и всемогущего положения, которое император занимал в то время. Жители Дрездена часами ждали на улицах, надеясь хоть мельком увидеть “маленького великого человека”, который так много сделал и от которого ожидалось сделать значительно больше в предстоящей кампании. “Дело было не в его короне, - говорит граф Филипп де Сегюр, - не в его звании, не в роскоши его Двора, а в нем самом, на кого они хотели полюбоваться; они стремились заполучить воспоминание о его чертах: они хотели иметь возможность сказать своим менее удачливым соотечественникам и потомкам, что они видели Наполеона”. Англичане, у которых были все основания ненавидеть его, оставили после себя записи, свидетельствующие о том восхищении, которое император проявлял к ним в различных случаях. Немцам не за что было его благодарить, и все же они толпами стекались посмотреть на своего угнетателя.

Отнюдь не поддавшись страхам, в которых он признался Паскье, император легкомысленно отнесся ко многим трудностям, которые, как он знал, были непреодолимыми для взятой им на себя задачи. Аббату де Прадту, архиепископу Малинскому, которого он отправил посланником в

Варшаву, он сказал: “Я уничтожу влияние России в Европе. Два сражения сделают свое дело; император Александр встанет на колени, и Россия будет разоружена. Испания обходится мне очень дорого: без нее я был бы властелином мира; но когда я стану таковым, моему сыну ничего не останется, как сохранить за собой мое место”.

“Никогда успех экспедиции не был более несомненным, - заверял он своих вассалов. - Я вижу со всех сторон только вероятности в мою пользу. Я не только выступаю во главе огромных сил Франции, Италии, Германии, Рейнской конфедерации и Польши, но и две монархии, которые до сих пор были самыми могущественными союзниками России против меня, теперь встали на мою сторону: они поддерживают мою ссору с усердием моих старейших друзей”. Это было не совсем правдой, и в его армейских бюллетенях и подобных прокламациях было слишком много смака. Подобно врачу, работающему с нервным пациентом, он умолчал о некоторых неприятных особенностях этого случая. “Две монархии”, а именно Австрия и Пруссия, если бы они осмелились, предпочли бы сохранить нейтралитет, или, если бы это было невозможно, договориться с Россией, их последним ресурсом на Континенте против агрессора, который относился к ним с таким скудным вниманием. Пруссия “поддержала” ссору Наполеона настолько, что всего несколько месяцев назад питала надежды на союз либо с Россией, либо с Австрией.

Кампания 1812 года затмила по масштабам все предыдущие усилия Наполеона; простое обобщение статистических данных может дать самое большее неадекватное представление об огромном вооружении, которое он считал необходимым для нанесения смертельного удара в сердце великой Российской империи. Пламя войны на полуострове все еще тлело, что потребовало сосредоточения большого количества войск под командованием Сульта, Мармона и Сюше, которые Наполеон мог бы использовать с большей пользой, если бы дела в этом квартале были более налажены. Франция действительно была “вооруженной нацией”. Для обороны дома трудоспособные мужчины в возрасте от двадцати пяти до шестидесяти лет были разделены на три класса, 900 000 из которых должны были нести гарнизонную службу в крепостях на границах и наблюдать за побережьем, остальные 300 000 обучать и приводить себя в боеспособное состояние для немедленной службы в случае необходимости. Богатый человек считал себя счастливым, если ему удавалось найти замену менее чем за 8000 франков. Дружба императора дорого обошлась и тем принцам, которых он соизволил осчастливить своим вниманием. Рейнская конфедерация должна была предоставить 147 000 человек, Италия - около 80 000, Польша - 60 000. Франция предоставила 200 000 человек, другие страны довели общее количество до колоссальной цифры в 680 000 военнослужащих. Пруссия оказалась вынужденной предоставить 20 000 военнослужащих для вторжения на территорию царя и огромное количество овса, риса, пшеницы и других припасов, в дополнение к помещениям для госпиталей, лошадям и экипажам. Австрия должна была предоставить 30 000 солдат, но она сделала это при четком понимании того, что ее польские провинции должны оставаться неприкосновенными. Пруссия ничего не просила и ничего не ожидала.

Новая армия Наполеона была одной из самых космополитичных, которые когда-либо существовали. Там были французы, австрийцы, пруссаки, баварцы, поляки, итальянцы, иллирийцы, голландцы, швейцарцы, даже немного испанцев и португальцев. Не все эти люди последовали за ним добровольно. Действительно, в 1811 году не менее 80 000 французских призывников дезертировали или не явились по вызову. Вереница закованных в кандалы

новобранцев не была редкостью во Франции. Наполеон теперь был “общим угнетателем”, золото славы оказалось мишурой.

Пока Франция скорбела, Наполеон организовывал свои силы. Он не терпел промедления, не прислушивался ни к каким доводам, был глух к мольбам тех, кто не понимал причин, по которым он начал войну с Россией. “Император безумен, совершенно безумен”, - признался адмирал Декре другу. “Он погубит всех нас, скольких бы мы ни были, и все закончится ужасной катастрофой”. Безумен в честолюбии он, конечно, был, безумен в интеллекте он, конечно, не был.

Армия была разделена на десять больших корпусов. Первая под командованием Даву, вторая под командованием Удино, третья под командованием Нея; четвертой была Наблюдательная армия под командованием принца Евгения; пятая состояла из поляков под командованием принца Понятовского; шестая, в которую были включены баварцы, под командованием Сен-Сира; седьмая, составленная из войск Саксонии под командованием Ренье; восьмая, из вестфальцев под командованием Вандама, которого сменил Жюно; девятая была отдана Виктору, десятая - Макдональду. Впоследствии был создан одиннадцатый армейский корпус под командованием Ожеро, в значительной степени дополненный за счет девятого. Были также австрийцы под командованием принца Шварценберга, императорская гвардия и четыре кавалерийские дивизии под командованием Мюрата и Латур-Мобура.

Чтобы противостоять такому грозному войску, царь в конце концов собрал около 400 000 солдат. В начале кампании в его распоряжении было значительно меньше людей, чем у Наполеона. Они были разделены на три основные армии. Первая западная армия под командованием Барклая де Толли насчитывала 136 000 человек; вторая западная армия под командованием князя Багратиона насчитывала 39 000 человек; третья, или резервная, под командованием генерала Тормасова, насчитывала около 40 000 человек. Другие войска, привлеченные из разных мест, увеличили первоначальную численность, возможно, до 250 000 человек. Поскольку существует значительное расхождение в цифрах, приведенных наиболее надежными источниками, вероятно, точная военная мощь двух стран никогда не будет известна.

ГЛАВА XXVIII

Русская кампания (1812)

Польша была центром сосредоточения, и туда направлялась Великая армия. 11 июня 1812 года император прибыл в Данциг, который был превращен в обширный военный склад, а на следующее утро проследовал в Кенигсберг, где хранились дополнительные припасы. Он провел весь день и ночь, диктуя депеши. Дважды безрезультатно переговорив с царем, теперь он был бесповоротно предан кампании. В Вилковицком Наполеон воспользовался возможностью, чтобы разослать своим войскам бюллетень, составленный в старом стиле, который оказался столь эффективным в прежних кампаниях. Он следующий:

“Солдаты! Вторая польская война началась. Первая закончилась во Фридланде и Тильзите. В Тильзите Россия поклялась в вечном союзе с Францией и войне с Англией. Теперь она нарушает свои клятвы и отказывается давать какие-либо объяснения своему странному поведению до тех пор, пока французские орлы не перейдут Рейн и не оставят наших союзников на ее милость.

Судьба тянет ее за собой — пусть исполнится ее предназначение. Неужели она воображает, что мы выродились? Разве мы больше не солдаты, сражавшиеся при Аустерлице? Мы поставлены между бесчестьем и войной; наш выбор не подлежит сомнению. Давайте же двинемся вперед. Давайте перейдем Неман и перенесем войну на ее собственную территорию. Эта вторая польская война будет такой же славной для французского оружия, как и первая; но мир, который мы заключим, принесет с собой свою собственную гарантию и положит конец пагубному влиянию, которое Россия в течение пятидесяти лет оказывала на дела Европы”.

Обращение Александра к своим войскам, хотя и менее энергичное, чем обращение Наполеона, более достойное и сдержанное. Оно было выпущено из его штаб-квартиры в Вильно, столице Литвы, 25 июня 1812 года, на два дня позже приведенного выше.

Отступление из Москвы

В. Верещагин

С разрешения Берлинской фотографической компании, Лондон, W

“Мы давно наблюдали, ” говорится в нем, “ со стороны императора Франции самые враждебные действия по отношению к России; но мы всегда надеялись предотвратить их примирительными и миролюбивыми мерами. В конце концов, столкнувшись с продолжающимся возобновлением прямой и очевидной агрессии, несмотря на наше искреннее желание сохранить мир, мы были вынуждены укомплектовать и собрать наши армии. Но даже тогда мы льстили себя надеждой, что примирение может произойти, пока мы остаемся на границах нашей империи, и, не нарушая ни одного принципа мира, были готовы действовать только в свою защиту....

Император Франции, внезапно атаковав нашу армию под Ковно, был первым, кто объявил войну. Следовательно, поскольку ничто не может внушить ему тех дружеских чувств, которые владели нашими сердцами, у нас нет иного выбора, кроме как противопоставить наши силы силам врага, взывая к помощи Всемогущего, Свидетеля и Защитника истины. Мне нет необходимости напоминать генералам, офицерам и солдатам об их долге, возбуждать их доблесть; в их жилах течет кровь храбрых славян. Воины! вы защищаете свою религию, свою страну, и свою свободу. Я с вами: Бог против агрессора”. Александр пообещал губернатору Санкт-Петербурга, что не вложит меч в ножны, “пока на территории России остается хоть один враг”.

Практически вся Великая армия — эффективная сила в начале кампании численностью 400 000 человек — пересекла реку Неман в разных точках: войска императора под Ковно, войска Евгения и короля Иеронима под Пилонами и Гродно соответственно, остальные под командованием Макдональда под Тильзитом. Принц Шварценберг с австрийцами переправился через реку Буг. Корпус Даву удостоился чести первым вступить на русскую территорию и без особых проблем овладел небольшим городом Ковно, пунктом сосредоточения войск, упоминание о котором содержится в царской прокламации.

Элисон нарисовала для нас эту сцену в ярких красках. “Шатер императора, ” пишет он, “ был установлен на возвышенности в трехстах шагах от берега, и когда взошло солнце, он увидел великолепную массу, медленно спускающуюся к мостам. Мир никогда не видел столь великолепного строя, какой предстал перед ним; конница, пехота и пушки в прекраснейшем порядке и в высочайшем состоянии снаряжения непрерывно выступали из леса и вились по тропинкам, ведущим к реке; блеск оружия, великолепие одежды, громкие крики людей, когда они проезжали мимо императорской резиденции, внушали всеобщий энтузиазм и, казалось, служили определенным предзнаменованием успеха. Жгучее нетерпение призывников; спокойная уверенность солдат-ветеранов; самоуверенный пыл молодых офицеров; сомнительные предчувствия генералов постарше наполнили каждую грудь волнующим чувством. Первые с нетерпением ждали начала кампании как начала славы и богатства; вторые боялись ее как конца легкости и богатства. Никто не приступал к нему без тревоги и интереса. Теперь на лице императора не было заметно никаких зловещих предчувствий; радость, которую он испытывал при возобновлении войны, сообщала всеобщую степень оживления. Двести тысяч человек, включая сорок тысяч всадников, из которых двенадцать тысяч были кирасирами, закованными в сверкающую сталь, перешли реку в тот день в присутствии императора. Если бы пророческое око могло предвидеть тонкие и разбитые остатки этого огромного воинства, которому несколько месяцев спустя было суждено в одиночку вернуться на берег Немана, перемена показалась бы слишком ужасной, чтобы ее могли совершить какие-либо человеческие разрушительные силы ”.

Переход четвертого армейского корпуса проходил не при таких благоприятных обстоятельствах, но солдаты были воодушевлены известием о том, что 28 июня Наполеон вступил в Вильно. Это позволило им в некоторой степени избавиться от угнетающего воздействия сырой погоды, а присутствие Эжена, вице-короля Италии, и бесстрашного Жюно, которые лично руководили строительством моста, во многом способствовало энтузиазму. Не было врага, который мог бы им противостоять, и переправа была произведена в полном порядке.

“Едва мы достигли противоположного берега, - говорит капитан Эжен Лабом, участвовавший в экспедиции, - как нам показалось, что мы вдохнули новый воздух. Однако дороги были ужасно плохи, леса мрачны, а деревни совершенно безлюдны; но воображение, воспламененное духом завоевания, было очаровано всем и лелеяло иллюзии, которые слишком скоро разрушились.

На самом деле, наше короткое пребывание в Пилони под проливным дождем было отмечено такими необычайными бедствиями, что любой человек, не будучи суеверным, расценил бы их как предзнаменование будущих несчастий. В этой жалкой деревушке у самого вице-короля не было дома, где он мог бы укрыться; и мы были навалены друг на друга под жалкими навесами или же подвергались всем неблагоприятным погодным условиям. Крайняя нехватка заставляла нас предвкушать ужасы голода. Дождь лил проливным потоком и сбил с ног как людей, так и лошадей; первые спаслись, но плохие дороги довершили разрушение последних. Их видели падающими сотнями в окрестностях Пилони; дорога была усеяна мертвыми лошадьми, перевернутыми повозками и разбросанным багажом. Это было в июле месяце, когда мы так страдали от холода, дождя и голода. Так много бедствий пробудили в нас печальные предчувствия будущего, и все начали опасаться предприятия, начало которого было столь катастрофическим; но солнце снова появилось на горизонте, тучи рассеялись, наши страхи рассеялись вместе с ними, и в тот момент мы подумали, что прекрасное время года будет длиться вечно”.

Повествование капитана изобилует подобными примерами, свидетельствующими о почти полной несостоятельности комиссариата, на который было возложено столько забот и тревог, о коварном характере погоды и невозможности в такой бесплодной стране претворить в жизнь принцип Наполеона о том, что война должна поддерживаться сама по себе. Действительно, была продемонстрирована истинность другого принципа императора, гласящего, что “армия марширует на животе”. В абзаце, непосредственно следующем за процитированным выше, Лабом говорит, что, войдя в Крони, солдаты снова обнаружили дома опустевшими, “что убедило нас в том, что враг, чтобы разорить страну, через которую нам предстояло пройти, и лишить нас всех средств к существованию, увел с собой жителей и скот”. За пятьдесят миль марша погибло не менее 10 000 лошадей.

Но вскоре возникла еще большая трудность, чем те, которые мы перечислили. Русская армия, подобно блуждающему огоньку, заманивала французов все дальше и дальше от их базы серийей отступлений, которые лишили Наполеона возможности обрушиться на врага с яростной быстротой, характерной для его метода ведения войны. Александр играл в выжидательную игру. Когда ряды врага поредели из-за смерти, болезней и дезертирства, когда нужда и лишения шли рука об руку с французскими армиями, с трудом пробиравшимися по заснеженным колеям, — вот тогда и пришло время нанести удар. Царь мог позволить себе ждать, его противник - нет; один находился в обороне, другой - в наступлении, причем за много сотен миль от столицы своей громоздкой Империи. У солдат практически не было возможности оказывать нежелательное внимание жителям деревень, через которые они проезжали. Крестьяне покинули свои жалкие деревянные лачуги, мебель из домов многих дворян была вывезена, сделав эти места почти такими же унылыми, как хмурые леса, где искали убежища их бывшие владельцы.

В Вильне, которую русские эвакуировали, Наполеон не испытал ни одной из этих неприятностей. Поляки, страстно желавшие восстановить независимость своей любимой

страны, считали его своим потенциальным освободителем, вручали ему ключи от города, надевали свои национальные костюмы и предавались веселью. Древняя столица Литвы пробудилась от долгого сна. Депутация за депутацией ожидали императора, жажда услышать слова, которые вернут им утраченную свободу. Они так и не были произнесены; он не осмелился нарушить доверие своих союзников на данном этапе. Он давал туманные обещания, чтобы подстегнуть их энтузиазм, создал временное правительство и начал реорганизовывать провинции со своей обычной проницательностью, но дальше этого он не пошел. Поляки хорошо отплатили ему, немедленно приказав предоставить в распоряжение императора около 12 000 человек, и от начала до конца они предоставили не менее 85 000 солдат. На сейме (парламенте) Варшавы он признал, что не может санкционировать никаких движений, которые могли бы поставить под угрозу мирное владение польскими провинциями Австрии, но он выпустил пламенное воззвание к тем, кто служил под знаменами России. Он гласит:

“Поляки! Вы под русскими знаменами. Вам было позволено служить этой Власти, когда у вас больше не было собственной страны; но теперь все изменилось; Польша создана заново. Вы должны бороться за ее полное восстановление и заставить русских признать те права, которых вы были лишены несправедливостью и узурпацией. Всеобщая конфедерация Польши и Литвы отзывает каждого поляка с российской службы. Генералы Польши, офицеры и солдаты, прислушайтесь к голосу своей страны; бросьте знамена своих угнетателей; поспешите встать под орлы Ягеллонов, Казимиров и Собесков!⁴ Этого требует от вас ваша страна; честь и религия в равной степени требуют этого”.

⁴Бывших польских короля.

Обратите внимание на тонкую фразу: “Польша создается заново”. Она восхитительно расплывчата, мало что значит, но передает многое, и, вероятно, многие понимают ее как обещание долгожданного восстановления.

Наполеон не покидал Вильно, где он задержался слишком надолго, до 16 июля, но войска под командованием короля Жерома и Даву были заняты попытками отрезать князя Багратиона от основной армии под командованием Барклая де Толли. Эта мера была далека от успеха. Джером двигался слишком медленно, последовали два сражения, в которых русские добились успеха, и Багратион успешно отступил к Бобруйску, Барклай отступил к Дриссе, где строился укрепленный лагерь, а затем к Витебску. Наполеон был взбешен неудачей своего брата, сказав: “Невозможно совершить маневр хуже, чем он совершил”, и заменив его более энергичным Даву. Намереваясь сразиться с Барклаем, Наполеон двинулся к Глубокому, но обнаружил, что противник проследовал к Витебску, который, в свою очередь, был эвакуирован в Смоленск, где Багратион соединил руки с Барклаем 2 августа. Некоторые преимущества получили Мюрат, Макдональд и Удино, но прекрасная возможность разгромить две армии по отдельности была упущена, и объединенные силы теперь насчитывали около 120 000 военнослужащих. Император снова по разным причинам потерял время в Витебске, центр которого несколько его офицеров хотели превратить в зимние квартиры армии. Он уже потерял 100 000 человек, не добившись ничего важного, и, как он сам признавал, “Россия слишком сильна, чтобы сдаться без боя: Александр не станет предпринимать никаких действий, пока не будет разыграна великая битва”. Император был за то, чтобы продвигаться вперед, и не потерпел бы никакого вмешательства. “Зачем нам оставаться здесь восемь месяцев, - спросил он своих генералов,

когда обсуждался этот вопрос, “ когда двадцати дней достаточно для достижения нашей цели? Давайте дождемся зимы и ее отражений. Мы должны нанести быстрый и решительный удар, иначе мы окажемся в опасности. Мы должны быть в Москве через месяц, иначе мы никогда там не будем. Под ее стенами нас ждет мир. Если Александр все еще будет упорствовать, я буду вести переговоры с его дворянами: Москва ненавидит Санкт-Петербург; последствия этой ревности неисчислимы”.

Воодушевленный поражением авангарда под командованием Мюрата, император решил атаковать Смоленск практически всей своей армией. По словам Шамбре, теперь эта численность сократилась, без учета различных отрядов, примерно до 194 000 человек. 16 августа Ней, со всем своим прежним пылом и энергией, попытался штурмовать цитадель и был отбит. Следуя своему прежнему плану и опасаясь быть отрезанной от Москвы, часть русской армии под командованием Багратиона начала отступать рано утром следующего дня, Барклай остался защищать город примерно с 30 000 солдат. После долгих ожесточенных боев император овладел пригородами, но потери с обеих сторон были серьезными. Очень скоро густые клубы дыма, поднимавшиеся над городом, окруженным стеной, сделали очевидным, что к ужасам выстрелов и снарядов добавился ужас пожара. Пламя вырвалось во все стороны, деревянные крыши домов поменьше быстро обвалились, здания побольше загорелись и сгорели, раздуваемые ветром. Через несколько часов Смоленск был немногим больше, чем тлеющий склеп. Чем закончился этот ужасный инцидент, лучше всего рассказывает очевидец, офицер французской армии.

“В час дня руины города были покинуты”, - говорит он. “Наши первые гренадеры приготовились к прорыву в два часа ночи, когда, приблизившись без сопротивления, они обнаружили, что место было полностью эвакуировано. Мы овладели им и нашли на стенах много обломков пушек, которые враг не смог забрать.

“Никогда, - добавляет рассказчик, - вы не сможете составить адекватного представления об ужасной сцене, представшей моему взору в окрестностях Смоленска, и никогда в течение всей моей жизни я не смогу забыть этого. Каждая улица, каждая площадь были покрыты телами русских, мертвых и умирающих, в то время как пламя отбрасывало на них ужасающие отблески”.

Лабом так продолжает ужасную историю, начатую его другом:

“На следующий день (19 августа) мы вошли в Смоленск через предместье, построенное вдоль реки. Во всех направлениях мы шли по разбросанным руинам и мертвым телам. Все еще горящие дворцы представляли нашему взору только стены, наполовину разрушенные пламенем, и среди обломков виднелись почерневшие тела несчастных обитателей, которых поглотил огонь. Немногие уцелевшие дома были полностью заполнены солдатами, в то время как у дверей стояли несчастные владельцы, не имевшие убежища, оплакивающие смерть своих детей и потерю своего имущества. Одни только церкви приносили некоторое утешение несчастным жертвам, у которых не было другого убежища. Собор, прославленный по всей Европе и пользующийся большим почитанием у русских, стал убежищем для несчастных, спасшихся от огня. В этой церкви и вокруг ее алтарей можно было увидеть целые семьи, распростертые на земле; в одном месте был старик, только что скончавшийся и бросивший взгляд на изображение святого, к которому он взывал всю свою жизнь; в другом - младенец, чей слабый крик мать, измученная горем, пыталась унять.... Посреди этого запустения проход

армии в глубь города представлял собой разительный контраст. С одной стороны, была видна униженная покорность побежденных, с другой — гордость, сопутствующая победе; первые потеряли все, а вторые, богатые добычей и не ведающие о поражении, гордо маршировали под звуки воинственной музыки, внушая несчастным остаткам побежденного населения смесь страха и восхищения”.

Император снова задумался, очевидно, не решаясь предпринять следующее движение. Должен ли он занять зимние квартиры в Смоленске, как он первоначально намеревался, или продвигаться к Москве? Произошла великая битва, и все же ситуация оставалась неизменной. Он просто взял разрушенный город! Ней, Груши и Мюрат, которые последовали за отступающими русскими, 19-го числа могли рассказать лишь печальные истории, и действия под Валутино в тот день были нерешительными, в основном из-за колебаний Жюно прийти на помощь Нею. Казалось, что только поражения и катастрофы сопровождали усилия Великой армии. Наполеон все еще колебался. Как мог он, фактический Хозяин Европы, Завоеватель, который никогда не терпел неудачи, спокойно отложить в сторону свой меч и тем самым молчаливо признать неудачу? Нет, десять тысяч раз нет; он будет продвигаться к Москве, даже если рухнут небеса!

ГЛАВА XXIX

Триумфальный въезд в Москву — и после (1812)

Недовольство было свойственно не только французской армии в кампании 1812 года. Русские войска говорили о своих генералах резкие вещи, которые не всегда были оправданны, а патриотические чувства дворян несколько пострадали из-за продолжающихся отступлений, которые были восприняты как свидетельство слабости. В качестве уступки общественному мнению сильно оклеветанный Барклай был заменен Кутузовым, русским главнокомандующим при Аустерлице, стариком, приближавшимся к семидесяти годам, который только недавно вернулся с войны, которую его страна вела с Турцией. У него должна была быть возможность продемонстрировать свою доблесть в течение нескольких дней после вступления в армию, которая теперь насчитывала почти 104 000 человек против 125 000 или около того у Наполеона. Ожесточенные бои произошли 5 сентября, редут близ деревни Шевардино был трижды взят и отвоеван авангардом, прежде чем русские окончательно отступили. Кровавое пролитие было настолько велико, что, когда император впоследствии спросил, где находится определенный батальон, он получил ответ: “В редуте, сир”, поскольку все до единого погибли в ходе отчаянной атаки. Более 1000 человек с обеих сторон погибли при защите или штурме этой позиции.

Враг отступил к Бородино, название которого всегда будет ассоциироваться с одним из самых ужасных сражений, когда-либо происходивших на европейской земле. Когда 7 сентября взошло солнце, Наполеон воскликнул: “Это солнце Аустерлица!” - и вскоре после этого издал следующее воззвание, которое вызвало некоторый энтузиазм среди его войск, но не вызвало всеобщих аплодисментов. Оно короткое и показывает, что император придавал сражениям под Витебском и Смоленском большее значение, чем того требовали факты:

“ Солдаты! Близится битва, которой вы так долго желали. Отныне победа зависит от вас самих. Это стало необходимым и даст вам изобилие; хорошие зимние квартиры и скорейшее возвращение на родину! Ведите себя так, как вы вели себя при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть самые отдаленные потомки расскажут о ваших действиях в этот день. Пусть ваши соотечественники скажут обо всех вас: ”Он был в той великой битве под стенами Москвы!”

Стрельба началась в шесть часов и продолжалась в течение тревожных двенадцати часов. Соперники сражались с такой решимостью, каждый снова и снова занимал и терял позиции, что временами было трудно сказать, у какой армии преимущество. По словам Лабома, тридцать императорских генералов были ранены, включая Даву и Раппа, причем первого сбросило с лошади, когда он упал замертво, а второго ударило пулей в бедро. Генерал Огастес де Коленкур, брат более знаменитого Армана де Коленкура, герцога Виченцкого, проявив чудеса доблести в русских окопах, где велись самые ожесточенные бои, был убит, как и генерал Монбрен незадолго до этого, возглавляя аналогичную атаку. Князь Багратион впоследствии скончался от полученных ранений, и многие другие русские генералы были более или менее серьезно ранены.

Ключ к позиции, русская укрепленная батарея с ее ужасной кучей мертвых и умирающих, был наконец захвачен французами. Офицер, командовавший им, собирался скорее броситься на свой меч, чем сдаться, но победители вовремя помешали ему, взяв его в плен.

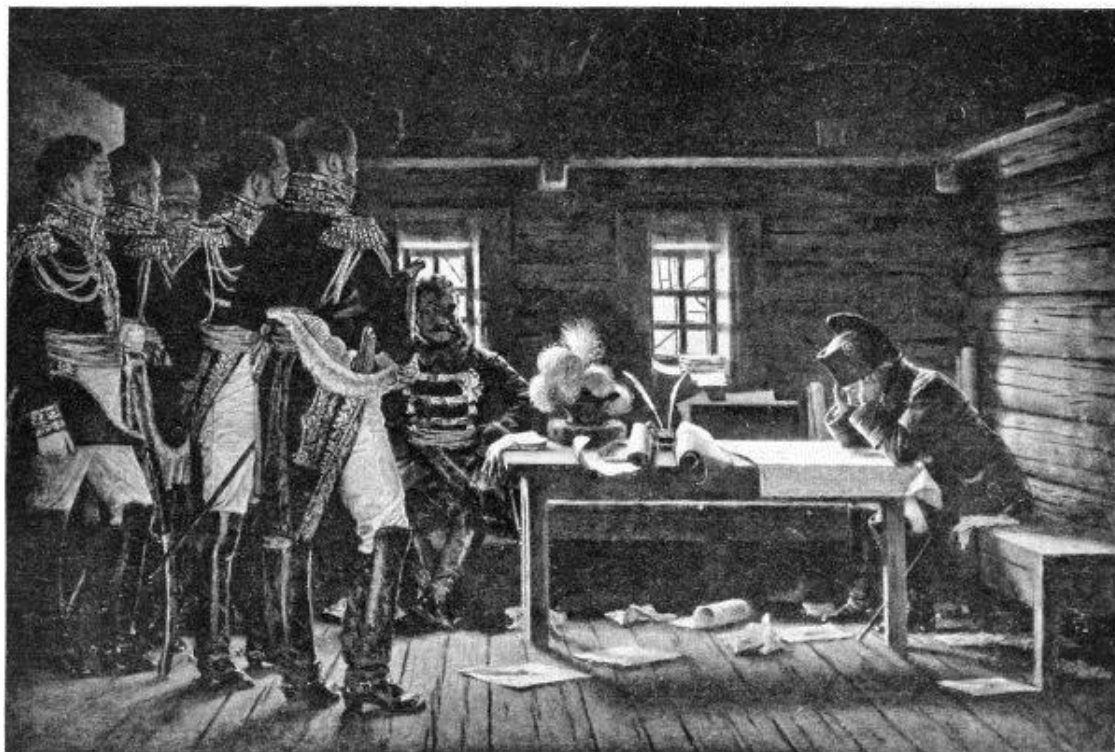
Когда Наполеон и его штаб осматривали поле боя, его лошадь наступила на раненого, чьи стоны привлекли внимание всадника. “Это всего лишь русский”, - сказал один из его сопровождающих, вероятно, чтобы успокоить чувства Наполеона, а не из-за недостатка сочувствия. “После победы, ” парировал император, “ врагов нет, есть только люди”. Он не был черствым и не любил войну ради нее самой. Его радовал результат - смирение врага, присоединение территории к империи, забивание еще одного гвоздя в крышку гроба Англии. Увечные всегда были его первой заботой после битвы. Его главным грехом было ненормальное и, следовательно, нездоровое честолюбие — порок, на который он так много ругался в молодости.

Наполеону не удалось использовать свои 20 000 гвардейцев при Бородино, почему - до сих пор остается предметом догадок. Некоторые авторы утверждают, что с его стороны было бы глупо использовать свои последние резервы, другие считают, что если бы он бросил их в бой, то мог бы уничтожить русскую армию и избавить себя от последовавших за этим мучений. Причина, которую он привел, заключалась в следующем: “В 800 лье от Парижа нельзя рисковать своим последним резервом”.

Мистер Херефорд Б. Джордж, один из наших крупнейших авторитетов по вторжению в Россию в 1812 году, утверждает, что Бородино было бойней, которая стоила участникам не менее 70 000 человек убитыми и ранеными. “Ни в одном сражении современности, - говорит он, подводя итог, - ни в одном столкновении со времен, предшествовавших появлению пороха, когда побежденная сторона могла быть уничтожена *свободно* победителями и редко давалась пощада, не было такой ужасной резни.... Можно ли справедливо назвать это бесполезным, можно усомниться, за исключением номинального победителя. Наполеон, безусловно, заслуживает этого титула: враг был выбит со своих позиций и, как оказалось, оставил открытым путь на Москву. Столь многого он мог бы достичь маневрированием; большего он не смог бы

достичь, если бы мужество его врагов не дрогнуло. Без храбрецов, павших при Бородино, Наполеон не смог бы предпринять никаких дальнейших наступательных действий, поскольку его оккупация Москвы не привела ни к каким попыткам заключить мир. Без них он значительно уступал в силах, когда, наконец, началось неизбежное отступление. Русские призывы, воспетые в честь победы, о которой ложно заявлял Кутузов, на самом деле были лишь преждевременными”.

Священная Москва должна была стать городом изобилия, ее появление стало вестником более счастливого порядка вещей. 14 сентября, когда Наполеон выехал вперед со своими войсками, его взору предстали ее купола и минареты. Сегюр говорит, что солдаты кричали “Москва! Москва!” с рвением моряков, увидевших землю после долгого и утомительного плавания. Город больше походил на мираж, чем на дом четверти миллиона человек, больше на покинутый город вымершей расы, чем на улей человечества. Генерал Себастьяни, возглавлявший авангард, знал этот секрет, как и Мюрат. Русские поспешно заключили перемирие, чтобы эвакуировать это место, оставив после себя только сброд, раненых, стариков и иностранцев.

После Москвы: “Наступать или отступить?”

В. Верещагин

С разрешения Берлинской фотографической компании, Лондон, W

Ни звона колоколов не приветствовало Завоевателя при его триумфальном въезде, ни толп мужчин и женщин, вытягивавших шеи, чтобы хоть мельком увидеть могущественного Императора. Только нежелательные приветствовали его, нераскаявшегося блудного сына и каторжника, освобожденного из тюрьмы губернатором до того, как последние жители бежали вслед за отступающей русской армией. Там стоял гигантский Кремль, Акрополь древней столицы, окруженный массивными стенами; великолепный Успенский собор, в котором

короновались цари; Большой дворец, построенный всего шесть лет назад, и бесчисленное множество церквей. Иконы, но без верующих, дворцы, но без придворных! Император поселился в Кремле, назначив губернатором Мортье со строгими инструкциями не допускать грабежей войск. Позже мы увидим, как выполнялись эти приказы. Внезапно из разных кварталов города взметнулись языки пламени, которые с большим трудом были потушены войсками. Затем было обнаружено, что горит большое общественное здание. Пламя начало распространяться с пугающей и всепожирающей быстротой. Вскоре часть самого Кремля оказалась в неминуемой опасности, и поскольку во дворце-крепости хранилось много пороха, император был вынужден удалиться в замок на некотором расстоянии, чтобы вернуться через два дня, когда разрушительные работы несколько утихли. Лабом был свидетелем многих ужасных сцен, которые он описывает со своей обычной живостью:

“По мере того, как я продвигался к огню, улицы становились все более загроможденными солдатами и нищими, уносившими всевозможные товары. Менее ценные предметы были отвергнуты и вскоре выброшены, а улицы были завалены всевозможными товарами. Наконец я проник внутрь Биржи, но, увы! это было уже не то здание, которое так славилось своим величием; скорее, это была огромная печь, со всех сторон которой непрерывно падали горящие стропила, угрожая нам мгновенным разрушением. Однако я все еще мог с некоторой степенью безопасности продвигаться по площадям, вдоль которых располагались склады, которые солдаты взломали; каждый сундук был перерыт, и добыча превзошла их самые оптимистичные ожидания. Ни крика, ни шума не было слышно в этой ужасной сцене; каждый нашел достаточно, чтобы удовлетворить свою самую страстную жажду грабежа. Не было слышно ничего, кроме потрескивания пламени, шума распахиваемых дверей и время от времени ужасного грохота, вызванного обрушением какого-нибудь хранилища. Хлопок, муслин и все самые дорогие изделия Европы и Азии стали жертвой пламени. Подвалы были заполнены сахаром, маслом и купоросом; все это горело одновременно на подземных складах, выбрасывало потоки пламени сквозь толстые железные решетки и представляло собой ужасное зрелище. Это было ужасно и трогательно; даже самые закаленные умы признавали убежденность в том, что столь великое бедствие когда-нибудь в будущем вызовет месть Всемогущего над виновниками подобных преступлений”.

Пожар начался 14 сентября, а 16-го он бушевал сильнее, чем когда-либо. “Самая душераздирающая сцена, которую когда-либо рисовало мое воображение, - добавляет рассказчик, - теперь предстала моим глазам. Большая часть населения Москвы, напуганная нашим приездом, спряталась в подвалах или потайных уголках своих домов. Когда огонь распространился вокруг, мы увидели, как они в отчаянии выбегают из своих различных убежищ. Они не произносили проклятий, они не жаловались; страх лишил их дара речи; и, поспешно подхватив свои драгоценные пожитки, они бежали от пламени. Другие, более чувствительные и подвижные подлинными чувствами природы, спасли только своих родителей или младенцев, которых они крепко сжимали в объятиях. За ними последовали остальные дети, они бежали так быстро, как только позволяли их слабые силы, и со всей дикостью детского ужаса выкрикивали любимое имя матери. Старики, подавленные горем больше, чем возрастом, не имели достаточно сил, чтобы последовать за своими семьями, и умирали недалеко от домов, в которых родились. Улицы, общественные места и церкви были заполнены этими несчастными людьми, которые, лежа на остатках своего имущества, страдали даже без ропота. Не было слышно ни крика, ни жалобы. И победитель, и побежденные были одинаково ожесточены: один - избытком удачи, другой - избытком страданий”.

Многие современные авторы, включая Лабома, утверждают, что пожар был преднамеренной работой патриотически настроенных граждан во главе с графом Ростопчиным, губернатором Москвы. Последний, конечно, говорил о таком проекте, и, согласно двадцать пятому бюллетеню Великой армии, триста поджигателей, снабженных приспособлениями для поджога деревянных домов, были арестованы и расстреляны. Поскольку граф впоследствии опроверг эту историю, трудно сказать, действительно ли он претворял в жизнь то, что проповедовал; вполне возможно, что некоторые из тех, кто остался позади, на самом деле имели большее отношение к этому делу, чем предполагаемый главный двигатель. Профессор Евгений Щепкин из Императорского Одесского университета говорит, что “Москву не сжигали ни Наполеон, ни граф Ростопчин. Вероятно, пожар был частично случайным и вызван грабителями, как русскими, так и французами; частично преднамеренной работой патриотически настроенных жителей”. Выводы мистера Херефорда Б. Джорджа таковы: “Перед лицом неоспоримых фактов нет достаточных доказательств того, что поджог Москвы был преднамеренным, хотя, конечно, нет никаких доказательств того, что этого не было”.

Теперь Наполеон надеялся, что Александр вступит с ним в переговоры о мире. Произошло неожиданное: царь проявил самую решительную решимость. Он понимал, что вступление в Москву окажет меньшее влияние на окончательные результаты кампании, чем двойное зло - зима и голод, которые неизбежно последуют, если только остатки Великой армии не предпримут быстрого отступления. Что касается его собственных войск, то они постоянно пополнялись и имели дополнительное преимущество в том, что были закалены в суровом климате и своеобразной природе страны. Более того, многие крестьяне, следуя примеру тирольцев и испанцев, вели жестокую партизанскую войну всякий раз, когда у них появлялась такая возможность.

ГЛАВА XXX

Марш унижения (1812)

В течение нескольких недель император оставался в Москве, с тревогой ожидая, как он надеялся, благоприятного ответа на его предложения Александру. “Меня обвиняют, - сказал он, по словам Сегюра, - в том, что я не отступаю; но те, кто осуждает меня, не учитывают, что требуется месяц, чтобы реорганизовать армию и эвакуировать госпитали; что, если мы бросим раненых, казаки будут ежедневно одерживать победу над больными и изолированными людьми. Отступление покажется бегством; и Европа вновь огласится новостями. Какой ужасный ход опасных войн начнется с моего первого шага назад! Я хорошо знал, что Москва, как военная позиция, ничего не стоит; но как политический пункт ее сохранение имеет неоценимую ценность. Мир рассматривает меня только как генерала, забывая, что я император. В политике вы никогда не должны возвращаться по своим стопам: если вы совершили ошибку, вы никогда не должны показывать, что осознаете это; ошибка, которой вы неуклонно придерживаетесь, становится добродетелью в глазах потомков”.

Царь отказался вести переговоры с врагом в Москве, и Наполеон в отчаянии предложил отозвать свое несогласие с русскими планами относительно Константинополя, которые до сих пор вызывали столько горечи, — и все без толку. Александр оставался столь же непреклонен и, ранее сказав сэру Роберту Уилсону, британскому комиссару, что он скорее будет копать картошку в Сибири, чем вести переговоры, пока французский солдат остается на территории России, не отказался от своего слова и не пожалел об этом. Европейские дела были слишком беспокойны, чтобы Наполеон мог занять зимние квартиры. Не было другого выхода, кроме как отдать приказ об отступлении, “прикарманив свою гордость”, как говорят школьники. Итак, марш, который, как он знал, должен был унижить его в глазах как союзников, так и врагов, был начат со всей возможной в данных обстоятельствах скоростью.

Галантные и веселые, они маршировали вперед,
Покоряя Справедливую Россию.
Крадущимися и печальными возвращаются они обратно,
В то время как отважные казаки преследуют.

Казаки в облаках, вороны и коршуны,
Окружают их, когда они летят,
И когда они падают и тонут, умирая,
Их покрывало - снег.

Приведем две строфы стихотворения, написанного в манере знаменитого “Джона Гилпина” и опубликованного в Лондоне. Если это не особенно хорошие стихи, то это настоящая история. Сначала Наполеон надеялся, двинувшись на юг, найти территорию менее опустошенную и бедную, чем та, через которую он прошел. В этом он был разочарован конфликтом, который произошел между корпусом Эжена и армией под командованием Кутузова. Вице-король Италии захватил Малоярославец только для того, чтобы обнаружить, что он одержал бесплодную победу крайней ценой, оставив русских надежно закрепленными на холмах позади разрушенного города. Император хотел продвигаться вперед; позиция противника препятствовала этому. Если бы он знал, что Кутузов заранее договорился об отступлении в случае нападения, Наполеон не колебался бы. Он взвесил этот вопрос в своем уме и обсудил его со своими маршалами, в конце концов придя к выводу, что его армия должна отступать по дороге, по которой она продвигалась, или, по выражению Лабома, через “пустыню, которую мы сами создали”.

Картина отступления, сделанная Верещагиным, передает некоторое представление об этой трагедии. Там изображен суровый и негиббемый император в короне из еловых шишек, которую он носил в то время, а за ним следует его понурый персонал и пустая карета. Мы почти слышим хруст снега под ногами, улавливаем тихое бормотание разочарованных мужчин, бредущих по неровной дороге, и чувствуем ледяную хватку и жалящий укол жестокого ветра. И все же концепция художника, яркая, вне всяких сомнений, не может донести до нас и десятой доли ужасов и страданий того ужасного марша. Лошади спотыкались и гибли, люди падали на обочине и умирали от голода и холода, некоторые в полном отчаянии отбрасывали оружие, другие топтали ноги, как машины, сознавая только резкий ветер, который замораживал их усы и свистел сквозь изодранную одежду.

По словам Лабома, первый снег выпал 6 ноября, когда армия продвигалась к Смоленску, утешенная мыслью, что через три дня они доберутся до места назначения и найдут какое-нибудь грубое укрытие, “как вдруг атмосфера, которая до сих пор была блестящей, затуманилась холодными и плотными испарениями. Солнце, окутанное густейшим туманом, скрылось из виду, и снег, падавший крупными хлопьями, в одно мгновение заслонил день и смешал землю с небом. Яростно дувший ветер страшно выл в лесах и валил ели, уже согнутые льдом; в то время как местность вокруг, насколько хватал глаз, представляла собой сплошную белизну и дикость.

“Солдаты, тщетно борясь со снегом и ветром, которые налетали на них с неистовой яростью, больше не могли различать дорогу; падая в окаймлявшие ее канавы, они нашли там могилу. Другие продолжали свой путь, хотя едва могли тащиться сами. Они были плохо оседланы, плохо одеты, им нечего было есть, нечего пить, они дрожали от холода и стонали от боли. Став эгоистичными от отчаяния, они не оказывали ни помощи, ни даже одного взгляда жалости тем, кто, измученный усталостью и болезнями, умирал вокруг них. В тот ужасный день сколько несчастных, погибавших от холода и голода, тяжело боролись со смертными муками! Мы слышали, как некоторые из них еле слышно прощались со своими друзьями и товарищами. Другие, выпуская последний вздох, произносили имена своих матерей, своих жен, своей родной страны, которую им больше не суждено было увидеть; жестокий мороз сковал их онемевшие члены и проник во все тело. Растянувшись на дороге, мы могли различить только кучи снега, которые покрывали их и которые почти на каждом шагу образовывали небольшие неровности, похожие на множество могил. В то же время огромные стаи воронов, покинувшие равнину, чтобы укрыться в соседних лесах, зловеще каркали, пролетая над нашими головами; а стаи собак, которые следовали за нами от самой Москвы и питались исключительно нашими искалеченными останками, были вокруг нас, как будто хотели ускорить тот период, когда мы станем их добычей.

“С этого дня армия утратила свое мужество и воинский настрой. Солдат больше не подчинялся своему офицеру; офицер отделился от своего генерала; распущенные полки маршировали в беспорядке; в поисках пищи они рассредоточились по равнине, грабя все, что попадалось им на пути. Не успели солдаты отделиться от рядов, как на них напало население, жаждущее отомстить за ужасы, жертвой которых оно стало. Казаки пришли на помощь крестьянам и отогнали их обратно на большую дорогу, уже заполненную умирающими и убитыми, теми из последователей, кто спасся от устроенной среди них резни”.

Маршал Ней , защищающий Арьергард

Автор : Адольф Ивон

С разрешения Braun, Clément & Co., Дорнах (Эльзас)

В маленьком городке Дорогобуй, ранее сожженном по приказу императора, практически невозможно было найти утешения. “Те немногие дома, которые остались,” говорит Лабом, “были заняты исключительно небольшим числом генералов и штабных офицеров. Солдаты, которые все же осмелились встретиться с врагом лицом к лицу, почти не имели укрытия от суровостей времени года, в то время как другие, покинувшие свои части, были отброшены со всех сторон и не нашли убежища ни в одной части лагеря. Каким плачевным было тогда положение этих несчастных! Измученные голодом, мы видели, как они бежали за каждой лошадью, как только она падала. Они пожирали его сырым, как собаки, и дрались между собой за искалеченные конечности. Измученные недосыпанием и долгими переходами, они не видели вокруг себя ничего, кроме снега; не было ни одного места, на котором они могли бы сесть или лечь. Пронизываемые холодом, они бродили по всем сторонам в поисках дров, но из-за снега они полностью исчезли; если им и удавалось найти немного, они не знали, где их разжечь. Если они находили место, менее уязвимое, чем другие, оно давало им лишь кратковременное укрытие, потому что едва они разжигали костер, как яростный ветер гасил его и лишал их единственного утешения, которое оставалось у них в их крайнем отчаянии. Мы видели их толпы, сбившиеся в кучу, как звери, у корней бука или сосны или под повозкой. Другие были заняты тем, что срывали огромные ветви с деревьев или валили их основными силами и сжигали дома, в которых жили офицеры. Хотя они были измучены усталостью, они стояли прямо; они бродили, как призраки, сквозь долгую ночь или неподвижно стояли вокруг какого-нибудь огромного костра”.

Смоленск был достигнут 9 ноября. За несколько дней, проведенных там, солдаты потеряли всякое представление о дисциплине и разграбили пайки, в результате чего, в то время как у одних было вдоволь, другие умирали с голоду. Пробившись к Красному, в основном из-за медленного продвижения противника, к Наполеону присоединились Эжен и Даву, и 19-го числа скованный льдом Днепр был форсирован. Ней и арьергард, не сумевшие вовремя догнать императора, понесли тяжелые потери. Но они продолжали сражаться, и когда они присоединились к основной армии, корпус сократился до такой степени, что в нем насчитывалось всего 900 человек.

Направляясь к реке Березина, Наполеон отдал приказ о спешном строительстве мостов. Несмотря на частые задержки из-за поломок, многие войска и часть артиллерии благополучно переправились. Следовательно, когда появились русские, они обнаружили французов на обоих берегах. Виктор, Удино и Ней, понимая чрезвычайно серьезное положение, в которое они попали, сражались так решительно, что оставшиеся войска, за исключением арьергарда Виктора и нескольких тысяч нежелательных сторонников из лагеря, смогли переправиться через реку. Это предприятие сопровождалось ужасающими человеческими жертвами, по разным оценкам, от 20 000 до 25 000 человек. В Сморгони император, преисполненный тревоги за будущее своего трона и Франции, попрощался со своими маршалами, сказав им, что он соберет еще одну мощную армию, сел в свою дорожную карету и умчался в Париж так быстро, как только лошади могли тянуть громоздкую повозку. Дважды он чудом избежал покушения, и знание о заговоре, организованном Мале с целью подорвать наполеоновскую династию, а также о продолжающихся катастрофах на полуострове не успокоили его взвинченные нервы. Могучее здание, которое он возвел, казалось, рушилось в тот самый момент, когда он надеялся завершить его.

Остатки Великой армии с трудом продвигались к Вильне под командованием, если можно правильно употребить это слово, Мюрата. Катастрофа все еще преследовала их, их силы становились все слабее и слабее. Только 100 000 военнослужащих, в основном под командованием Шварценберга и Макдональда, вернулись на родину. Несомненно, выжившие с грустью думали о судьбе полумиллиона товарищей, некоторые из которых все еще были пленниками или скитальцами, в то время как большинство лежало, окоченев и исхудав, на равнинах и в лесах победоносной России, укрывшись снежным покровом. По меньшей мере 150 000 врагов составили им компанию в смерти. Ни один священник не принес им гроба Господня, но вороны прокаркали похоронный реквием.

ГЛАВА XXXI

Начало конца—Лейпцигская кампания (1813)

“У Колосса, ” сказал аббат Джуда Уэлсли, “ глиняные ноги. Атакуйте его энергично и решительно, и он развалится на куски быстрее, чем вы ожидаете ”.

В первые дни 1813 года Железному герцогу еще не представилась возможность последовать совету дальновидного аббата. Пруссия, маленькая угнетенная и презираемая Пруссия, население которой едва превышало четыре с половиной миллиона человек, должна была проложить путь к освобождению Европы. Когда Наполеон смирил королевство созданием Рейнской конфедерации и установил абсурдно низкую численность прусской армии в 40 000 человек — сущую горстку по сравнению с его собственным огромным вооружением, — он не ожидал дальнейших неприятностей от короля Фридриха Вильгельма III. Император достаточно хорошо понимал характер монарха и был достаточно осведомлен о патриотических идеалах Штейна, чтобы настоять на его отстранении от должности. Но такой дух, как у Штейна, нелегко было обуздать. Наполеон, вместо того чтобы поливать водой рвение бывшего министра, просто подлил масла в огонь. Штейн, свободный от требовательных государственных забот, оказался еще более опасным, чем раньше. Он и сэр Роберт Уилсон укрепили слабеющее мужество Александра, когда Наполеон ожидал мирных предложений царя в Кремле; теперь он и другие пришли на помощь своему собственному королю и, подобно Аарону и Гуру, которые поддерживали слабые руки Моисея в битве при Рефидиме, придали силы колеблющейся вере Фридриха Вильгельма III. Есть много правды в утверждении Трейчке о том, что “Каждый шаг, который был сделан в этом (19-м) веке на пути к единству Германии, был реализацией той или иной мысли Штайна”.

Условия жизни в Пруссии значительно улучшились после Йены. До этого решающего поражения это была страна каст, как сегодня Индия, и сельскохозяйственных классов — крепостных, какими были крестьяне Франции до революции. Теперь цивилизованное рабство было отменено; произошло возрождение образования; что наиболее важно для практических целей на данный момент, произошло возрождение патриотизма.

Общественное мнение в Пруссии было настроено против Наполеона, но одна только моральная сила не могла погубить его. К счастью, страна обладала военным гением в лице Шарнхорста, который заставил тысячи людей пройти через армию, пока она все еще сохраняла нормальную численность, разрешенную императором Франции. Рекруты заняли место боеспособных и после необходимой подготовки уступили место другим. В этом секрет 150 000 обученных людей, которых король Пруссии имел по своему призыву.

Инцидентом, который во многом способствовал возникновению кризиса, который считался неизбежным со всех сторон, было дезертирство к русским прусского корпуса под командованием генерала Йорка. При отступлении из России Йорк командовал арьергардом Макдональда. Маршал, возглавлявший центр, своевременно прибыл в Тильзит, установил связь с Кенигсбергом и стал ждать Йорка. Сначала Макдональд подумал, что прусский генерал потерпел неудачу в дороге, затем поползли слухи о предательстве, и, наконец, офицер, который проверял лед на реке, сообщил ему, что видел, как пруссаки быстро переправились через Неман. “Святые небеса!” Макдональд воскликнул, когда до него дошла вся сила удара. “Нас предали — возможно, сдались; но мы дорого продадим наши жизни”. Однако его слабые силы пробились через густой Бемвальдский лес и после ожесточенной перестрелки при Лабиау достигли Кенигсберга. Оттуда они двинулись к Эльбингу, переправились через замерзшую Вислу и вскоре оказались в пределах видимости крепости Данциг. Здесь Макдональд передал свое командование генералу Раппу, губернатору, и вскоре после этого был отозван в Париж для оказания помощи в организации нового армейского корпуса. Во время интервью император откровенно признал, что его ввели в заблуждение относительно политики Пруссии и что

кампания, которую они собирались предпринять, будет “последней”. “Он добавил,” говорит Макдональд, “ что безоговорочно доверял своему тестю, императору Австрии. ‘ Берегись! - Ответил я. ”Не доверяйте умной политике этого кабинета". Это замечание имело под собой веские основания; австрийские контингенты сыграли лишь половинчатую роль в русской кампании.

Что сделал Йорк, так это взял дело в свои руки и договорился с русскими, потому что опасался за безопасность своих войск. Дибич, командующий, предложивший конференцию, действительно сыграл очень хорошую партию блефа. Он сказал Йорку, что его перехватили, в то время как прусские силы были более чем в семь раз сильнее его собственных! Однако они договорились, что район вокруг Мемеля и Тильзита должен оставаться нейтральной территорией до тех пор, пока не будет получено решение прусского монарха. “Строго говоря, - говорит доктор Дж. Холланд Роуз, “ эта Конвенция была серьезным нарушением международного права и актом предательства по отношению к Наполеону. Король сначала рассматривал это именно в таком свете, но всем его подданным это показалось благородным и патриотическим поступком. Продолжать войну с Россией в интересах Наполеона было бы актом политического самоубийства”.

По договору, умело подготовленному неспящим Штейном и подписанному 27 февраля 1813 года, Пруссия наконец решила бросить вызов и присоединиться к России в борьбе против Наполеона. В июне следующего года Пруссия пообещала набрать 80 000 человек за субсидию в размере 700 000 фунтов стерлингов от Великобритании, в то время как Россия предоставила вдвое большее количество войск за 1 400 000 фунтов стерлингов. Даже Швеция покинула императора в марте, согласившись вывести на поле боя 30 000 человек в обмен на субсидию в размере 1 000 000 фунтов стерлингов в год от Англии и уступку Гваделупы. Австрия, все еще притворяясь дружественной Франции, в январе 1813 года пришла к тайному соглашению с Россией о прекращении военных действий. Впоследствии на конгрессе, состоявшемся в Праге в июле, Наполеону были сделаны попытки к миру.⁵ “Наполеон, - говорит Минье, - не согласился бы на умаление величия; Европа не согласилась бы оставаться ему подчиненной”.

⁵См. также стр. 299.

Когда Наполеон услышал о дезертирстве Пруссии, он пробормотал: “Лучше иметь объявленного врага, чем сомнительного союзника”; покидая Сен-Клу на рассвете 15 апреля и направляясь в штаб армии после того, как назначил императрицу регентшей на время своего отсутствия, он сказал, по словам Коленкура: “Я завидую судьбе самого подлого крестьянина моей Империи. В моем возрасте он выполнил свой долг перед своей страной и может оставаться дома, наслаждаясь обществом своей жены и детей; в то время как я— я должен лететь в лагерь и участвовать в войне. Таков наказ моей необъяснимой Судьбы”.

В то время как французы начинали уставать от непрекращающейся борьбы, они благородно поддерживали императора в его призыве к солдатам заполнить бреши в рядах, вызванные кампанией 1812 года. Было проголосовано не менее 350 000 призывников, города щедро снабжали добровольческие полки, люди, казалось, все еще были очарованы его гением и боялись навлечь на себя его неудовольствие. Но армия для первой саксонской кампании была непохожа на старую армию. В ней было слишком много молодежи, без сомнения, достаточно храбрых парней, но непривычных к суровой полевой и лагерной жизни. К счастью для императора, лучшие из его офицеров остались в живых, и хотя Мюрат называл своего шурина

сумасшедшим, они все еще верили в его здравомыслие и способности. Если бы король Неаполя назвал Наполеона неосмотрительным, у его замечания было бы больше оснований, поскольку его постоянная война превратилась в навязчивую идею. “Я вырос в поле, ” сказал он Меттерниху, - и такой человек, как я, мало заботится о жизнях миллиона людей”. Это был не Наполеон итальянской кампании, а азартный игрок, человек, который доверял материальным силам, а не тщательно выбранным стратегическим позициям и быстрым, решительным ударам. Де Фезенсак отмечал недостаточную осмотрительность Наполеона в польской кампании. “Приказ, - говорит он, - должен быть выполнен, не дожидаясь средств.... Эта привычка пробовать все с помощью самых слабых инструментов, это желание не замечать невозможного, эта безграничная уверенность в успехе, которая поначалу помогала нам добиваться преимуществ, в конце концов стала нашей гибелью”.

В начале кампании Россия и Пруссия вели все боевые действия на стороне союзников, их силы насчитывали 133 000 человек. Кутузов до своей смерти на ранних этапах войны принимал командование объединенными силами; правым крылом командовал Витгенштейн, который сменил его; левым крылом командовал Блюхер. По численности Наполеон был далеко впереди, имея в своем распоряжении около 200 000 военнослужащих, разделенных на Эльбскую армию численностью 60 000 человек, армию Майна численностью около 105 000 человек и 40 000 итальянцев и баварцев. Первым шагом императора было занять Лейпциг, что было несложно, учитывая, что у него было 145 000 человек, в то время как у союзников было всего 80 000, которые можно было задействовать в любой точке. Штаб-квартира последнего находилась в Дрездене. 3 мая 1813 года, через два дня после сражения при Вайсенфельсе, в котором маршал Бессьер был убит пушечным ядром, состоялось сражение при Гросс-Гершен (иногда называемое Лютценом), в котором русские и прусские солдаты дорого продали свои жизни за дело, которое было им так дорого, действительно, они потеряли убитыми и ранеными значительно меньше, чем противник. Некоторые французские призывники были склонны разбегаться при первом же ощущении вкуса настоящей войны, но когда Наполеон приблизился и сказал: “Молодые люди, я рассчитывал, что вы спасете Империю, а вы бежите!” - они воспрянули духом и сражались так же доблестно, как и ветераны. И император России, и король Пруссии наблюдали с соседнего холма за тем, как огромное море людей сражается с группой деревень, вокруг которых развернулась битва. Только после того, как Наполеон подтянул подкрепление, судьба дня была решена в его пользу: не менее четырех из пяти деревень попали в руки союзников, которые теперь отступали к Дрездену. Даже тогда пылкий старик Блюхер — ему было за семьдесят — не смог противостоять кавалерийской атаке в течение часа после полуночи.

Сэр Чарльз Стюарт, британский посланник в ставке Фридриха Вильгельма III, так описывает это отчаянное сражение, прелюдию к тому, что обычно называют первой саксонской кампанией:

“С обеих сторон началась очень оживленная канонада. Деревни Гросс и Кляйн Гершен вскоре были подожжены и взяты союзными войсками, но не без потерь. Тяжелые отряды кавалерии были направлены влево, чтобы помешать противнику обойти этот фланг; ивойска союзников часто оказывались под огнем противника, не добиваясь того эффекта, которого заслуживали их усилия. Упомянутые деревни, когда они были взяты, не давали серьезных преимуществ, поскольку противник также укрепился на позициях, забаррикадировался и окопался в соседних.

“Кавалерия союзников⁶ (особенно пруссаков) часто так быстро наступала на французскую пехоту, что они не могли вернуться в укрепленные деревни, из которых они вышли, и, следовательно, принимали атаки противника по каре. Последовала великая бойня, и прусская кавалерия внушила своим союзникам, русским, величайшее доверие и восхищение. Боевые действия продолжались в борьбе за различные деревни Лютцен, Гершен и Герас, которые были взяты и отвоеваны несколько раз, однако Гершен всегда оставался в руках союзников. Однако к концу дня из Лейпцига прибыла очень сильная колонна, принадлежащая корпусу Богарне, которая угрожала правому флангу союзников и препятствовала их дальнейшему продвижению. Они остались на земле, за которую так доблестно сражались, хозяевами поля битвы. Присутствовали император России, король Пруссии, принцы Пруссии, воодушевлявшие войска величайшим проявлением личных усилий и храбрости.

⁶кавалерия наполеона была очень слаба в этой кампании из-за нехватки лошадей из-за потерь в русской кампании.

Результатом сражения стал захват шестнадцати пушек, нескольких штандартов и нескольких сотен пленных. Сражение продолжалось с десяти часов утра до темноты. Очень трудно получить какую-либо точную информацию о потерях противника. Численность союзников можно оценить примерно в 12 000 пруссаков и 3000 русских, *выбывших из строя*. Основные усилия в сражении пришлось на корпус генерала Блюхера, который сам был ранен, а также на командующего прусскими войсками *генерал-майора*, генерала Шарнхорста,⁷ причем последний был тяжело ранен. Многие наиболее выдающиеся офицеры были убиты и ранены, в том числе бывший принц Гессен-Гомбургский”.

⁷Он умер вскоре после этого, 28 июня.

В результате этой битвы Дрезден был возвращен королю Саксонии, который теперь был только рад примириться со своим бывшим другом после того, как бросил его. Вскоре Наполеон воспользовался полученным преимуществом, выиграв второе сражение при Баутцене 20 и 21 мая. Противник был вынужден отступить в Силезию, но они сделали это в полном порядке, несмотря на продолжавшиеся ожесточенные бои, в ходе которых Дюрок был смертельно ранен. “Прощай, мой друг, ” сказал император умирающему генералу, “ мы еще увидимся, может быть, нескоро!” Он был так потрясен этой печальной сценой, что в тот день отказался от дальнейших военных действий. “Все завтра”, - был единственный ответ, которого он удостоил своих измученных адъютантов.

Теперь было заключено перемирие, Австрия делала дальнейшие попытки к миру, которые императору было бы разумно принять, тем более что они ни в коем случае не были такими абсурдными, какими он их представлял. Вкратце, основные условия заключались в том, что границы Империи должны быть установлены по Рейну, что Германия должна быть эвакуирована и титул Протектора Рейнской конфедерации должен быть отменен, передача Гамбурга, Любека и Бремена и повторный раздел несчастной Польши между Австрией, Пруссией и Россией. Наполеон едва ли был вежлив с Меттернихом, австрийским министром, на которого была возложена деликатная миссия. “Но я знаю, чего ты втайне желаешь”, - сказал он в своей резкой манере. “Вы, австрийцы, желаете получить Италию полностью в свое распоряжение; ваши друзья русские желают Польшу; пруссаки нацелились на Саксонию; англичане - на Бельгию и Голландию. И если я уступлю сегодня, то завтра вы потребуете от меня предметы ваших самых пылких желаний. Но прежде чем вы их получите, приготовьтесь вырастить миллионы мужчин,

пролить кровь многих поколений и прийти лечиться к подножию Монмартра. О, Меттерних, как много дала тебе Англия, чтобы предложить мне такие условия?”

“Значит, вы упорствуете, ” заключил император после ожесточенной словесной баталии, “бросая мне вызов; вы отдадите мне закон? Да будет так! Пусть это будет война, а полем боя станет Вена”.

В результате перемирия Австрия связала свою судьбу с Россией, Пруссией и Швецией, чьи объединенные силы, следовательно, превосходили численностью тех, кто маршировал под знаменами Франции. Теперь быстро последовала длинная серия сражений, наиболее важным из которых была битва при Дрездене между войсками Наполеона и Шварценберга 27 августа, закончившаяся отступлением союзников и поражением французов при Кульме, где было взято 10 000 пленных. После Дрездена император приказал преследовать подавленные русско-пруссские колонны, но это было сделано недостаточно энергично для достижения решающих результатов.

Наполеон внезапно решил вернуться в Дрезден, по какой причине неизвестно; некоторые источники утверждают, что он заболел. Казалось, французы утратили свою доблесть; Макдональда постигла катастрофа, Ней потерпел неудачу при Денневице, когда победа, казалось, была у него в руках, Ренье был вынужден отступить, Бертран покинул Вартенбург. Все шло от плохого к худшему, но следует помнить, что не сам Наполеон встретил этот отпор. Союзники все еще боялись его.

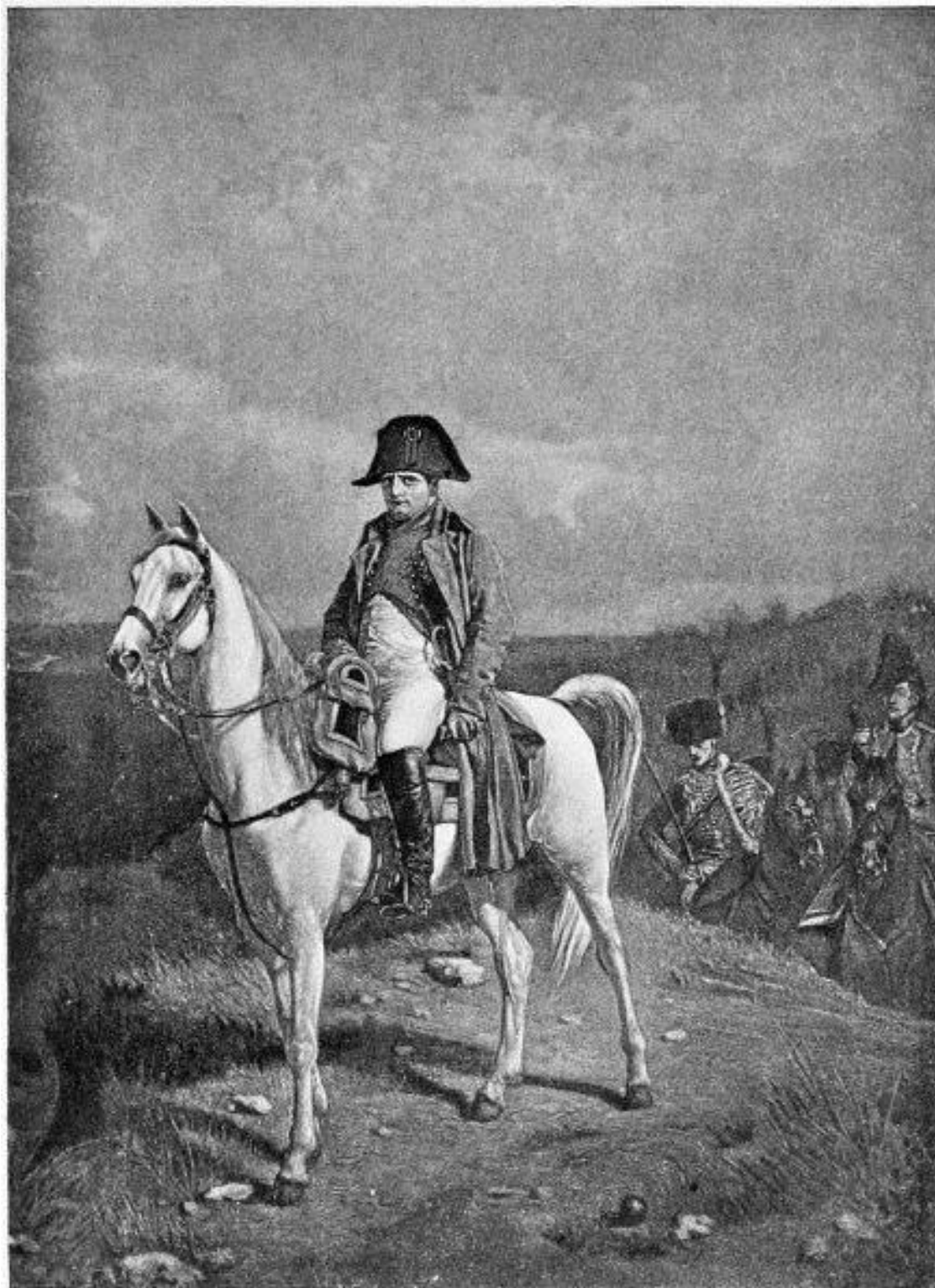
Теперь император сосредоточил около 190 000 солдат в районе Лейпцига, а противник имел в своем распоряжении, возможно, 300 000 человек, которых, однако, не было в наличии в начале ныне знаменитой “Битвы наций”. Это продолжалось с 16 по 19 октября и закончилось поражением Наполеона. За четыре дня было убито или ранено не менее 120 000 человек, что является красноречивым доказательством ужасного характера отчаянного конфликта. Покинутый саксонцами, вюртембергцами и баварцами, Наполеон пробился к Рейну, переправился через реку и, оставив свою армию, численность которой теперь составляла около 70 000 человек, прибыл в Париж 9 ноября. “Завершение кампании, ” сказал Минье, - было таким же катастрофическим, как и предыдущее. Франции угрожали в ее собственных пределах, как это было в 1799 году; но энтузиазма независимости больше не было, и человек, лишивший ее прав, обнаружил, что в этот великий кризис она не в состоянии поддержать его или защитить себя. Порабощение народов рано или поздно всегда отомщено”. Заключительное предложение подводит итог всей философии истории.

ГЛАВА XXXII

Завоевание Завоевателя (1814-1821)

Теперь союзники без тени сомнения одержали верх. Наполеон Завоеватель — ибо он, несомненно, имеет такое же право на этот титул, как Вильгельм Нормандский, — который использовал большую часть Европы в качестве плаца для своих несравненных легионов,

который сверг троны и основал династию в современном девятнадцатом веке, потерпел поражение в двух великих кампаниях. Трудно осознать, что сейчас ему было всего сорок четыре года, в самом расцвете сил, но, как он однажды заметил, “На полях сражений быстро стареешь”. Его поразительная энергия, если не умственная, истощалась физически. Сверхактивность - это всепожирающий огонь.

Автор : Ж. Л. Э. Мейссонье

С разрешения господ. Гупиль и Компания.

Хотя союзники поставили императора на колени или почти поставили, между ними существовали значительные расхождения во мнениях относительно их следующего шага. Он многое потерял: Рейнская конфедерация была разрушена, большая часть Германии не была скована, в Италии произошли катастрофы, британцы были хозяевами полуострова, но его враги хотели большего. Царь и Англия были настроены наиболее решительно; Пруссия, Швеция и Австрия были настроены вяло. В конце концов они согласились дать императору еще один шанс, предложить условия, без сомнения, унижительные, но дающие ему возможность восстановить мир в Европе - благословение, давно желанное, но теперь абсолютно необходимое. Границами Франции должны были стать Рейн, Пиренеи и Альпы. Он мог принять их или выбрать единственную альтернативу — войну. Гордый характер человека, память о былых завоеваниях, особенно о временах Александра и Фридриха Вильгельма III. это было как глина в его руках, делало отрицательный ответ практически неизбежным, и, соответственно, условия союзников были отклонены.

Франция была почти истощена; Наполеон мог собрать не более 200 000 солдат против 620 000 человек, находившихся у союзников. Тем не менее, он утверждал, что рискнуть стоило. Блестящие, лихие дни, когда он мог перейти в наступление, прошли, и, в свою очередь, целью врага стал Париж. 29 января 1814 года, через четыре дня после того, как он покинул столицу, Наполеон атаковал Блюхера и разбил его при Бриенне; при Ла-Ротьере 1 февраля, когда Блюхер получил подкрепление, произошло обратное: император потерял несколько тысяч человек. Снова было сделано предложение о мире, более унижительное, чем прежде, которое встретило не более благоприятный отклик. 10 февраля император одержал победу при Брее, 11-го - при Монмирайле, 12-го - при Шато-Тьерри, 13-го - при Вошане. Это было всего лишь последнее сияние солнца, опускающегося за горизонт. В середине следующего месяца Веллингтон, вынудив французов отступить с полуострова, после чрезвычайно трудной кампании пересек Пиренеи и занял Бордо, в то время как Наполеон отчаянно сражался при Краонне и Лаоне без решающего результата, корпус Мармона понес тяжелые потери. Теперь император обратил свое внимание на главную армию под командованием Шварценберга, но был вынужден отступить к Сен-Дизье. Тем временем Мармон и Мортье принимали меры по обороне Парижа, на который наступали союзники. Маршалы делали все, что могли, но были разбиты, и в конце концов, действуя по совету братьев Наполеона, Жозефа и Жерома, заключили перемирие. Париж, место такого величия при императорском режиме, капитулировал. Император, шедший на выручку столице, когда было уже слишком поздно, услышал ужасную новость от нескольких оставших солдат на почтовом посту, когда меняли лошадей в его карете. “Эти люди сошли с ума!” - воскликнул император. “Это невозможно”. Когда он обнаружил, что заявление было чистой правдой, на его лбу выступили крупные капли пота. “Он повернулся к Коленкуру, - пишет Макдональд, - и сказал: ”Вы это слышите?“ - Пристальным взглядом, который заставил его вздрогнуть”.

Наполеон удалился в Фонтенбло и обсудил ужасную ситуацию с Удино, Маре, Коленкуром, Неем, Макдональдом, Бертье, Лефевром и другими. Он спросил Макдональда, какого мнения

придерживаются его солдаты относительно сдачи Парижа и готовы ли они предпринять попытку вернуть город.

“Они разделяют наше горе, ” ответил маршал, - и я пришел сейчас заявить вам, что они не подвергнут Париж участи Москвы. Мы думаем, что сделали достаточно, предоставили достаточные доказательства нашего искреннего желания спасти Францию от бедствий, которые сейчас обрушиваются на нее, не рискуя предпринять попытку, которая была бы более чем неравной и которая может закончиться только потерей всего. Войска умирают от голода посреди своей собственной страны, хотя их численность и сократилась из-за катастрофических событий кампании, лишений, болезней и, я должен добавить, уныния. После оккупации столицы большое количество солдат разъехалось по своим домам, а остальные не могут найти средств к существованию в лесу Фонтенбло. Если они пойдут вперед, то окажутся на открытой равнине; наша кавалерия ослаблена и измотана; наши лошади не могут идти дальше; у нас недостаточно боеприпасов для одной стычки и нет средств раздобыть больше. Более того, если мы потерпим неудачу, что наиболее вероятно, произойдет, то то, что от нас останется, будет уничтожено, и вся Франция окажется во власти врага. Мы все еще можем навязывать им свои услуги; давайте сохраним нашу позицию. Наше решение принято; к какому бы решению мы ни пришли, мы полны решимости больше не иметь с ним ничего общего. Со своей стороны, я заявляю вам, что мой меч никогда не будет обнажен против французов и не обагрится французской кровью. Какое бы решение ни было принято, с нас хватит этой злосчастной войны и без разжигания гражданской войны”.

Император был совершенно спокоен; он встретил свое поражение с меньшим беспокойством, чем в старые времена, когда незначительная ошибка мгновенно вызывала бурную вспышку гнева. Взяв ручку, он написал предложение об отречении от престола от имени своего сына. Снова и снова он пытался привлечь на свою сторону своих старых товарищей по оружию, прежде чем понял, что игра окончена. 11 апреля 1814 года он подписал собственное увольнение, не выдвигая никаких условий и отказываясь от всего.

“Союзные державы, - писал он, - объявив, что император был единственным препятствием на пути восстановления мира в Европе, император, верный своим клятвам, заявляет, что он отказывается ради себя и своих наследников от тронов Франции и Италии, и что нет такой жертвы, даже жизни, на которую он не готов пойти в интересах Франции”.

С притворной щедростью союзники подарили бывшему императору Запада крошечный остров Эльба в качестве его будущего королевства, армию численностью 400 человек и доход в размере 2 000 000 франков в год, который так и не был выплачен. Императрице и ее сыну были пожалованы герцогства Парма, Плацентия и Гуасталла, а также обширные субсидии, и у остальных членов семьи Бонапартов не было причин жаловаться на обращение с ними.

Деятельность Наполеона в его миниатюрных владениях, которые имеют 17 с половиной миль в ширину и 12 миль с севера на юг, сравнивают с синей бутылкой под стеклянным стаканом. Он, безусловно, вложил значительную энергию в свою администрацию, возвел укрепления, проложил дороги, создал воображаемый военно-морской флот и аннексировал соседний остров Пальмайола. Все это было полезной пылью, которую можно было бросить в глаза тем, кто наблюдал. 29 апреля 1814 года Наполеон отплыл к Эльбе на "*Неустрашимом*", британском судне под командованием капитана Ашера; менее чем через год, 26 февраля 1815 года, он ступил на борт французского бригаа "*Непостоянный*" для своего последнего отчаянного

приключения. С 1050 войсками он решил вторгнуться во Францию, чтобы “дойти до Парижа без единого выстрела”.

Он выбрал благоприятное время для приведения в действие плана, который втайне вынашивал. Союзники все еще ссорились между собой, в частности, царь проявлял по отношению к другим скорее воинственное, чем миролюбивое расположение; около 300 000 военнослужащих были освобождены из немецких крепостей, испанских тюрем и британских громад и могли сплотиться вокруг него; бурбоны, сменившиеся у власти, были какими угодно, но только не популярными, и люди начали говорить о “старых добрых временах”, когда ненасытный французский аппетит к славе был утолен. В первый день марта командующий и его маленькая армия высадились близ Канн и как можно быстрее двинулись к Греноблю. Гарнизон, казалось, не особенно горел желанием слушать его увертюры. Расстегивая мундир, он провозгласил солдатам: “Вот ваш император; если кто-то хочет убить его, пусть стреляет!” Этот драматический призыв был неотразим. Отряд немедленно присоединился к нему, за ним последовали многие другие, когда он двинулся в направлении Парижа. Крестьяне, которые с неподдельным восторгом услышали бы о его убийстве десять месяцев назад, теперь приветствовали его, когда он ехал во главе своей быстро увеличивающейся армии, в которую входили Ней и 6000 солдат, посланных для его поимки. Новый король счел целесообразным покинуть Париж; на следующий день Наполеон вошел в него и снова был в Тюильри. Не теряя ни минуты, он приступил к перестройке правительства. Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия объявили его вне закона, что было шагом менее серьезным, чем их соглашение держать 600 000 солдат под ружьем “до тех пор, пока Бонапарт не станет абсолютно неспособным разжигать дальнейшие беспорядки”. В начале военных действий у императора было 125 000 человек, у союзников - 210 000.

О кампании Наполеона в Бельгии мало что нужно говорить. Она была короткой и решающей. 16 июня 1815 года он одержал свою последнюю победу при Линьи, где разбил пруссаков под командованием Блюхера, а Веллингтон одержал победу в битве при Катр-Бра против Нея. Два дня спустя Веллингтон и Блюхер разгромили французов на поле Ватерлоо. Впоследствии Железный герцог сказал Томасу Криви, что это был “самый близкий бег, который вы когда-либо видели в своей жизни”.

Бегство с вокзала Ватерлоо

Автор: А. К. Гоу, Р.А.

С разрешения Берлинской фотографической компании, Лондон, W.

“Утром 18-го, - рассказывает сэр Хасси Вивиан, командовавший британской бригадой, - около одиннадцати часов наши передовые посты были отброшены, и мы увидели, что колонна противника движется в атаку на нас.

Вскоре началась стрельба, и около часа дня по центру и левому краю нашей линии была предпринята одна из самых отчаянных атак, которые я когда-либо видел; она была отбита и повторялась дважды, армии постоянно смешивались друг с другом, и французы всегда прикрывали каждую атаку самой оглушительной канонадой, которую вы только можете себе представить. Что касается конкретной ситуации, в которой оказалась моя бригада, то она не сильно пострадала до последней атаки; местность слева не пропускала наступающую кавалерию, и я, находясь слева от всех, следовательно, пострадал только от канонады. Однако около шести часов я узнал, что кавалерия в центре ужасно пострадала, и пруссаки примерно в это время построились слева от меня, я взял на себя смелость отойти слева от нас и остановился прямо в центре нашей линии, куда я прибыл как нельзя более кстати в тот момент, когда Бонапарт предпринимал свое последнее и самое отчаянное усилие. И никогда я не был свидетелем чего-либо столь потрясающего: земля действительно покрыта мертвецами и умирающими, пушечные выстрелы и снаряды летят гуще, чем я когда-либо слышал мушкетные выстрелы.

“При таком положении дел я развернул свою бригаду в линию вплотную (на расстоянии десяти ярдов) к тылу нашей пехоты и приготовился атаковать в тот момент, когда они отступили через

мои интервалы (в этот момент были ранены три офицера эскадрона). Это, однако, придало им уверенности, и бригады, которые буквально убегали, остановились под наши приветствия и снова вступили в бой. Противник с их стороны начал колебаться. Герцог заметил это и приказал пехоте наступать. Я немедленно развернул бригаду полуэскадронами вправо и в колонне, перешагивая через мертвых и умирающих, рысью объехал справа от нашей пехоты, миновал французскую пехоту и построил шеренги полков на первых полуэскадронах. 10-го числа я атаковал отряд французских кирасир и улан, бесконечно превосходивший их, и полностью разбил их. Затем я отправился в 18-й полк и атаковал второй корпус, который поддерживал каре императорской гвардии, и 18-й полк не только разгромил их, но и захватил четырнадцать орудий, которые стреляли в нас картечью во время нашего движения. Затем я с 10-м полком, перестроив их, атаковал каре пехоты, имперских гвардейцев, людей из которых мы вырезали в строю, и вот прозвучал последний выстрел — с этого момента все было разрушено.... Ни я, ни кто-либо другой никогда не видел такого дня”.

В подтверждение последнего утверждения сэр Гарри Смит, который также сражался под командованием Веллингтона в этой кампании, говорит: “Я никогда не видел ничего, что могло бы сравниться с тем, что я видел”, за исключением только “одного места под Новым Орлеаном и прорыва при Бадахосе”. Он добавляет описание поля в том виде, в каком он наблюдал его на следующий день:

“При Ватерлоо, ” пишет он, “ все поле справа налево было усеяно мертвыми телами. В одном месте, справа от Ла-Э-Сент, французские кирасиры были буквально навалены друг на друга; многие солдаты, не получившие ранений, лежали под своими лошадьми; другие, смертельно раненные, иногда вместе со своими лошадьми боролись с их израненными телами. Зрелище было отвратительным, и у меня не было ни средств, ни сил помочь им. Настоятельный долг заставил меня отправиться на поле боя моих товарищей, где у меня было много дел, чтобы помочь многим, кто остался без присмотра на всю ночь; некоторых считали мертвыми, но искра жизни вернулась. По всему полю боя вы видели офицеров и столько солдат, сколько было разрешено покинуть строй, склонившихся и рыдающих над каким-нибудь мертвым или умирающим братом или товарищем. Битва произошла в воскресенье, 18 июня, и я повторил про себя стих из Псалмов того дня — 91-й псалом, 7-й стих: ‘Тысяча падет подле тебя, и десять тысяч по правую руку от тебя, но она не приблизится к тебе’. Я благословил Всемогущего Бога, что нашего герцога пощадили, и поскакал к моему генералу, которого я застал с завтраком, ожидающим моего прибытия ”. По мнению сэра Гарри, “Наполеон плохо сражался в битве, его атаки были не одновременными, а частичными и изолированными, и позволили герцогу отразить каждую из них сосредоточением сил”.

Мимолетный взгляд на поверженного Колосса, мчащегося к Парижу, дает нам Александр Дюма, который в то время жил со своей матерью на почтовой станции Виллер-Котре, примерно в пятидесяти пяти милях от столицы. Романист видел, как император проезжал через маленький городок перед началом сокрушительного конфликта. Тогда его сопровождали генерал Летор и Жером Бонапарт. Дюма говорит:

“В семь часов прибыл курьер; он был весь в грязи, его лошадь дрожала с головы до ног и готова была упасть от усталости. Он приказал приготовить четверку лошадей для кареты, которая следовала за ним, затем вскочил на коня и снова пустился в путь.

- Мы напрасно расспрашивали его; он либо ничего не знал, либо ничего не хотел говорить.

“Четырех лошадей вывели из конюшни и запрягли в экипаж, готовый к отправке: быстро приближающийся тяжелый грохот возвестил о его приближении, вскоре мы увидели, как он появился из-за угла улицы и остановился у дверей.

Начальник почты вышел вперед и остолбенел. Я схватил его за фалды сюртука и спросил: "Это он?" император?"

“Да”.

“ Это действительно был император, точно в том же месте и в той же карете, с одним адъютантом рядом с ним и другим напротив него, каким я видел его раньше. Но его спутниками не были ни Джером, ни Леторт. Леторт был убит, и Лаон поручил Джерому собрать армию.

- Это был тот же самый человек, с тем же бледным, болезненным, бесстрастным лицом, но его голова была еще больше склонена на грудь.

- Было ли это просто от усталости или от горя из-за того, что вы поставили на карту весь мир и потеряли его?

Как и в первый раз, он поднял голову, почувствовав, что экипаж тронулся, и бросил вокруг тот самый рассеянный взгляд, который становился таким пронизательным, когда он останавливал его на человеке или осматривал горизонт, те две неизвестные стихии, за которыми всегда могла таиться опасность.

“Где мы?” - спросил он.

- В Виллер-Котре, сир.

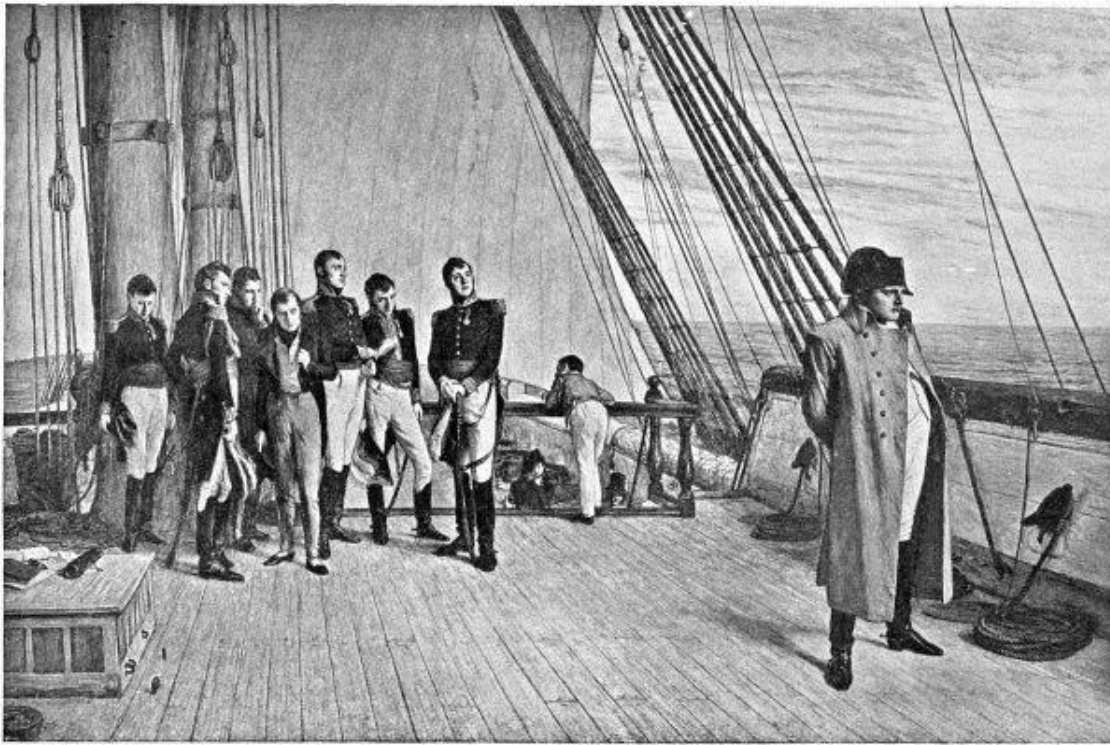
“Отлично! в восемнадцати лье от Парижа?”

“Да, сир”.

- “Продолжай”.

В своем втором отречении, подписанном 22 июня, император объявил, что его общественная жизнь закончена, и провозгласил своего сына Наполеоном II., императором Франции. Но ребенку, для которого его отец предвкушал столь блестящую карьеру в 1811 году, который родился с могущественным титулом короля Рима, никогда не было суждено носить корону Франции. Этот знак королевского звания был вновь надет Людовиком XVIII.

Могущественный завоеватель добился своего. Он отдал себя на милость нации, к которой не проявлял милосердия и которую ненавидел лютой ненавистью. Великобритания отправила его на скалу острова Святой Елены, далеко на широкой груди Атлантики, и на хорошо известной картине покойного сэра У. К. Орчардсона “Наполеон на ‘Беллерофонте’” мы видим, как Наполеон в последний раз прощается с Францией. Он стоит в одиночестве, неся вместо груза Империи почти непосильное бремя разбитых надежд. Исчезли династия, трон и родственники, все, что имело ценность в его сложной жизни, но Императорское достоинство никогда не будет утрачено. Он остается Наполеоном Великим. Жесткость рта и суровое и непреклонное поведение говорят вам о том, что воля все еще непокорена.

Наполеон на борту “Беллерофонта”

Автор: сэр У. К. Орчардсон, Р.А.

С разрешения Берлинской фотографической компании, Лондон, W.

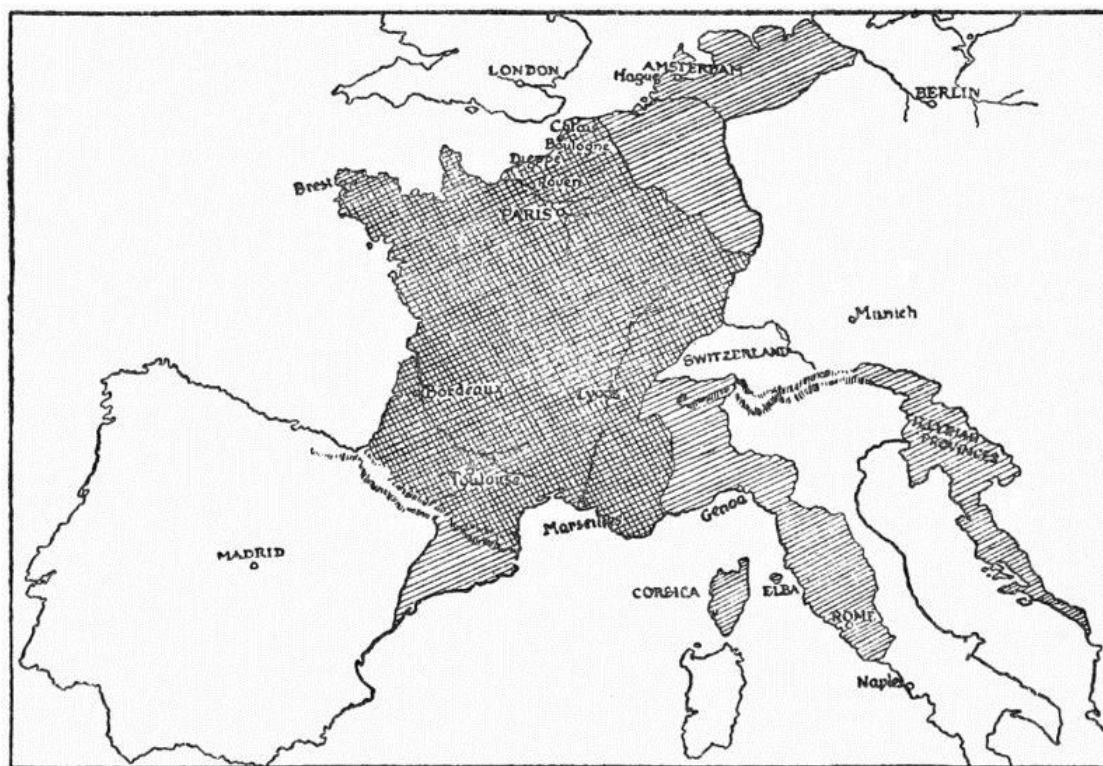
Его "звезда" увела его далеко от незначительного Аяччо и теперь вела еще дальше. Неизвестный юноша, кадет, лейтенант, генерал, император, государственный деятель, конструктор, разрушитель - он был всем и даже больше. Теперь судьба поставила перед ним гораздо более сложную задачу, а именно: править самим собой. В этом он, возможно, преуспел меньше, чем мириады людей, которые молча сошли в могилу и чьим именам нет места ни на печатных страницах, ни в свитках истории. На уединенной острове Святой Елены, изолированный от других человеческих поселений, под наблюдением солдат армии, которая так много сделала для его падения, но в окружении небольшой группы людей, которые отказались покинуть его в его последние дни испытаний и отчаяния, он провел остаток жизни, которая была прожита в полной мере. Иногда его былой энтузиазм возрождался, когда он вспоминал историю кампании, в других случаях он проявлял капризность избалованного ребенка из-за чрезмерно добросовестного чувства долга, проявленного сэром Хадсоном Лоу, губернатором острова. Возможно, это более драматичный финал столь удивительной истории, чем если бы он пал в битве. Многие люди встретили свою смерть таким образом, но на острове Святой Елены был только один императорский узник, изгнанный монарх, душа которого улетела в бурную ночь 5 мая 1821 года.

“Слава нашей крови и государства
- тени, а не материальные вещи;
Нет брони против судьбы;
Смерть кладет свою ледяную руку на королей;
Скипетр и корона

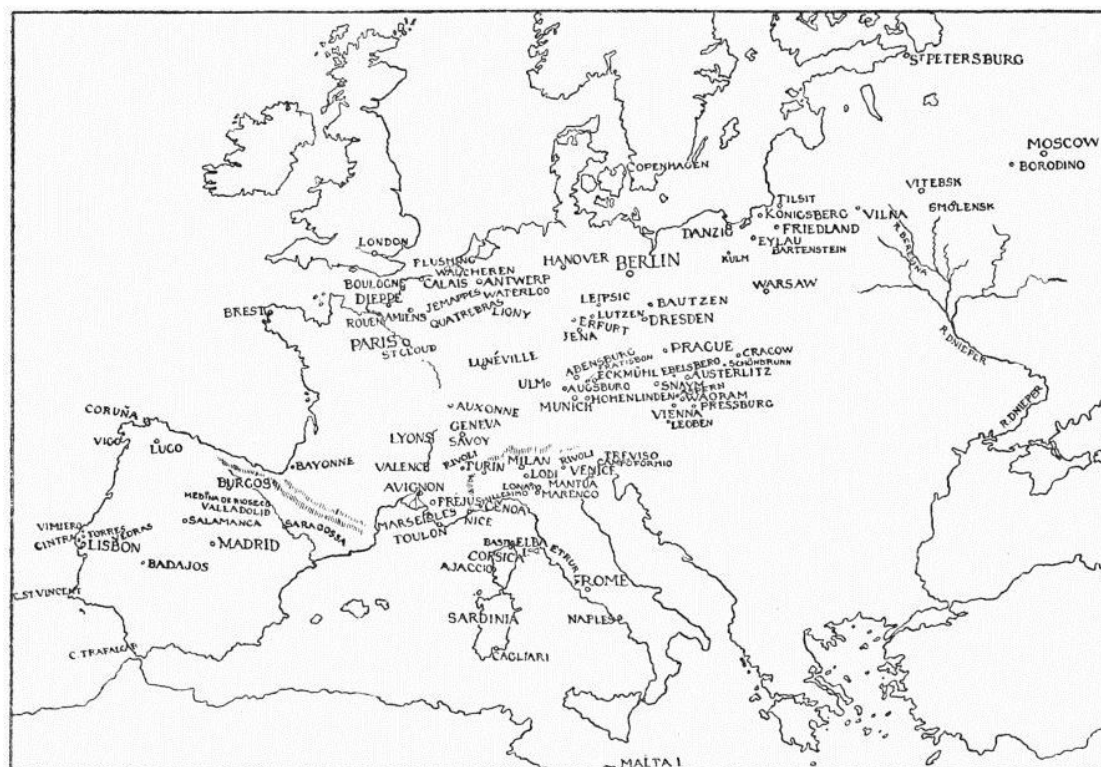
Должны упасть,
И превратиться в прах, сравнившись
С жалкими кривыми косой и лопатой”.

“Я желаю, чтобы мой прах покоился на берегах Сены, среди французского народа, который я так сильно любил”, - написал Наполеон в своем завещании, и нация с волнением откликнулась на пожелание своего великого Сына. Они забыли, что он расточал французские сокровища и ресурсы как расточитель, что его безумные амбиции привели их к финансовому и политическому краху; они простили ему то, что он привел молодежь Франции к развалу и лишил их дома отцов, мужей, братьев, сыновей. Они помнили только, что он прославил Францию, и посреди прекрасного Парижа воздвигли самую благородную Гробницу, какую только мог придумать гений современности. Это священное место паломничества для каждого сына и дочери Франции, и мужчины и женщины других наций непрерывным потоком проходят перед массивным саркофагом, который — о, ирония судьбы! — был высечен в русской каменоломне, памятной данью царя Николая I. могущественному противнику своего брата. Каждый, кто входит в это тихое место, не преминет склонить голову перед этим пеплом, и мы тоже, возможно, издалека, можем на мгновение задуматься о тщете человеческой славы и поразмыслить над вечной истиной:

“Только деяния праведных
Благоухают и расцветают в их пыли”.

Менее глубоко заштрихованная часть показывает масштабы Французской империи на пике могущества Наполеона. Более темная часть показывает ее уменьшившиеся размеры после 1815 года.

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; неоднозначные дефисы в концах строк были сохранены.

Текст содержит несколько слов, которые иногда пишутся через дефис, а иногда нет, таких как “поле битвы” и “battlefield”; здесь сохранены обе формы.

Указатель не проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.